

НЕВЛЯ

27 • 2011

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Игорь Холодяков, Геннадий Тарнакин Голос зоны	18
Анна Петренко Женщины за решеткой	27
Юрий Вдовин Независимость, свобода и коррупция	34
Юрий Баранов Больные в пенитенциарных учреждениях	37
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека (сентябрь – ноябрь 2011 года)	44
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	56
Александр Зимбовский Дело Максима Петлина. Как стать вымогателем	75
Алек Д. Эпштейн Защищая власть от общества: кому и зачем нужна «борьба с экстремизмом»	78
Лев Левинсон Четыре шага вперед, четыре шага назад	91
Наталья Малыгина Не «кивалы», а заседатели	101

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Инсулиновая палата	106
Иван Маркелов От тюрьмы и от психушки...	124
Александр Август Саботаж	132
СИДИ И ЧИТАЙ	
Александр Хныков После зоны	144
Эдуард Михайлов Метаморфозы	153

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование Норвежский Хельсинкский комитет

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 ноября 2011 г.** в учреждениях УИС содержалось всего **768,9 тыс. человек** (– 50,3 тыс. человек к началу года).

В 760 исправительных колониях отбывало наказание 652,4 тыс. человек (– 42,0 тыс. человек), в том числе:

– **в 150 колониях-поселениях** отбывало наказание 45,8 тыс. человек (– 3549 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1783 человека (+ 44 человека).

В 230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось 112,3 тыс. человек (– 6704 человека).

В 7 тюрьмах отбывало наказание 1,1 тыс. человек (– 613 человек).

В 47 воспитательных колониях для несовершеннолетних 3,0 тыс. человек (– 996 человек).

В учреждениях содержится 60,2 тыс. женщин (– 6093 человека), в том числе 50,2 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, и 10,0 тыс. человек, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу; при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 800 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

– 2457 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 481,5 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

– 87 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 552 центр трудовой адаптации осужденных, 49 лечебно-, 46 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 217 обособленных структурных подразделений, 332 профессионально-технических училища, действуют 487 храмов, 443 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 321,0 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников 257,0 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больницы, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий. Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Правительством РФ подготовлен перечень отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятие которыми устанавливаются ограничения для больных наркоманией (*Постановление Правительства РФ от 18.05.2011 № 394 «Об утверждении перечня отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятие которыми устанавливаются ограничения для больных наркоманией»*).

В утвержденный перечень включены, в частности, следующие виды деятельности: деятельность, связанная с оборотом наркотических средств и психотропных веществ; работы в качестве членов летных и кабинных экипажей воздушных судов гражданской авиации, диспетчеров, осуществляющих организацию и управление воздушным движением; работы на морских судах, судах смешанного (река – море) плавания и на судах внутреннего плавания; все виды деятельности в области использования атомной энергии; деятельность, связанная с оборотом оружия; аварийно-спасательные работы; подводные работы; подземные работы; медицинская деятельность; педагогическая деятельность; работы в детских и подростковых сезонных оздоровительных организациях; работы на рабочих местах с вредными или опасными условиями труда (4 класс), установленными по результатам аттестации рабочих мест по условиям труда.

Названные меры приняты, чтобы защитить здоровье, нравственность, права и законные интересы граждан, обеспечить оборону страны и безопасность государства.

Сексуальными преступлениями против несовершеннолетних будет заниматься Следственный комитет России (Федеральный закон от 03.06.2011 № 119-ФЗ «О внесении изменений в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Изменена подсудственность уголовных дел о половом сношении, мужеложстве или лесбиянстве, развратных действиях, совершенных в отношении лиц до 16 лет.

Речь идет о преступлениях, предусмотренных статьями 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и 135 УК РФ «Развратные действия».

Ранее указанными преступлениями занимались следователи органов внутренних дел. Однако данные деяния обладают большой степенью общественной опасности и высокой латентностью. Они труднодоказуемы. В связи с этим такие дела и переданы в ведение Следственного комитета России.

Поправки применяются в отношении уголовных дел, возбужденных после вступления в силу данного Федерального закона.

Состав суда будут формировать с использованием автоматизированной информационной системы (Федеральный закон от 14.06.2011 № 140-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Расширены процессуально допустимые способы формирования состава суда для рассмотрения конкретного дела. Для этого допускается использовать автоматизированную информационную систему, что позволит исключить влияние лиц, заинтересованных в исходе разбирательства.

Также учитывается нагрузка и специализация судей.

Усилен контроль за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ (Федеральный закон от 14.06.2011 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» в связи с совершенствованием контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ»).

Принят закон, распространяющий действующие меры государственного контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, на их прекурсоры (соответствующий перечень прекурсоров будет внесен в список I). Напомним, что в данный список входят ве-

щества, оборот которых в РФ запрещен в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ.

Так, в частности, согласно внесенным поправкам предусматривается обязательное лицензирование всех видов деятельности и устанавливается государственная монополия на основные виды деятельности, связанные с оборотом прекурсоров, внесенных в список I.

Закон вступит в силу по истечении 120 дней после его официального опубликования.

Расширен перечень наиболее общественно опасных составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, за совершение которых осужденные направляются для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы (Федеральный закон от 27.06.2011 № 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»).

В указанный перечень, установленный частью 4 статьи 73 УИК РФ, дополнительно включено: участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом (часть 2 статьи 208 УК РФ); организация экстремистского сообщества (статья 282.1 УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (статья 282.2 УК РФ).

В соответствии со статьей 81 УИК РФ осужденные к лишению свободы должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одной исправительной колонии, тюрьме или воспитательной колонии. Перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одной колонии в другую того же вида или из одной тюрьмы в другую допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении.

В этой связи статья 81 УИК РФ дополнена положением, согласно которому совершение преступлений, перечисленных в части 4 статьи 73 УИК РФ, будет являться основанием для перевода указанных осужденных из одного исправительного учреждения в другое того же вида.

По мнению законодателя, внесенные изменения позволят повысить эффективность принимаемых мер, направленных на противодействие терроризму и экстремизму, а также избежать концентрации в исправительных учреждениях осужденных за совершение преступлений, представляющих повышенную общественную опасность.

Принят закон, предоставляющий следственным органам возможность уничтожения наркотических средств, признанных вещественными доказательствами по уголовным делам, до вынесения приговора судом (Федеральный закон от 11.07.2011 № 195-ФЗ «О внесении изменений в статьи 82 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Принятые поправки устанавливают порядок обращения с доказательствами в виде изъятых из незаконного оборота наркотиков, психотропных средств, а также растений (их частей), которые содержат такие вещества либо их прекурсоры.

Установлено, что изъятые из незаконного оборота наркотические средства, психотропные вещества, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, после проведения необходимых исследований передаются для их технологической переработки или уничтожаются по решению суда в порядке, установленном Правительством РФ, о чем составляется протокол.

К материалам уголовного дела приобщается достаточный для сравнительного исследования образец изъятого наркотического средства, психотропного вещества, растения, содержащего наркотические средства или психотропные вещества, либо его части, содержащей наркотические средства или психотропные вещества.

Следователям (дознателям) дано право возбуждать перед судом ходатайства о следственных действиях, касающихся реализации или уничтожения названных доказательств, а также доказательств в виде изъятых из незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; предметов, длительное хранение которых опасно для окружающей среды или жизни и здоровья людей. Они будут делать это с согласия руководителей следственных органов/прокуроров.

При рассмотрении ходатайства о производстве следственных действий, касающихся реализации или уничтожения данных вещественных доказательств, в судебном заседании вправе также участвовать подозреваемый, обвиняемый, их защитники или законные представители.

Закон вступает в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования.

Если подсудимый не согласен на участие присяжных заседателей, его дело смогут выделить в отдельное производство (Федеральный закон от 11.07.2011 № 194-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Федеральным законом внесены изменения в статьи 236 и 325 УПК РФ.

Так, часть 1 статьи 236 УПК РФ дополняется пунктом 7, предусматривающим полномочия судьи принять по итогам предварительного слушания решение о выделении или о невозможности выделения в отдельное производство уголовного дела, если по уголовному делу, в котором участвуют несколько обвиняемых, один или несколько обвиняемых отказываются от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Часть 2 статьи 325 УПК РФ излагается в новой редакции, предусматривающей, в частности, что при решении вопроса о выделении уголовного дела в отдельное производство в случае отказа одного или нескольких подсудимых от рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей судом должно быть установлено, что выделение уголовного дела не будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения соответствующих дел. При невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

Дополнен список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен (список I) (*Постановление Правительства РФ от 07.07.2011 № 540 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ»*).

Раздел «Наркотические средства» указанного списка (постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681) дополнен следующими позициями: б-дезоксикодеин; фенилацетилиндол [1-(1H-индол-3-ил)-2-фенилэтанон].

В разделе «Психотропные вещества» данного списка к позиции «Амфетамин» отнесены производные этого вещества, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденный указанным постановлением Правительства РФ.

Аналогичные позиции включены в Постановление Правительства РФ от 07.02.2006 № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Как оценивается и содержится предмет залога, внесенного по уголовному делу? (Постановление Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности»).

По уголовному делу может вноситься залог. Цель залога – обеспечить явку подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупредить совершение им новых преступлений.

Предметом залога выступают недвижимость, денежные средства, драгоценные камни (металлы) и изделия из них, акции и облигации. По уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее 100 тыс. руб., тяжких и особо тяжких – 500 тыс. руб.

Установлен порядок оценки и содержания предмета залога.

Залогодатель представляет в орган, в производстве которого находится уголовное дело, либо в суд (если началось разбирательство) подлинники документов о праве собственности на соответствующее имущество. Также нужно подтвердить, что отсутствуют ограничения (обременения) на него. При передаче в залог ценных бумаг нужна выписка из ЕГРЮЛ, что эмитент не находится в процессе ликвидации и не прекратил свою деятельность.

Облигации принимаются в залог, если до наступления срока их погашения осталось не менее года.

Оформляется протокол с приложением акта приема-передачи предмета залога.

При оценке передаваемого имущества определяется его рыночная стоимость. Она должна быть произведена не ранее чем за 5 рабочих дней до даты подачи ходатайства о применении залога. Одновременно с последним представляются отчет об оценке, экспертное заключение на него и копия договора о ее проведении.

Условия содержания предмета залога должны исключать его подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату его свойств.

Денежные средства хранятся на депозитном счете соответствующего суда, регионального управления (отдела) Судебного департамента при ВС РФ или органа следствия (дознания).

Расходы по оценке и содержанию имущества несет залогодатель.

Суды разъясняют

Что является основаниями отмены или изменения судебного решения судом кассационной инстанции?

Согласно части 1 статьи 381 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения судом кассационной инстанции являются такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных данным Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора. Названная норма определяет, таким образом, критерии, по которым нарушение уголовно-процессуального закона, выявленное при рассмотрении дела судом кассационной инстанции, может быть отнесено им к влекущим указанные в ней процессуальные последствия. О наличии нарушений уголовно-процессуального закона, подпадающих под эти критерии, суд кассационной инстанции может прийти к выводу, только проверив соблюдение установленных уголовно-процессуальным законом правил и выслушав доводы сторон. Соответственно, оценка того, может ли – исходя из обстоятельств конкретного дела – повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора выявленное судом кассационной инстанции нарушение уголовно-процессуального закона, и, следовательно, является ли оно основанием для отмены или изменения соответствующего судебного решения, относится к полномочиям суда кассационной инстанции.

(Определение КС РФ от 26 мая 2011 г. № 622-0-0)

Верховный суд РФ разъяснил нормы УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти или вражды.

Разъяснены, в частности, вопросы определения объективной стороны таких преступлений и вопросы установления действительного мотива преступлений, которые могут подпадать под признаки преступлений экстремистской направленности. Также обращено внимание на то, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды. В постановлении упоминается и о нормах международного права, устанавливающих, что в отношении политических деятелей пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Пленум ВС РФ сформулировал выводы, которые должны учитываться при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности.

Даны рекомендации относительно квалификации такого рода преступлений.

Подробно разъяснены объективная и субъективная стороны таких преступлений экстремистской направленности, как организация экстремистского сообщества и организация деятельности экстремистской организации (статьи 282.1 и 282.2 УК РФ), в том числе указана возможная деятельность руководителей, участников, структурных подразделений таких сообществ и организаций. Дано определение добровольного прекращения участия в деятельности экстремистской организации.

Отмечено, что в первую очередь в отношении их подлежит доказыванию соответствующий мотив их совершения. Если он установлен, преступление против жизни и здоровья уже не может квалифицироваться как предусматривающее иные мотив или цель.

Подчеркивается, что преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды (либо по аналогичным мотивам в отношении какой-либо соцгруппы), следует отграничивать от деяний, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Приведены обстоятельства, на которые следует ориентироваться для этого.

Разъяснено, что понимать под публичными призывами к экстремистской деятельности. Указывается, что вопрос о публичности подобных призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, размещение на сайтах, в блогах или на форумах и т.д.).

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.

При этом перечисленные действия уголовно наказуемы, только если они совершены публично или с использованием СМИ.

В постановлении затронуты и вопросы процессуального характера, в частности вопросы назначения судом экспертизы тех или иных информационных материалов, как лингвистической, так и комплексной, к которой помимо лингвистов могут привлекаться и другие специалисты (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и т.п.).

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»)

В каком случае допускается изменение обвинения во время судебного разбирательства?

Статья 252 УПК РФ устанавливает, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (ч. 1) и что изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ч. 2). Данные нормы относятся к общим условиям судебного разбирательства и направлены на защиту интересов подсудимого.

(Определение КС РФ от 7 июня 2011 г. № 751-О-О)

Вправе ли суд, следователь или дознаватель прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон и в каких случаях они могут отказать в этом?

Да, вправе. В статье 25 УПК РФ закреплено правило, согласно которому суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон.

Вытекающее из взаимосвязанных положений статьи 76 УК РФ и статьи 25 УПК РФ полномочие суда, следователя и дознавателя отказать в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и тем самым – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. При этом указание в названных статьях на возможность освобождения от уголовной ответственности, на право, а не обязанность прекратить уголовное дело не означает произвольное разрешение данного вопроса уполномоченным органом или должностным лицом, которые, рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье

право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

(Определение КС РФ от 21 июня 2011 г. № 860-0-0)

В каких случаях лицо подлежит уголовной ответственности?

УК РФ, призванный обеспечить безопасность человека (ч. 1 ст. 7), предусматривает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (ч. 1 ст. 5), и что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6). В рамках уголовного судопроизводства это предполагает по меньшей мере установление обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины (или невиновности) лица в совершении инкриминируемого деяния.

(Определение КС РФ от 21 июня 2011 г. № 860-0-0)

В каких случаях судья возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом?

Согласно статье 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если: обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований данного Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе этого заключения или акта; копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, когда суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке, установленном частью 4 статьи 222 или частью 3 статьи 226 данного Кодекса; есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера; имеются предсмот-

ренные статьей 153 данного Кодекса основания для соединения уголовных дел; при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью 5 статьи 217 данного Кодекса (ч. 1); при возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого; при необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 данного Кодекса (ч. 3).

(Определение КС РФ от 7 июня 2011 г. № 843-О-0)

Необходимо ли согласие родственников подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого)?

Положения пункта 4 части 1 статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников, признаны не соответствующими Конституции РФ.

Конституционный суд РФ установил, что УПК РФ не предоставляет заинтересованным лицам, прежде всего близким родственникам подозреваемого (обвиняемого), возможности добиваться его реабилитации, настаивать на продолжении следствия или судебного процесса в случае его смерти, при наличии у них законного интереса, который может заключаться в желании защитить как честь и достоинство умершего и добрую память о нем, так и собственные честь и достоинство, страдающие ввиду сохранения неопределенности в правовом статусе умершего. Законный интерес этих лиц может иметь и имущественный характер, связанный с возможностью возмещения понесенных умершим расходов, включая процессуальные издержки, суммы, затраченные на получение юридической помощи, расходы на лечение, убытки в виде упущенной выгоды (не полученные в результате действий дознавателя, следователя, прокурора и суда заработная плата и другие денежные средства).

Конституционным судом определены, с изложением примерного хода следствия и судебного процесса после смерти подозреваемого (обвиняемого), изменения, которые федеральному законодателю не-

обходимо внести в действующее правовое регулирование с целью обеспечения государственной защиты чести, достоинства и доброго имени подозреваемого (обвиняемого) и прав близких ему лиц.

(Постановление КС РФ от 14 июня 2011 г. № 16-П)

Вправе ли реабилитированный, уголовное дело в отношении которого было прекращено или приговор был изменен вышестоящим судом, обратиться с требованием о возмещении причиненного уголовным преследованием вреда в суд по месту жительства?

УПК РФ (ч. 2 ст. 135) установлено, что реабилитированный по уголовному делу вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. При этом, в соответствии с УПК РФ, если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор.

Положение части 2 статьи 135 УПК РФ в той мере, в какой данное положение не допускает обращение реабилитированного лица с требованием о возмещении вреда, причиненного ему уголовным преследованием, в суд по месту жительства в тех случаях, когда в отношении этого лица уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, признано не соответствующим Конституции РФ.

Как установил Конституционный суд РФ, ограничение права лиц, уголовное преследование которых прекращено вышестоящим судом, на альтернативную подсудность при обращении с требованием о возмещении вреда, причиненного уголовным преследованием, при наличии такого права у лиц, реабилитированных судом первой инстанции, не имеет объективного и разумного оправдания.

(Постановление КС РФ от 19.07.2011 г. № 18-П)

Игорь Холодяков
Геннадий Тарнакин

Голос зоны

- Кто же это у нас тут сидит и все это сочиняет?
- Кто сочиняет, тот и сидит!

Десять лет автор этих строк работает учителем литературы в колонии общего режима, куда попал после того, как отслужил в нескольких ведущих школах города 20 лет. Было все: и отчаяние после категорических выводов своих новых учеников, учеников за оградой, – «кому нужна эта литература, кто сейчас читает?». И ощущение полной безнадежности после очередного распоряжения начальства: 25 апреля было объявлено, что в выпускном классе по литературе будет не сочинение, к которому худо-бедно, но готовился класс, а изложение, и один из моих учеников, из уважения к учителю выругавшись не в полный голос, прокомментировал: «Это все равно, как если бы сели в карты играть и после первого прикупа тебе сказали, что теперь валет даму бьет, а короли не пляшут!» И кстати, слово *ученик* теперь из школы, и не только вечерней, но и детской, изгнано. Специальным распоряжением департамента, на основании повеления министерства и Фурсенко лично, указано именовать тех, кто ходит в школу, *обучаемыми*. Для меня это стало символом всего того, что делают со школой: ученик – это тот, за кого я отвечаю, я его учу, передаю ему свое понимание мира и его ценностей, свое восприятие культурных традиций. А сейчас такое не требуется, будем держать дистанцию: я обучающий, а он обучаемый. Как там старик Некрасов говаривал: «Учитель, то есть теперь – обучающий, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!» Ведь не скажешь так! Наверно, все происходящее легко объяснить: ученик ценит себя и учителя, свою страну, ее культуру и традиции, а обучаемый – это тот, кто, кое-как обученный, потом будет обслуживать нефтяную трубу, лесоповал да сборочные конвейеры, пить

«Балтику» и радоваться, когда команда «Зубило» выигрывает у команды «Долото».

А я по старой привычке упорно читаю в своих классах своим ученикам стихи, хотя порой это и вызывает кривоватую усмешку «обучаемых». Но приходит весна, и тогда строчки, которые я вполголоса цитирую, звучат совершенно по-другому и вызывают неожиданные чувства, и когда я чуть слышно произношу:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...

после окончания урока кто-то непременно скажет мне, независимо глядя мимо меня в окно: «Я тут понаписал кое-чего, поглядите, ладно, только на уроке не упоминайте...»

И тогда я понимаю, что пора объявлять поэтический вечер и конкурс стихов. Нет, не подумайте лишнего, ко мне в кабинет литературы не будут ломиться бледные юноши с горящим взором и с рукописями в дрожащих руках, вовсе нет! Но несколько человек подойдут и попросят прочитать их стихи и высказать свое мнение.

Чаще всего это традиционные послания девушкам и женщинам-заочницам. Я как-то на уроке, показывая разницу между поэзией истинной и подделкой, процитировал:

Здравствуй, море голубое,
Здравствуй, бурная река,
Здравствуй, Люсенька родная,
Шлю привет издалека!

Да я еще имел неосторожность прибавить, что вместо Люсеньки прекрасно укладывается любое другое имя: Танечка, Манечка, Светочка, Леночка, – и после урока сразу несколько человек отловили меня в коридоре и попросили дать это стихотворение, но только с продолжением...

Порой строчки так непосредственны, безыскусны, что можно только улыбнуться. Так, один из поэтов передал свое восприятие школы и ее места в жизни колонии и своей собственной судьбе веселыми, жизнерадостными словами:

Есть в нашей школе
Счастье одно:
Школа на зоне –

Вот же оно!
В школу придешь –
Поощренье найдешь!
А не пойдешь –
В ШИЗО попадешь!
Будешь учиться –
Дадут шоколад,
Станешь лениться –
Пнут тебя в зад.

Нужно пояснить, что мой директор школы регулярно, хоть и с большим трудом, находит спонсоров, чтобы по итогам учебного года вручить тем, кто учился без троек и прогулов, по плитке шоколада.

Иногда я получаю на отзыв целые поэмы. Они искренни, действительно передают стремление автора рассказать о своей семье, ее истории, порой уходят в детали, интересные в общем-то только автору. Такое можно писать километрами.

Иногда, очень и очень редко, появляется попытка выразить себя, свой внутренний мир, состояние души – в этом, собственно, и состоит высокое предназначение поэзии.

Геннадий Тарнакин – самый обычный осужденный, отбывающий срок в ярославской колонии общего режима. И судьба его совершенно типична: родители пили, теряли работу, находили и опять теряли, подросток быстро вошел во вкус самостоятельной жизни: ни тебе наставлений родителей, ни тебе ворчания бабушки, ни тебе уроков в школе, где ни с того ни с сего нужно было изучать то климат Центральной Азии, то строение жаберных пластин окуня. Деньги никогда не были для него проблемой, они легко появлялись и так же легко исчезали. Потом Генка Тарнакин оказался в московском частном приюте «Возможность», о руководителе которого, Геннадии Ивановиче Долбине, сохранил самые теплые воспоминания, но характер и семейные обстоятельства (смерть матери) привели к уходу из приюта («...хотя там мне было лучше всего, там к нам относились по-человечески!»), а потом была веселая компания, ночная Москва, наркотики, драка и обвинение в грабеже, суд и колония.

Оказавшись в колонии, в одиночестве и заточении, после вполне понятных злости и отчаяния, Тарнакин находит возможность выразить себя и свое состояние в слове. При этом своим диким, пока еще звериным нутром он ощущает потребность каких-то действий, изменений своего состояния, и он пишет свое первое языческое послание

по родству вольнолюбивых натур ветру с единственной просьбой: забрать его отсюда.

Но проходит время. Первое отчаяние и непонимание: «Как же так? Почему я?» – сменяется пониманием, что ты здесь и надолго. И чуда не будет. И надо как-то приспособливаться и учиться жить здесь. Для этого сначала надо переосмыслить себя, приспособить к действительности, открыто всерьез пожалеть, принять себя нового и свою прежнюю и новую жизнь такими, как они есть.

В свою виновность в тюрьме практически никто не верит. «Воруют все! – утвердительно скажет каждый. – И мы меньше всех и реже многих, а виноваты лишь в том, что попались». Так проще и легче, а главное, жалче. У каждого за пазухой своя душещипательная история, скроенная по общей колодке: несчастное детство, потерянное отрочество, загубленная юность. Легенды эти поначалу несмелые, корявые, но «чем дальше в лес...», через год-другой хоть новую «Санта-Барбару» пиши! Есть такие стихотворения и у Геннадия Тарнакина. Уж очень ему хочется, чтоб его пожалели, и решается он обратиться не к кому-нибудь, а к самому Господу Богу, но за себя просить как-то неловко и несподручно, поэтому назовет он свое стихотворение «Боже, храни сирот!», даже не поняв, что христианского в его стихотворении, кроме названия, ничего и нет. К Богу он по невежеству своему обращается как к Небу, а к небу – как к одной из языческих стихий: Солнцу и уже знакомому нам Ветру:

Пусть солнце согреет озябшие руки
И ласковый ветер смахнет ваши слезы.

И все-таки можно твердо сказать, что Геннадий стал в колонии не просто известным «рифмоплетом», что, кстати, всегда ценилось: «Генка, у девчонки день рождения, напиши что-нибудь такое, как я ее... ну, сам знаешь!» Это выразитель мыслей, чувств и мечтаний зоны. Тематика его стихов проста, понятна и предсказуема, это свобода и неволя, дружба, любовь и предательство, отчаяние и вера, прощение и покаяние, но его природный дар позволяет говорить о том, что он как поэт явно выше общего среднего уровня традиционных «Не жди меня, мама, хорошего сына...» или «Жди меня, любимая...». Для меня очень важно то, что сам автор подспудно сознает, что его творчество – это способ сбросить одолевающие его в колонии ярость, злость, порой бессильную, тоску... это не уход в мир поэзии – это сама поэзия, пришедшая за колючку, честная, очень искренняя и глубоко личная.

У Г. Тарнакина нет заимствований, он очень самобытен, индивидуален. Но есть еще одна сторона в его стихах, которая меня как учителя русской литературы обнадеживает: как бы ни был автор потрясен, возмущен, негодуя, в его строчках мы не найдем пошлости, грубости, мата, которым грешат практически все современные поэты.

Я выбрал из стихов поэта Г. Тарнакина несколько, отобрав именно те, которые наиболее ярко передают его явно нестандартный уровень, его самостоятельность как поэта.

Победитель неравного боя

Когда ты один против мира всего,
Желание жить заставляет сражаться,
Бросаешься в бой за себя самого
И бьешься за то, чтоб живым оставаться.
В неравном бою на колени не встану,
Я твердо стою на обеих ногах,
Как мамка учила, сдаваться не стану.
Пойду до конца, подавляя свой страх,
Как путник дорог, что окутаны тенью,
Бреду через терни, надежду храня.
Я с малого возраста предан движенью,
И в мире никто не удержит меня,
Я слезы утраты сотру рукавами
И в храме за мамку поставлю свечу,
Я тусклое пламя прикрою руками
И тихо молитву свою прошепчу.
Таких же, как я, в этом мире немало,
И каждый имеет дорогу свою.
Нам с детства судьба ничего не давала,
Теперь мы свое забираем в бою.
Я с раннего детства себе предоставлен
И знаю, что значит судьбе возразить.
Молитвенный шепот до неба доставлен,
Я выиграл бой и живу, чтобы жить.
Кто бился за жизнь и остался в живых,
Один, против мира сражаясь, не сдался,
Надеясь лишь только на помощь святых,
Всему вопреки на ногах оставался,
Кто в грязь не упал от ударов судьбы,
Кто твердо стоял и не вышел из строя,

Кто в жизни своей не бежал от борьбы,
Тот есть победитель неравного боя!

Откровение

Открылся занавес, скрывающий провал,
Как гололед, что снегом запорошен.
Ты был в кругу друзей, проблем не знал,
Пришла беда – ты оказался брошен.
И только тот, кого ты притеснял,
Над кем всегда любил поиздеваться,
Пришел и утонуть тебе не дал,
Хотя имел возможность поквитаться.
Ты был сражен сюжетом наповал,
До острой боли напрягая зренье.
Он столько раз от рук твоих страдал
И первым руку подал в час паденья.
Он не нанес тебе ответных ран,
В его глазах ты не нашел угрозы
И ощутил, как совести туман
Из глаз твоих выдавливают слезы.
Открылся занавес, скрывающий провал,
И вместе с ним открылось откровенье:
Не тот сильнее, кто силой сокрушал,
А тот, кто был способен на прощенье!

Моя душа влюбилась в тишину!

Моя душа влюбилась в тишину!
Ее одну она встречает стоя.
Задела тишина души струну,
И тишине душа сдалась без боя.
Мы встретились, когда густая мгла
Со всех сторон весь лагерь охватила.
Какой прекрасной ты была тогда,
Когда с приходом ночи все покрыла.
В твоём присутствии я мыслил о грядущем,
В твоём присутствии я мыслил о былом.
В твоём присутствии я мыслил о текущем...
О многом мыслил я в присутствии твоём.
Я до утра тобою наслаждался.
В твоих объятьях размышлял всю ночь.

Но мыслей ход с подъемом оборвался,
И ты умчалась из барака прочь.

Ах, если бы я раньше понимал,
Какой чудесной силой ты владеешь,
То я бы постоянно собирал
Тот урожай, что ты так щедро сеешь!

В ожидании ночи

Бесконечно широкая даль
Расстилалась зеленой травой.
За спиной оставляя печаль,
Возвращаюсь обратно домой.
Боже мой, как прекрасен был сон,
От которого я пробудился.
Как печально, что сказочный звон
С грубым звуком реальности слился.
Ничего не хочу говорить,
Видя те же знакомые лица.
Просто хочется сесть, закурить
И в табачном дыму раствориться.
Надоело вот так просыпаться,
Слыша ропот и скрежет зубов,
Умоляя быстрее вращаться
Неспешащие стрелки часов.
Каждый день призывая терпенье,
Дожидаюсь ночной тишины,
Чтоб, нарушив закон притяженья,
Улететь в эти яркие сны.
Эти сны, где широкая даль
С изумрудно-зеленой травой.
Эти сны, где не лязгает сталь
И не ходит суровый конвой!

Без намека на радость

В этом месте лишенья свободы,
Возвышая уныния флаг,
Вытесняя все краски природы,
Правит мертвая серость и мрак.

Тут повсюду суровые лица
Заключенных под стражу людей,
Обреченных в неволе томиться
На великое множество дней.

Здесь порывы глубокой тоски
Заражают унынием духа.
Тут печаль и разлука близки,
Как близка с неудачей разруха.

В том месте, что тьмою покрыто,
Вольной поступью скука гуляет.
Тут понятие радость забыто,
Как и все, что ее вызывает!..

Помню

Я пытался стереть те моменты,
Что однажды пришлось пережить.
Только в жизни бывают фрагменты,
О которых нельзя позабыть...

Помню БУРа холодные стены,
Помню громкие крики: «Подъем!»,
Помню ненависть, жгущую вены
Ненавистным горячим огнем.

Помню, как приходила управа,
Приводя за собой маскарад;
Помню крики: «Выходим! Направо!
Мордой к стенке! Не слышу доклад?!»

Помню всю вереницу кошмаров,
Помню весь этот шумный бардак,
Помню стон от внезапных ударов,
Лязг локалок, рычание собак...

БУР гудит, арестантов шмонают.
Мусора постоянно кричат.
На растяжку вдоль стен выставляют.
Из людей выбивают доклад!

Камуфляжным сиянием красок,
Как волной, накрывает шпану.
Пацаны под ударами масок,
Стиснув зубы, хранят тишину!

Не забуду тот серый эскиз,
Когда гнали в прогулочный двор:
Руки за спину, головы вниз,
Ручейком сквозь живой коридор!

Очень жаль, что бывают фрагменты,
О которых нельзя позабыть.
Я всегда буду помнить моменты,
Что однажды пришлось пережить!..

Последний февраль

Перед глазами застыл холодный месяц февраль.
Тяжелой грудой камней на грудь ложится печаль.
Оттенки серых тонов сковывают солнечный свет.
Я узник этих оков на протяжении лет.
Покоя нет и не будет, пока не кончится срок.
Система губит здоровье, как холод губит цветок.
Я не жесток, но и добрым меня уже не назвать.
Кто не далек, понимает, что я хочу сказать.
Словами трудно сказать, что происходит с душой.
Тут тяжело отыскать ее желанный покой.
Седой февраль не пускает цветные краски весны.
Зато свои разливает по зонам нашей страны.
Кругом видна лишь картина его гнетущей тоски.
В плену гнетущей рутины они сжимают виски.
Свободы они далеки, как дали дальняя даль.
И тут всему вопреки царит и правит печаль.
Холодный месяц февраль перед глазами застыл.
И я его лютый холод уже шесть раз пережил.
Порой ужасней могилы его пронзительный вой,
Но я найду в себе силы, переживу и седьмой!

Женщины за решеткой

В Российской Федерации, где более миллиона заключенных, где около 300 000 человек скрывается от правосудия, тема «преступления и наказания» так или иначе касалась каждого – у кого друг, у кого знакомый или сосед, у кого родственник побывали в местах «не столь отдаленных». Особенно страшно и противоестественно, когда за решетку попадают женщины.

Отправимся в одну из традиционных женских зон. По всей России ведь их множество. Но особенно много в местах с неласковым климатом – Мордовия, Чувашия... Итак ЮЛ 34/7 в городе Цивильске, Чувашия. Она создавалась как «юридическая лечебница», куда должны были отправлять женщин-наркоманок.

Здесь роскошная природа. Зимой – ели и голубой снег, летом – море цветов и солнца. Здесь чистота и порядок. Никто не употребляет наркотики и большинство работает.

Здесь все нормально – образцовое учреждение. Только нет радости. Не увидишь отдыхающих после работы женщин. Никто не смеется и не поет – это не принято. Черная форма из плотной ткани в любую погоду. Стирается раз в месяц. Аскетизм – ничего лишнего. Все твоё имущество вмещается в полтумбочки и одну-две коробки. В наркоманской зоне сталкиваешься с тем, что люди не знают, чем занять себя в свободное время. Тупо смотрят бесконечные сериалы, читают любовные романы, механически, нервно, навязчиво следят за собой: выдавливают несуществующие прыщики, выщипывают волоски, поправляют макияж каждые пять минут. Когда они были наркоманками, они не интересовались своей внешностью и редко – здоровьем. Теперь пытаются наверстать, хотя зрелище плачевное: почти все выглядят старше своих лет, нездоровый, землистый цвет кожи, зубов почти нет...

Для воспитателей их подопечные – не люди: стулья, цифирьки, бесполезные предметы какие-то. Никто не вникает, какой ты человек, как можно что-то исправить в твоей бедной жизни. Здесь фактически не лечат, а наказывают. Только имеют ли моральное право? Ведь большая часть этих так называемых воспитателей плохо говорит по-русски и не умеет решать задачи на проценты... Они пришли сюда работать, потому что больше нигде. Потому что в городке Цивильске зона – это градообразующее предприятие. Обычно начинают свой трудовой стаж в должности контролера, «надзорсостава». На эту работу приходят девочки уже лет с восемнадцати.

Несмотря на название учреждения, ни о каком исправлении здесь никто никогда не вспоминает. Не подумайте, что это «зэчки» такие монстры, которых исправит только могила. Они-то как раз об исправлении думали. В тюрьме, например. Там обстановка более «душевная», как ни странно. Там ты вроде как еще невиновен. И отношение администрации в целом получше. А на зоне – уже виновен, тебя уже противопоставляют нормальным людям, относятся как к недочеловеку. Различные мероприятия: выпуск стенгазеты, спортивные соревнования, концерты – здесь проводятся для галочки. Осужденные участвуют в них в принудительном порядке. «Государственные воспитатели» следят, чтобы были заправлены кровати, чтобы на работу ходили строем и в форме. Никто и не задумывается, как люди будут жить после освобождения, а ведь срок не вечен. Вот выйдут они, не способные самостоятельно устроиться на работу, планировать свою жизнь, многие даже готовить-то не умеют.. И что?

Но обратимся к цифрам. В цивильской колонии несколько двухэтажных барачных секций. Женщины проживают в так называемых секциях (комнатах) примерно по 50 человек. На 200 человек – внимание! – 6–8 унитазов, около 10 умывальников, две розетки, куда можно подключить прибор для приготовления пищи (чаще это кипятильник или маленький чайник) и утюг. Горячей воды нет. В день женщине положено два литра кипятка из «титана» – один утром, другой вечером, чтобы помыться. «Баня» здесь раз в неделю. В банном помещении 4 крана, мыться заходят побригадно, то есть по 50 человек. На «помывку» и стирку дается не более часа – ведь за два выходных дня должны помыться и постирать все, а это около 1000 человек.

В исправительных учреждениях более чем в других местах все зависит от человеческих взаимоотношений. Поэтому просто увеличение количества унитазов и умывальников на «душу» вряд ли к чему-то приведет. Например, в Шахове Орловской области бытовые условия не сильно

отличаются от других подобных учреждений, однако осужденные женщины стремятся попасть именно туда. Бывшая колония строгого режима сохранила и локальную систему, и рабочий день по 10–12 часов минимум. Однако женщин привлекает отношение администрации к «спецконтингенту». Оплата труда здесь выше, чем в других зонах, пусть и ненамного, работающих женщин уважают, стараются не создавать проблем с предметами гигиены, с такими вопросами, как возможность лишний раз помыться. Людмила Альперн, заместитель директора Центра реформы уголовного правосудия, часто посещает это учреждение.

– Когда мы начинали свою деятельность, я посетила три женские колонии – в Мордовии (ЖХ 385/2), во Владимирской области (ОД 1/1) и в Шахове Орловской области (ЯИ-22/1). Тогда, в начале 2000-х годов, бытовые условия везде ужасали. В Мордовии туалет был на улице. И сейчас, в 2011 году, наши тюрьмы, наши исправительные учреждения находятся буквально в эпохе Средневековья. Администрация к словам правозащитников прислушивается мало. Женщин, которые рассказывали нам о своей жизни в колонии, о существующих проблемах, после нашего отъезда наказывали. Единственная зона, где наши советы и предложения находили какой-то отклик, – это Шахово. Теперь у нас там новый проект – мы обучаем сотрудников и осужденных медиации. Это технология разрешения конфликтных ситуаций. В результате в зоне стали работать постоянно 4–5 психологов, сократилось количество штрафных санкций, выговоров, помещений в штрафной изолятор.

Но вернемся в Цивильск.

Подъем в 5.45, отбой в 22.00. Большая часть осужденных работает на швейном производстве. Они шьют милицейскую форму на все сезоны, спецодежду, форму для госструктур, в том числе и индивидуального пошива. Работают женщины в среднем по 10 часов в день практически без выходных. Для тех, кто не справляется, существуют «разнарядки» – сверхурочные работы. Таким образом, женщина может работать до 20 часов в сутки. Еще есть так называемые хозработы – это неоплачиваемые работы по обслуживанию территории, помещений и производства. Например, когда в зоне идет строительство, женщины таскают шлакоблоки и кирпичи, если приезжает машина с тканью – разгружают ее и т.д.

Самое страшное на зоне – это заболеть. Хорошие врачи в учреждении не задерживаются, потому что в таких условиях невозможно работать – не хватает самого необходимого. Если женщина заболела настолько тяжело, что не в состоянии ходить три раза в день за таблетками в санчасть (это другой барак), если ей необходим постельный

режим, то ее кладут в небольшой стационар. В стационаре несколько палат, человек по 10 в каждой. Двери палат запираются на висячий замок снаружи. В палате заключенные и ходят на горшок (простите), и кушают. Выпускают их только утром и вечером, чтобы они могли умыться и вынести мусор, скопившийся за день. Ни радио, ни телевизора, ни даже книжек лежащим в стационаре как бы не полагается. Радио и телевизора просто нет, а библиотекарь к вам не придет.

Для пациенток-наркоманок в гражданской лечебнице предусмотрено особенно много штатных наркологов. В 2005 году их было там 7 человек. Как-то в руки мне попал отчет одного из них о проделанной работе. Там было написано, что основной метод лечения наркомании, применяемый в этой зоне – трудотерапия, из медикаментов дают слабый антидепрессант – амитриптилин. О количестве «излечившихся» судить трудно. Администрация называет 35%. Но, судя по всему, процент сильно завышен. Многие из тех, кто освобождается, повторно совершают преступление, связанное с употреблением или реализацией наркотических веществ, в течение ближайшего года. Это относится, к сожалению, и к освободившимся условно-досрочно.

На территорию колонии наркотики не проникают, этому способствует так называемая «локальная» система – вся зона поделена на запирающиеся участки-дворики. По логике вещей, после того как уголовно-исполнительное законодательство определило для женщин только два вида режима отбывания наказания – общий режим и колония-поселение, локальные участки должны быть упразднены. Но на практике это не так. В свободное время женщина может выйти только во дворик перед баракком. Чтобы пойти в библиотеку, санчасть и т.д., нужно взять разрешение в дежурной части. Пойти в гости в другой барак можно только в редкий выходной и опять же – по разрешению.

Но это «вынужденное воздержание» освобождает только от физической наркотической зависимости. А как быть с зависимостью психологической? В учреждении один штатный психолог. Чаще всего на этой должности долго не задерживаются, с заключенными стараются общаться поменьше – девочки, вчера закончившие какой-нибудь псих-фак местного института, их просто боятся.

В гражданской исправительном учреждении есть специальный отряд для ВИЧ-инфицированных. В нем более сотни человек. Примерно столько же больных закрытой формой туберкулеза, а гепатит В или С есть практически у каждого. Никакого лечения эти люди не получают.

ВИЧ-инфицированные освобождаются условно-досрочно почти в 100% случаев – это единственный положенный оступившимся жен-

щинам кусочек сострадания. Прочие же освобождаются по УДО если повезет. И это совсем не зависит от того, «осознала» ли ты и «исправилась» ли. Некоторые женщины, из тех, кто поддерживает связь с родственниками, пытаются освободиться раньше, оказав «гуманитарную» помощь зоне. Телевизор купят начальнице отряда, ремонт в ее кабинете сделают... За это им выписывают благодарности и готовят положительную характеристику. Но часто бывает так, что «дойную корову» отпускать не хотят – на суде по условно-досрочному освобождению благодарности оказываются утерянными и долгожданная свобода откладывается на неопределенный срок.

По состоянию здоровья освобождают только тех, кому и в самом деле осталось жить недолго. И то потому, что труп в учреждении – это ЧП. На соседней зоне в городе Алатырь женщину не активировали даже после операции по удалению злокачественной опухоли, хотя до конца срока ей оставалось где-то полгода. Местные врачи боялись делать ей перевязки, настолько, видимо, неприглядно и нездорово выглядела рана, но – не активировали.

А чем же питаются осужденные? Реально ли при таком питании не заболеть? В Цивильске питание целиком и полностью зависит от успехов швейного производства. Мало заказов – два раза в день будете пустую баланду хлебать. Много – тогда вас ждет каша на завтрак, каша с соей, суп с салом и картошкой на обед и рыба с кислой тушеной капустой на ужин. Ну, еще чай и непропеченный черный хлеб. Едят женщины из мятых алюминиевых мисок, при этом больные и ВИЧ-инфицированные отдельной посудой не обеспечиваются.

Немного лучше с питанием в исправительных учреждениях, где содержатся женщины вместе с малолетними детьми. Это и уже упомянутые мордовская ЖХ 385/2, владимирская ОД 1/1 и можайская ИК-5. Здесь бывают и молочные продукты, и яйца, и белый хлеб. Но в ДМР (так называют колонии, где содержатся женщины с детьми) возникают другие, более страшные проблемы. Дети заключенных фактически живут отдельно от матерей, в Доме ребенка. Мать может быть с ребенком только во время кормления плюс еще 2 часа в день. Свидания с ребенком превращаются еще в один инструмент наказания и подавления: их всегда можно запретить под надуманным предлогом («ребенок заболел», «в Доме ребенка карантин» и т.д.), если мать «плохо себя ведет». И о человеческом отношении: по словам Людмилы Альперн, в мордовской колонии, где туалет на улице, главный врач Дома ребенка понимала, что матери нужно проводить с малышом как можно больше времени, и при общей бытовой неустроенности находила

какие-то возможности: например, в этой колонии впервые появились блоки совместного пребывания матери и ребенка.

Нянечками и воспитателями в домах ребенка работают заключенные. При отборе на такую работу руководствуются вовсе не образованием, не личными качествами, не характером совершенного преступления, а «оперативными соображениями». Нянечками и воспитателями устраивают «правильных осужденных», которые или работают на зоновского оперативника, или могут заплатить чем-то за теплое местечко.

Сын Ольги, осужденной на 6 лет, освободившейся из Можайской исправительной колонии в 2011 году, находился в Доме ребенка всего несколько месяцев. Узнав, что реально там происходит, отец решил забрать мальчика. Свидания с матерью превращались для маленького человечка в настоящую пытку. Он ждал их целый день, плохо ел, не играл, ничем не занимался, просто сидел в углу. Когда приходила мама, вцеплялся в нее мертвой хваткой, так что его с трудом можно было оторвать. Дома ребенок первое время боялся всего, просыпался среди ночи с криком, потом до 5 лет буквально ни на шаг не отпускал от себя отца. И если на плохое обращение с заключенными находится отговорка – «они совершили преступление», то какую отговорку вы найдете в этом случае? В чем виноват новорожденный ребенок?

На свою «зарплату» образцовая швея в Цивильске еще может купить в «отоваровке» несколько штук конфет, пачку «Примы», мыло, немного чая – вот, пожалуй, и все. И зарплаты здесь по-прежнему, как в Советском Союзе, – 70–80 рублей. Формально, «по бумажкам», они, конечно, побольше. Но, как говорит Людмила Альперн, зоновское производство больше напоминает производство эпохи феодализма. И по-другому оно функционировать не сможет, потому что окажется нерентабельным.

Практикуется ли рукоприкладство? Да, практикуется. Оперативник или начальница отряда обычно указывают бригадирам на тех, кого нужно «прессануть». Как правило, бьют тех, кто не справляется с производственными нормами, и тех, кто ворует у товаров, не наедааясь в столовой, – впрочем, последнее случается редко. Бьют на лестнице между этажами, в кабинете у оперативника или в кладовой. И это считается нормой. Еще в качестве наказаний практикуется построение в коридоре. Если кто-то из бригады не выполнил производственную норму, то всю бригаду могут поставить после работы, и женщины стоят так часа четыре, до отбоя.

Если в зону приезжает комиссия, то те, кто не на производстве, а «дома», в бараках, стоят, построившись, целый день. Ведь в любой момент может прийти «начальник». При этом женщинам запрещается пользоваться туалетом и готовить еду, чтобы «не воняло».

В начале 2000-х прошла реформа женских исправительных учреждений. От нее ожидали многого. Прежде всего – смягчения режима содержания, улучшения бытовых условий, улучшения условий содержания в колониях для малолетних преступниц и женщин с детьми. Но на самом деле практически ничего не изменилось. Потому что **это** лечить невозможно, это надо только удалять. И строить заново. Удалять в наших головах и в сердцах. Ведь ни на какие бюджетные деньги не купишь ни сотрудников, любящих свою работу, ни милосердие, сострадание и желание добра ближнему.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Радиопередачи «Облака» выходят в эфир на волнах Радио России по вторникам в 15 часов 10 минут по московскому времени.

В Москве частоты Радио России 261 кГц 873 кГц 66, 4 МГц.

Передачу можно также послушать в прямом эфире Радио России по адресу: <http://www.radiorus.ru/audio.html>

«В эфире программа "Облака"...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому безразлична их судьба...»

Этими словами открывается еженедельная радиопередача «Облака», которая выходит в эфир на волнах государственной радиоконпании «Радио России» **с января 1992 года.**

Из нашей радиопередачи вы можете узнать, как защитить свои права и права своих детей, получить сведения о деятельности органов и организаций, защищающих права заключенных, о перспективах судебной и тюремной реформы. И еще о том, что происходит в тюрьмах и лагерях России.

Ваши письма и материалы для радиопередачи вы можете присылать по электронной почте по адресу: sodeistvie@prison.org

Юрий Вдовин

Независимость, свобода и коррупция

«М е р з л я е в: ...награжу щедро!
Может, вольную дам.
Хочешь, дам вольную?
Е г о р ы ч, крепостной слуга:
Никак нет! Чего я там не видел?»
*Диалог из фильма Эльдара Рязанова
«О бедном гусаре замолвите слово»*

Я уж вроде много раз бывал в Европе и в США. Всегда было ощущение, что я попадал в другой мир. И дело вовсе не в чудовищной и сегодня разнице в уровне жизни. Я долго до конца не мог понять, в чем главное отличие, и понял, может быть в противоположность многим более сообразительным моим землякам, только недавно – когда побывал в Балтиморской следственной тюрьме с коллегами по российским общественным наблюдательным комиссиям за соблюдением прав граждан в местах принудительного содержания.

Во время этого посещения кто-то из наших коллег задал директору тюрьмы вопрос, а может ли кто-то из следователей предложить или попросить руководство тюрьмы (а это, в российской терминологии, следственный изолятор) внести изменения в режим содержания подследственного.

Отличной переводчице пришлось раза три объяснять смысл вопроса, который никак не мог дойти до сознания директора тюрьмы, но когда наконец он понял, то сам вопрос вызвал у него, мягко говоря, крайнее удивление. Он делает свое дело – содержит под стражей подследственных в соответствии с установленными правилами – и в своей работе независим от всего и всех. Точно так же, как следователи делают свою работу и независимы от других служб. Врачи делают свою

работу – и не зависят ни от директора тюрьмы, ни от следователей, ни от прокуроров, ни от адвокатов. Никто ни на кого не может ни повлиять, ни надавить. Кстати, кабинеты, где работают следователи, за стеклянными стенками. Ну, это так, к слову. Все службы, которые решают судьбу подозреваемых и подсудимых и от которых зависят судьбы этих людей, – независимы друг от друга.

Помните, как у нас? Все эти службы у нас делают одно общее дело – ведут подозреваемого и подсудимого к неотвратимой ответственности за то преступление, в котором он обвиняется или подозревается. Наиболее ярко это единение проявилось в трагедии Магнитского, но так дело обстоит во всех, абсолютно во всех делах, которые расследуются нашими славными органами. Более того, когда человек получает свой приговор, учреждение, в которое попадает приговоренный для отбытия наказания, полностью руководствуется заложенными в программу идеями следователей, прокуроров и судей, а вовсе не законом о содержании осужденного. Самый яркий пример – история с УДО осужденного Лебедева, когда администрация учреждения послушно исполнила в рамках сложившейся практики зависимости всех и вся программу по продолжению содержания Лебедева в неволе столько, сколько надо по вынесенному позорному приговору. Всем все ясно, и все остается по-старому. Так сложилось в ГУЛАГе, и это не меняется. Почему это так живуче? И почему в Америке и в Европе это не так?

Я спрашиваю себя об этом вовсе не потому, что в американских тюрьмах – рай. Там не рай. Но там нет того чудовищного спянного наступления на человека со стороны всех структур, входящих в пенитенциарную систему вместе со всеми органами и службами, отправляющими правосудие. И представить невозможно, что вот есть директор тюрьмы, где отбывает наказание некто, и есть кто-то в правительстве или в следственных органах, кому хочется продлить наказание, и по воле директора у наказанного украдут тапочки, потому что так угодно следователю или прокурору. Невозможно – потому что руководство тюрьмы независимо от следователей, прокуроров и от любых других чиновников. У руководства тюрьмы есть свои обязанности, и в них не входит выполнение чьих-то пожеланий по содержанию осужденных.

У нас тоже не прописана для руководства пенитенциарных учреждений обязанность выполнять чьи-то пожелания по содержанию осужденных. Но у нас в России почти у всех отсутствует внутренняя свобода, внутренняя независимость. Поэтому все и ловят – абсолютно добровольно – сигналы и знаки от следователей, от прокуроров, от чиновников разного уровня. Потому что в генах сидит рабство и нет гена

независимости. Вот вспомню уголовные дела против «шпионов» Никитина или Пасько – вся репрессивная машина работала как одно целое, несмотря на полную абсурдность предъявленных обвинений. Тот же монолитный бред всех служб защиты государства от граждан и в серии безумных процессов против ряда ученых, обвиняемых в шпионаже и продаже «секретов». И нужно это для придания значимости огромному аппарату безопасности и получения ими как можно большего количества денег из бюджета на их «работу»...

Нет этого в генах населения, а если у кого такой ген по недосмотру властей все-таки остается, то все делается, чтоб его извести.

Нет у нас, у большинства россиян, потребности в свободе и демократии. Потому что не было в истории государства Российского более или менее ощутимого периода, когда люди почувствовали бы себя свободными. Поэтому, да еще и из-за чиновничьей тотальной традиционной антидемократической пропаганды, у российского населения не то что нет потребности в демократии, а есть ее активное неприятие. Да еще гениальная выдумка про особый путь России, в том числе и об особой российской демократии – исключительно с разрешения начальства...

Конечно, демократия предполагает и значительно большую ответственность человека за свою судьбу. Но что ждать от людей, которые привыкли всю ответственность за свою судьбу переносить на начальство. И они ждут только заботы о себе со стороны добрых начальников, которых надо за все благодарить. И всегда благодарили. И борзыми щенками, и крынкой молока, и целковым в ладошку. Ну, все развивается – теперь благодарят пачками «зеленых», а если не понимают, как надо благодарить, то разъяснения влекут за собой самые разные последствия, вплоть до самых трагических...

Был в СССР анекдот, как иностранец попросил продать ему в Елисеевском гастрономе икры. Ему сказали, что икры нет. Он потребовал директора. Директор пришел через полчаса: «Чем могу быть полезен?» – «Почему у вас в гастрономе нет икры?» – «А вы тут давно стоите?» – «Полчасика!» – «Ну и кто-нибудь спрашивал икру?» – «Нет». – «Вот видите, спрос нет, вот и не завозим».

Нет спроса в России на демократию и свободу. Не знает население, что это такое...

Что ж с этим делать? Наверное, медленно, по слогам, как первоклассникам в школе, рассказывать и показывать россиянам, что это такое. Несмотря на бешеное сопротивление властей и чиновников распространению такой информации, которая единственно и поможет жителю нашей страны прозреть...

Больные в пенитенциарных учреждениях

О проблеме больных людей юриспруденция не слишком задумывается всюду, в том числе и в России. Исследования в области человеческих ресурсов и их обновления появляются нечасто. Так, С.Н. Михайлова отмечает негативные явления в данной сфере и констатирует факт убывания ресурсов трудоспособной части населения. Центральное место начинает занимать задача обновления общества и прежде всего самого человека¹.

Заклученных, естественно, также подстерегают заболевания, в том числе и социально значимые. Чаще всего обращают внимание на туберкулез². Уровень заболеваемости туберкулезом в условиях следственных изоляторов, куда обычно вначале и попадают подследственные, в 60 раз превышает средний уровень по Российской Федерации. Происходит это отчасти потому, что в камерах численностью более 20 человек содержится каждый четвертый больной закрытой формой туберкулеза и каждый пятый – открытой формой. Многие из них не имеют своего спального места.

Следственные изоляторы, с точки зрения проблем здравоохранения, – учреждения в принципе бесчеловечные. Обвиняемые и осужденные умирают от скученности, от кислородного голодания, голода, условий содержания в камере. Ю.И. Стецовский считает, что, создавая подобные условия в следственных изоляторах, власть совершает преступление, которое может быть квалифицировано как нарушение права на жизнь³.

Ю. Баранов – профессор Института экономики, управления и права (г.Казань).

¹ Подробнее см.: Михайлова С.Н. Человеческие ресурсы в системе социально-экономических отношений: Автореф. дис. канд. экон. наук. Чебоксары, 2005.

² См.: Туберкулез в российских пенитенциарных учреждениях: Сб. материалов / Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. М., 1999.

³ См.: Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. С. 267.

Не лучше обстоят дела и в самих местах лишения свободы. А.Ф. Степанюк и В.М. Трубников приводят данные о том, что каждый второй осужденный за свой срок теряет 50–80% трудоспособности, каждый третий – становится инвалидом 1 или 2 группы, а каждый пятый погибает, не выдержав длительных сроков лишения свободы. По общим показателям уровень заболеваемости в пенитенциарных учреждениях в 17 раз выше, чем в условиях свободы⁴.

В Российской Федерации лишь в 2003 году стала формироваться официальная позиция высшего руководства уголовно-исполнительной системы и государства в целом по соблюдению конституционных прав осужденных и заключенных в области охраны их здоровья.

Другая сторона проблемы заключается в том, что в условиях российской пенитенциарной действительности стало выгодно болеть. Только при наличии заразных заболеваний осужденный может надеяться на обращение с ним как с нормальным гражданином, на уход и обеспечение в лечебном учреждении. И количество умышленно заражающих себя опасными для общества заболеваниями растет. А в следственных изоляторах стабильно держится высокая цена на плевков больного туберкулезом в открытой форме.

Таким образом, самой острой проблемой для пенитенциарной системы в настоящее время является даже не проблема обеспечения отбывания лишения свободы либо ресоциализации бывших осужденных, а проблема чрезвычайно высокого процента больных людей⁵. Это не только ВИЧ-инфицированные, но и психические больные, и больные гепатитом, туберкулезом⁶.

⁴ См.: Степанюк А.Ф., Трубников В.М. Исполнение наказания в виде лишения свободы и особенности постпенитенциарной адаптации освобожденных: Уч. пособие. К.: УМК ВО, 1992. С. 26–28.

⁵ По данным В.У. Ялунина, в учреждениях исполнительной системы на 2003 г. содержалось свыше 500 тыс. человек, страдающих различными заболеваниями. Из них больных активной формой туберкулеза – более 90 тыс. человек, наркоманией – 120 тыс., хроническим алкоголизмом – 72 тыс. человек и лиц, имеющих различного рода психические расстройства, – примерно 240 тыс. человек. См.: Российско-французский научно-юридический colloquium по проблемам изменений, происходящих в уголовно-исполнительной системе, пенитенциарном законодательстве и международном праве по вопросам помилования. Москва, 29–30 мая 2003 г. М.: Юридическая литература, 2003. С. 22.

⁶ Борщев В.В. О деятельности Общественного совета при министре юстиции Российской Федерации по проблемам уголовно-исполнительной системы // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (Саратов, 16–20 сентября 2003 г.) / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. С. 49.

В сфере уголовно-исполнительных правоотношений тема особого отношения к больным хотя бы исследуется⁷. Но для общества данные исследования остаются малоизвестными, что объясняется не только закрытостью данных учреждений, но и остаточностью финансирования подобных проектов. Обычно ссылаются на наличие многочисленных нормативных актов, в соответствии с которыми и должна проводиться работа. Но ни сам факт закрепления обязанности уголовно-исполнительной системы в сфере обеспечения охраны здоровья осужденных, ни констатация положений о медицинском обслуживании лиц, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях, не способны изменить ситуацию. Некоторыми авторами справедливо указывается, что в новом законодательстве тенденции гуманизации как бы вовсе не затрагивают проблем больных. Так, В. Мальцев пишет, что при разрешении вопросов освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью произошло фактическое отождествление требований, предъявляемых к лицам, освобождаемым по болезни и условно-досрочно. И данная ситуация сохраняется до настоящего времени, несмотря на наличие положений ч. 2 ст. 81 УК РФ, ибо критерии освобождения по болезни для суда не указываются⁸.

Притом что государство не способно гарантировать бесплатную медицинскую помощь свободным гражданам, мы вроде бы не имеем морального права говорить хотя бы о пристойном уровне медицинского обслуживания в местах лишения свободы. Но это эмоциональный подход. Рано или поздно мы столкнемся с реальными последствиями такого отношения: в общество будет возвращаться после освобождения все большее количество больных людей. И в какой-то момент рост их числа станет угрожающим.

Правило 24 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными предписывает, что при принятии заключенного он должен пройти медицинский осмотр, с тем чтобы врачи установили, не болен ли он физически или умственно. При этом предписываются необходимые меры: изолировать тех заключенных, которые предположительно страдают какой-либо инфекционной или заразной болез-

⁷ См.: *Зайцева И.В.* Правовые и организационные основы исполнения наказания в виде лишения свободы ВИЧ-инфицированных осужденных: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08) / Акад. упр. МВД России. М., 2002.; *Лукина Е.А.* Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, больных туберкулезом: Автореф. дис. на канд. юрид. наук / РИПЭ МВД РФ. Рязань, 1997, и др.

⁸ См.: *Мальцев В.* Освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // *Законность*. 2005. № 5. С. 44–47.

ню; выявлять физические или умственные недостатки, могущие воспрепятствовать их перевоспитанию; определять, какова их физическая способность к труду, и т. п. Положение развито в последующих правилах 25, 26, 62 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными⁹.

Научные разработки проводятся лишь по отдельным проблемам и не обосновывают статусную проблематику большого лица в комплексе¹⁰. В практике действий международных неправительственных организаций, таких как Международная тюремная реформа (PRI), психически больные и лица, отстающие в развитии, отнесены к категории уязвимых заключенных¹¹. К ним относятся те лица, которые в силу разных причин в результате наказания в виде лишения свободы подвергаются большому риску в отношении своей безопасности и благополучия, чем остальные категории заключенных. Право каждого на физическое и психическое здоровье предусмотрено ст. 25 Всеобщей декларации прав человека¹², ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах¹³, принципом 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме¹⁴. Исследователи чаще выделяют особое место нервно-психических заболеваний и указывают на частое нарушение подобными больными дисциплины, провоцирование конфлик-

⁹ См.: Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными // Экспертное бюро. М., 1997. С. 654.

¹⁰ Автор вынужден констатировать, что в последнее время появляются исследования в сфере правовой антропологии, которые сводят исследования к узким проблемам оптимизации уголовной ответственности лиц, страдающих различными психическими расстройствами, не вдаваясь в проблемы юридической антропологии в широком плане. Например, см.: *Спасенников Б.А.* Правовая антропология. Монография / Под ред. И.Я. Козаченко. Архангельск, 2001.; *Спасенников Б.* Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством // Законность. 2003. № 7. С. 42–43.

¹¹ См.: PRI: <http://www.penalreform.org/Russian/sampmanual.htm>. См. также «социальная болезнь»: Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском, и чешском языках: редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Изд. Группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 32.

¹² Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина от 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юристь, 1990. С. 19–26.

¹³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юристь, 1990. С. 65–71.

¹⁴ См.: *Стецовский Ю.И.* Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. С. 589–613, 652–686.

тов, что нередко приводит и к совершению преступлений в местах лишения свободы¹⁵. Но и поведение других больных в условиях мест лишения свободы имеет свою специфику.

Если осужденный на самом деле психически болен и не отдает отчета в своих действиях, то он вряд ли сможет защитить грамотно свои интересы без адвоката, который расстанется с ним после вступления приговора в законную силу. Однако вполне возможно появление заключенных, умышленно симулирующих психические заболевания. Даже при отсутствии знаний по психиатрии любой из нас знает трудности в определении психических заболеваний. Авторы все чаще выделяют группу преступников с психическими отклонениями и отмечают трудности в выявлении различий между ними и пограничными случаями здоровых, но «акцентуированных личностей»¹⁶. С другой стороны, тяжелые условия мест лишения свободы не способствуют укреплению психики, и со временем многих отбывающих длительные сроки лишения свободы причисляют к категории криминальных психопатов. Длительное пребывание в местах лишения свободы приводит к устойчивому изменению психики, когда люди начинают совершать тяжкие немотивированные преступления от скуки, из желания преодолеть однообразие мест лишения свободы. Это говорит о наличии физиологического, психологического запаса прочности человека, который необходимо учитывать при назначении срока лишения свободы.

Выведение больных за пределы пенитенциарных учреждений – процедура довольно сложная. Факт заболевания заключенного должен устанавливаться медицинской комиссией исправительного учреждения в составе начальника медико-санитарной части и двух врачей. Если комиссия приходит к выводу о наличии у заключенного психического либо иного заболевания, препятствующего дальнейшему отбыванию наказания, то начальник исправительного учреждения может войти в суд с представлением об освобождении заболевшего от отбывания наказания. Но руководитель никогда не допустит уменьшения количества работы и, соответственно, количества заключенных, ибо любая система стремится воспроизводить работу для себя. Значит, и суд, который вправе после ознакомления с медицинским заключением принять решение об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, не будет торопиться с выводами.

¹⁵ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. В.И. Селиверстова. 3-е изд. М.: Юристъ, 2003. С. 104.

¹⁶ См.: *Розин В.М.* Генезис права. М.: Издательский дом «NOTA BENE», 2001. С. 179.

Но критерий препятствия дальнейшему отбыванию наказания обычно применяется в отношении психически больных. Как быть с другими тяжелобольными? Среди них особое место занимают больные туберкулезом, алкоголизмом и наркоманией¹⁷. Хотя им и назначается принудительное лечение, они часто не могут защитить свои права сами и не имеют возможности оплатить услуги специалистов. Указывается, что лечение подобных больных проводится в специализированных больницах, в специализированных исправительных лечебных учреждениях, в которых имеется соответствующая материально-техническая база, штат врачей специалистов. Но на деле в этих заведениях нет лекарств, низкая заработная плата врачей, другие объективные и субъективные причины, что превращает нормы о медицинском обслуживании заключенных в пустые декларации. А факт специального режима содержания и принудительного лечения не вызывает у больных желания лечиться. Все больше понимания находит мысль о необходимости сознательного сотрудничества с больным в процессе реабилитации. Некоторые авторы идут дальше и утверждают, что есть условия для перехода к добровольному лечению¹⁸.

Мы не уделяем этой проблеме пристального внимания, и как следствие осложняется и без того сложная ситуация в пенитенциарных учреждениях. Когда заключенный понимает, что ему уже нечего терять, он может реализовать свои потребности, не разбираясь в средствах. Это проявляется и как бравада, и как отчаянная борьба за уважение путем подавления других, даже путем убийства. Многие действия человека, понимающего, что смерть близка, нелогичны и необъяснимы с точки зрения окружающих.

Если уголовное наказание в виде лишения свободы считать причинением боли, то для больного человека, уже испытывающего боль вследствие болезни, подобное наказание представляется двойным, несправедливым. Повседневные ограничения в физиологическом и психологическом плане вследствие болезни уже воспринимаются в качестве наказания. А когда еще и свободы лишают, то первый вывод для больного – несправедливость. Общество отказывает ему в лечении. И в то же время осуждает, не понимая всей тяжести его положе-

¹⁷ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. В.И. Селиверстова. 3-е изд. М.: Юрист, 2003. С. 105.

¹⁸ См.: *Масаб Али Саид*. Лечение наркомании: новые подходы // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания. Сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Рязань: Институт права и экономики МВД России, 1999. С. 57.

ния. Наверное, каждый из нас посчитал бы такое отношение к себе несправедливым. Ведь человек брошен всеми, и ждать помощи в местах лишения свободы от кого бы то ни было не приходится.

Поведение таких больных в корне отличается от поведения здоровых людей, поэтому в отношении их стандартные схемы борьбы с преступностью, теории обращения с преступниками неприменимы. Неоправданно рискованное поведение наблюдается не только у осужденных, но и у ВИЧ-инфицированных на свободе. Д.В. Николаенко отмечает, что для все большего числа людей ВИЧ-позитивность становится не только роковой случайностью, но и захватывающей игрой со смертью. Игровой аспект в соотношении с болезнью в пенитенциарных учреждениях вовсе не исследован.

Э. Фромм, например, остро ставил вопрос о социальной функции игры в дихотомии игра как конструирование и как деструктурирование, игра как выход из хаоса и игра как переход в беспорядок, игра как накопление энергии и как ее расходование, игра как опредмечивание и распредмечивание. В России такие исследования почти не проводятся, идет лишь ссылка на тюремную субкультуру.

Далее можно рассмотреть категории лиц, не понимающих в полной мере происходящих процессов, не способных проанализировать последствия своих действий и не способных принять ответственность за них. Но здесь уже речь должна идти о медицинской реабилитации.

Уголовно-испытательная система России, являясь наследницей ГУЛАГа, так и не смогла вырваться за пределы идеологии тоталитарного режима. Но рыночные условия говорят о том, что здоровье заключенных – это такой же капитал, как и другие активы государства и общества. Поэтому охрана здоровья людей, попадающих в пенитенциарные учреждения, должна стать такой же приоритетной задачей, как и охрана здоровья свободных членов общества¹⁹. Если такой позиции ни у государства, ни в самом обществе не наблюдается, это скорее говорит о том, что тоталитарный строй в России сохранил свои позиции и в первую очередь реализовывает себя через архаичные институты, к которым можно отнести и уголовно-исполнительную систему Российской Федерации.

---

¹⁹ См.: УИС: Позитивные перемены // Преступление и наказание. 2003. № 2. С. 9–10.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека (сентябрь – ноябрь 2011 года)

Тульская область

12 сентября 2011 года

Прокуратура проводит проверку сотрудников **Алексинской воспитательной колонии для несовершеннолетних** в Тульской области, где **осужденные устроили беспорядки**. Возбуждено два уголовных дела: одно против бунтарей, а другое в отношении руководства колонии на предмет превышения полномочий.

По данным следствия, в ночь на воскресенье трое осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях, устроили беспорядки, пытались деорганизовать нормальную деятельность Алексинской воспитательной колонии. К ним присоединились другие осужденные, содержащиеся в карантинном отделении и общежитии отряда.

Выломав решетку окна комнаты дневного пребывания, осужденные покинули расположение запираемых помещений. Подстрекаемые ими, другие осужденные, содержащиеся в карантинном отделении, общежитии отряда, учинили погромы и поджоги жилых и административных помещений учреждения, а также повреждение и уничтожение части имущества, находившегося в этих помещениях.

В результате принятых администрацией учреждения мер осужденные были перемещены в клуб учреждения, к утру 11 сентября ситуация в колонии стабилизировалась, последствия беспорядков устраняются. Жертв нет, госпитализированных в медучреждения нет.

Ситуация в федеральном казенном учреждении «Алексинская воспитательная колония» и ход расследования уголовных дел взяты прокурором области на особый контроль.

Пенза

16 сентября 2011 года

Начальник отдела интendantского и хозяйственного обеспечения ИК-5 УФСИН России по Пензенской области задержан с поличным сотрудниками отдела собственной безопасности при получении взятки в размере 100 тыс. рублей за оказание содействия в условно-досрочном освобождении осужденному.

«За указанную денежную сумму сотрудник колонии пообещал осужденному положительные характеристики в личном деле и ходатайство на судебном заседании о его условно-досрочном освобождении. В настоящее время в отношении сотрудника возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ «Получение должностным лицом взятки за незаконные действия».

За совершенное преступление работнику исправительного учреждения грозит от 3 до 7 лет лишения свободы и штраф в размере от 4 до 7 млн рублей.

Тульская область

19 сентября 2011 года

В ходе проведенной прокуратурой области **проверки** в федеральном казенном учреждении «Алексинская воспитательная колония» УФСИН России по Тульской области, где в ночь с 10 на 11 сентября 2011 года произошли массовые беспорядки, **выявлены нарушения уголовно-исполнительного, трудового законодательства, законодательства об охране здоровья граждан.**

Установлено, что руководством исправительного учреждения должным образом не была организована работа по обеспечению личной безопасности осужденных, а также граждан, находящихся на территории учреждения. В нарушение требований режима работы колонии не контролировалось состояние запорных устройств и не принималось

своевременных мер по их ремонту и дооборудованию, что позволило осужденным беспрепятственно перемещаться в другую часть помещения. С нарушением установленного порядка хранились ключи от сейфов и помещений, строительные инструменты, которые были использованы осужденными при совершении противоправных действий.

Работники дежурной смены колонии должным образом не обеспечили надзор за соблюдением распорядка дня в учреждении, допустили несанкционированное передвижение осужденных по территории колонии.

Также выявлены факты нарушения режима содержания ряда осужденных. Так, в дисциплинарном изоляторе лица, впервые осужденные к лишению свободы, содержались совместно с ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы осужденными.

Медицинская часть воспитательной колонии не в полной мере обеспечивает исполнение требований законодательства об оказании качественной медицинской помощи осужденным, поскольку длительное время не укомплектованы должности начальника медицинской части и врача-терапевта.

Выявлены факты незаконного привлечения к работе в выходные дни в столовой учреждения восьми несовершеннолетних осужденных.

В то же время в учреждении отбывают наказание 10 осужденных, имеющих исполнительные листы, из них четыре человека не трудоустроены на оплачиваемых работах.

Нарушались условия отбывания наказания ряду осужденных в части просмотра кинофильмов и телепередач, прослушивания радиопередач. Так, камеры дисциплинарного изолятора радиоточками не оборудованы, что нарушает права содержащихся там лиц.

Выявлены и другие нарушения.

В связи с этим прокурор области в адрес начальника управления ФСИН России по Тульской области внес представление, в котором потребовал принять конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, причин и условий, им способствующих, а также потребовал привлечь к дисциплинарной ответственности виновных лиц.

Ситуация в Алексинской воспитательной колонии остается на особом контроле в прокуратуре области.

Кировская область

21 сентября 2011 года

19 сентября в Фонд «В защиту прав заключенных» начали поступать сообщения из разных источников (от осужденных, их родственников, правозащитников) о том, что **все заключенные ИК-11 Кировской области (порядка 1200 человек) отказались от приема пищи и объявили голодовку**, отказались от выхода на промышленное производство в знак протеста против незаконных действий сотрудников колонии.

Согласно сообщениям, причинами акции протеста послужили систематические избиения и унижения заключенных в ИК-11; проверка анального отверстия пальцем на предмет наличия запрещенных предметов перед водворением осужденных в ШИЗО; оскорбления и притеснения на национальной почве; грубейшие нарушения трудового законодательства (выплата заработной платы существенно ниже положенной – 20–30 рублей в месяц, завышение норм выработки, увеличение продолжительности рабочей смены и пр.); осужденным не выдана форма одежда по сезону, при температуре воздуха плюс 6 градусов они продолжают выходить на построения в летней робе.

Среди требований осужденных:

– встреча с Уполномоченным по правам человека в РФ; привлечение к уголовной ответственности сотрудников ИК-11 (зам. начальника оперативного отдела майора внутренней службы Окулова Алексея Михайловича, начальника оперативного отдела майора внутренней службы Зайкова Михаила Александровича, начальника отдела безопасности майора внутренней службы Тахирева Владимира Витальевича, майора внутренней службы Шаклеина).

20 сентября 2011 года местные органы власти, а также ОНК по Кировской области преднамеренно сообщили, что на голодовке находятся только 24 человека, содержащиеся на строгих условиях содержания (СУС), с целью занизить масштабы акции протеста. Однако 21 сентября 2011 года к нам вновь поступили сообщения от родственников и осужденных о том, что большинство заключенных ИК-11 (порядка 1000 человек) голодают и ожидают встречи с Уполномоченным по правам человека в РФ.

По сообщениям осужденных, 21 сентября 2011 года в ИК-11 прибыли представители прокуратуры, УФСИН по Кировской области, в том числе начальник УФСИН Таиров В.Ю., однако просьбы заключенных выслушать их были проигнорированы. Более того, Таиров угрожает

ввести спецназ в колонию для подавления акции протеста. Как поясняют осужденные, представителей УФСИН и прокуратуры по Кировской области, посетивших колонию, не интересуют причины акции протеста более 1000 заключенных.

Мы полагаем, что осужденные обоснованно не доверяют местным органам власти, а также представителям Общественной наблюдательной комиссии по Кировской области, поскольку неоднократные обращения заключенных, предшествовавшие массовой голодовке, в местные органы власти, остались фактически без рассмотрения либо инициировали поверхностные и формальные проверки, от которых положение «жалобщиков» только усугублялось. Сотрудники Фонда направили обращения Уполномоченному по правам человека в РФ В. Лукину и директору ФСИН России А. Реймеру.

Алтайский край

4 октября 2011 года

Бывший **замначальника колонии № 5 в Рубцовске приговорен к пяти годам лишения свободы**. Собранные Рубцовским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю доказательства признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора бывшему заместителю начальника ФБУ исправительной колонии № 5 УФСИН России по Алтайскому краю Вячеславу Чердынцеву. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение без цели сбыта наркотических средств в особо крупном размере), ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ (покушение на получение должностным лицом взятки за незаконные действия).

Следствием и судом установлено, что Чердынцев по просьбе осужденного встретился с жителем города Рубцовска, который передал ему наркотические средства и запрещенные для использования в исправительных учреждениях предметы. Должностное лицо за обещанное ему денежное вознаграждение должно было пронести указанное на территорию исправительной колонии № 5 и передать осужденному. В результате грамотно проведенных совместных мероприятий следователей следственного управления и сотрудников отдела безопасности УФСИН 20 декабря 2010 года на режимной территории другого исправительного учреждения был задержан автомобиль Чердынцева, в багажнике которого обнаружены гашиш массой 57,47 грамма, марихуа-

на массой 43 грамма, а также 7 мобильных телефонов, 9 микросхем, 6 штекеров от зарядных устройств и батарееи.

Башкортостан

4 октября 2011 года

В правозащитной организации «За права человека» утверждают, что **в тюрьмах Башкирии заключенных бьют, запугивают, унижают и подвергают сексуальному насилию**, а руководство колоний не только не препятствует этому, но, наоборот, потворствует. Правозащитники рассказали, что собирать информацию приходилось по крупицам. Вполне естественно, что осужденные боятся рассказывать о происшедшем своим родственникам, адвокатам и представителям надзорных органов. Тем не менее в распоряжении сайта Ufa1.ru оказались копии свидетельских показаний о вышеупомянутых правонарушениях.

«В ИК-3 систематически фабрикуют материалы в отношении осужденных, для помещения их в ШИЗО с целью оказания психологического давления, а также зверски жестоко избивают осужденных, не имея на то законных оснований, – пишет в своем заявлении осужденный Геннадий Вяткин (имя изменено. – Прим. ред.). – Я слышу, как кричат осужденные, когда к ним применяется физическая сила со стороны сотрудников. Часто от других осужденных я узнаю, что многие жалобы и заявления до адресатов не доходят, так как не пропускает цензура».

Осужденный Владимир Иванов (имя изменено. – Прим. ред.), также находящийся в ИК-3, рассказывает о том, как его избивали и пытали в колонии. «Они говорили, что это мне за то, что я жалуюсь, то есть писал жалобы о нарушении моих прав. Я кричал, просил прекратить их действия, и в конце концов они меня вернули в камеру», – поделился Владимир Иванов.

Как рассказывают прошедшие через этот ад люди, в колониях есть так называемые «пыточные камеры», где одни заключенные бьют и издеваются над другими «по поручению» тюремного начальства.

«Администрация выработала простую тактику: внутри создают группу из лиц, совершивших особо тяжкие преступления, – это убийцы, бандиты, маньяки, насильники, торговцы наркотиками. У них у всех огромные сроки. Чтобы освободиться досрочно или иметь какие-то льготы, они по указанию администрации издеваются над остальными осужденными, совершают против них различные преступления, запугивают. Кроме пыток и избиений, заставляют осужденных работать по 12 часов бесплатно, что категорически запрещено законом, – говорит

председатель региональной общественной правозащитной организации РБ Народное единство Виктор Ишков. – За эти противоправные действия их потом выпускают досрочно. Когда они освобождаются, то снова совершают тяжкие преступления».

Правозащитник приводит в пример некоего Евгения Матвеева (имя изменено. – *Прим. ред.*), известного в ИК-3 своей жестокостью по отношению к другим осужденным. После своего досрочного освобождения он всего полтора месяца провел на свободе, после чего убил мужчину и женщину, чтобы завладеть их автомобилем, и снова получил большой срок.

В свою очередь, в ГУ ФСИН РФ по РБ придерживаются иного мнения относительно жалоб, поступающих от заключенных: «Уполномоченный по правам человека в РБ, члены Общественной наблюдательной комиссии РБ по осуществлению контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания неоднократно отмечали, что большинство поступающих от осужденных жалоб не вызвано претензиями к условиям отбывания наказания. В большей части обращений выражается несогласие с ведением следствия, предъявленным обвинительным заключением, приговором и иными решениями суда, – прокомментировали слова правозащитников в пресс-службе ГУ ФСИН РФ по РБ. – Вторая по значимости группа обращений вызвана проблемами, которые ожидают осужденных после освобождения. Прежде всего это сложности в трудоустройстве и отсутствие жилья. В то же время осужденные не боятся высказывать претензии к условиям отбывания наказания. Поводы для жалобы могут быть самые разнообразные. Например, недовольство жирной пищей в столовой. После проверки соответствующими органами большинство жалоб на условия содержания признается необоснованными. Кроме осужденных, жалобы подают их родственники».

Между тем было бы неправильно утверждать, что правоохранительные органы совсем не обращают внимания на то, что происходит в исправительных учреждениях. Просто чаще всего помощь приходит слишком поздно.

Например, в марте этого года с множественными травмами тела, переломом локтевой кости, переломом бедренной кости и переломом позвонков в больницу поступил заключенный ИК-3 Руслан Гиндуллин (имя изменено. – *Прим. ред.*). На следующий день после госпитализации он скончался, сейчас по этому факту возбуждено уголовное дело. В начале июня 2011 года СУ Следственного комитета по Калининскому

району города Уфы возбудило уголовное дело по факту жестоких действий сексуального характера в отношении осужденного ИК-3 Антона Донцова (имя изменено. – *Прим. ред.*).

«По каждому выявленному случаю получения телесных повреждений, независимо, поступило заявление от осужденного или нет, проводится проверка. Материалы по результатам проверки направляются в прокуратуру РБ. Большинство повреждений вызвано конфликтами между осужденными или по собственной неосторожности», – сообщили в пресс-службе ГУ ФСИН по РБ.

Правозащитники рассказали, что больше всего жалоб приходится на исправительную колонию № 3 (ИК-3), которая находится в Шакше. Однако в пресс-службе ГУ ФСИН РФ по РБ эту информацию не подтвердили. «На 1 октября 2011 года по ИК-3 поступило 104 жалобы. Больше всего жалоб по СИЗО – 1002. Характер жалоб тот же: преобладает несогласие со следствием и судом», – сообщили в пресс-службе ГУ ФСИН РФ по РБ.

24 октября 2011 года

Тяжелобольных освобождают из СИЗО реже, чем 4 года назад. Глава Общественной наблюдательной комиссии Москвы Валерий Борщев считает, что распоряжение президента Дмитрия Медведева об освобождении из СИЗО тяжелобольных задержанных саботируется, сообщает «Газета.ru».

«Идет откровенный саботаж указания президента об освобождении тяжелобольных подследственных», – заявил Борщев в пятницу на пресс-конференции.

При этом правозащитник подчеркнул, что к содержащимся в СИЗО должен быть особый подход к точки зрения охраны здоровья: «Условия в следственных изоляторах тяжелее, чем в колонии. Там воздуха меньше, там движений меньше».

При этом в целом по России освобождаются из СИЗО менее трети тяжелобольных. «В целом по стране только 30% по этому постановлению освобождаются. Еще четыре года назад это было 50%. Динамика очевидна. Резкое сокращение», – добавил Борщев.

Он также сообщил, что официальная статистика смертности тяжелобольных, которым отказано в освобождении, отсутствует. «Мы спросили, а вообще ведется ли какой-нибудь учет во ФСИН, сколько человек умерли из тех, кому отказано в освобождении. Узнали, что этого учета нет», – заключил правозащитник.

Амурская область

26 октября 2011 года

В сети Интернет были размещены **видеоролики, на которых сотрудник уголовно-исполнительной системы применял насилие к осужденным женщинам**, отбывающим наказание в федеральном казенном учреждении «Колония-поселение № 4» УФСИН РФ по Амурской области.

По данному факту следственными органами Следственного комитета РФ по Амурской области проводится доследственная проверка, в ходе которой будут установлены достоверность событий, происходящих на видеозаписи, а также личности участвовавших в них фигурантов, а также принято процессуальное решение.

Три ролика под названием «Беспредел в УФСИН» были выложены в Сети два дня назад, 24 октября 2011 года. Записи были сделаны мобильным телефоном с мониторов охраны, на которые выводится видео с установленных в колонии камер наблюдения.

На первом видеоролике, длиной чуть меньше двух минут, мужчина в форме избивает руками и ногами и таскает за волосы заключенную. За кадром слышны реплики авторов видео: «Снимай-снимай» – и смех.

На втором, минутном, ролике запечатлены трое мужчин в форме с двумя заключенными. Один из сотрудников пенитенциарной системы поочередно дает осужденным пощечины, пинает их ногами и лупит тряпкой.

На третьем ролике (действие длится две минуты) мужчина в форме, разговаривая с еще одной заключенной, то и дело отвешивает ей оплеухи, хватая ее за шею и волосы. За этим наблюдает другой сотрудник колонии.

Как утверждает выложивший ролики на видеоагрегатор пользователь MrArtur113, «приватные беседы с осужденными женщинами, находящимися в штрафном изоляторе», проводит замначальника колонии-поселения № 4. Подтверждения этой информации пока нет. Каким образом в распоряжении пользователя оказалась съемка, пока неясно.

Проведенная сотрудниками Генеральной прокуратуры России проверка позволила установить, что избиванием осужденных женщин в федеральном казенном учреждении «Колония-поселение № 4» УФСИН РФ по Амурской области занимался заместитель начальника учреждения майор внутренней службы Сергей Зычков. Об этом сообщается на официальном сайте Генпрокуратуры.

26 октября 2011 года в отношении Зычкова возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

В настоящее время прокуратура области проводит комплексную проверку соблюдения законности в ФКУ КП-4 УФСИН.

Челябинская область

9 ноября 2011 года

В ИК-2 около 80 заключенных нанесли себе телесные повреждения. В Фонд «В защиту прав заключенных» поступила информация о причинах акции протеста осужденных ИК-2 города Челябинска (порядка 80 осужденных нанесли себе телесные повреждения – резаные раны предплечий).

Согласно полученной информации, в ИК-2 осужденные водворялись в ШИЗО по надуманным основаниям, где систематически без законных на то оснований подвергались физическому насилию и унижающему обращению. Кроме того, в колонии не соблюдались нормы питания, не оказывалась медицинская помощь, а жалобы осужденных подвергались цензуре и не направлялись адресатам.

В настоящее время ситуация в колонии стабилизировалась, посетивший колонию представитель ГУ ФСИН по Челябинской области обещал устранить все нарушения.

Также в Фонд поступила информация о том, что в печально известной ИК-1 города Копейска Челябинской области (где в 2008 году были насмерть забиты 4 осужденных) осужденные отказались от приема пищи и объявили голодовку, которую держат уже 4-й день.

В результате переговоров с представителями ГУ ФСИН, которые пообещали осужденным устранить все существующие нарушения, обе акции протеста были прекращены.

15 ноября 2011 года

Теперь в ИК-15 города Копейска Челябинской области около пятнадцати осужденных нанесли себе резаные раны предплечий рук. Причины настоящей акции протеста аналогичны двум предыдущим – систематическое применение физической силы и унижающего обращения со стороны сотрудников отдела безопасности.

Согласно полученному сообщению, осужденных заставляют мыть полы в санпропускнике и туалете для сотрудников ИК, у осужденных систематически проверяют анальное отверстие пальцем на наличие

запрещенных предметов; содержат в прогулочных двориках сутками; нормы питания не соответствуют установленным нормам; заставляют принимать пищу из посуды, которая принадлежит лицам нетрадиционной ориентации. В камерах ШИЗО и ПКТ осужденных содержат по одному человеку с целью физического и психологического воздействия.

Жалобы осужденных, которые доходят до органов власти (как правило, цензура не пропускает жалобы на администрацию колонии), инициируют формальные, поверхностные проверки, в ходе которых нарушения не выявляются, а те осужденные, кто писал жалобы, подвергаются еще большему преследованию.

Сотрудники Фонда направили обращения в прокуратуру и ГУ ФСИН Челябинской области и просили провести проверку.

Тамбов

16 ноября 2011 года

В Фонд «В защиту прав заключенных» поступило сообщение о нарушении прав осужденных в ФКУ ИК-5 УФСИН РФ по Тамбовской области. Осужденных, содержащихся в ШИЗО и ПКТ, по распоряжению руководства 13 ноября 2011 года выгнали во дворы для прогулки. Однако даже очень здоровый человек не станет прогуливаться **четыре часа в нижнем белье и тапочках при температуре воздуха минус 5**. Тем более что большинство осужденных – больные, с ослабленным иммунитетом, многие являются ВИЧ-инфицированными. В ответ на законное возмущение осужденных им стали угрожать, а одного из них подвергли жестокому избиению. Все это совершалось администрацией учреждения при участии начальника ОБ Руслана Ершева и старшего оперативника Андрея Тыщенко.

После «прогулки» у многих появились первые признаки простудных заболеваний. Однако медицинский персонал учреждения по понятным причинам игнорировал просьбы осужденных в медицинском осмотре. Сотрудники Фонда направили соответствующие обращения в прокуратуру и УФСИН Тамбовской области.

Ямало-Ненецкий автономный округ

28 ноября 2011 года

В июле 2011 года сотрудники Фонда «В защиту прав заключенных» опубликовали информацию об угрозах свидетелям-заключенным, проходящим по уголовному делу в отношении сотрудника ИК-18 УФСИН

России по Ямало-Ненецкому автономному округу Ю. Сандркина. Подполковник Сандркин, применяя физическое воздействие и насилие, заставлял осужденных сознаваться в нераскрытых преступлениях, которых они не совершали. Другие заключенные под давлением и угрозами помогали ему в этом. В декабре 2010 года Следственным комитетом РФ против Ю.Сандркина было возбуждено уголовное дело, а заключенные В. и Ж. проходили по нему свидетелями.

Заключенный-свидетель Ж. утверждал, что с момента дачи показаний против Ю. Сандркина, на него оказывается мощное давление со стороны сотрудников ИК-18 ЯНАО с целью отказа от всех ранее данных показаний против подполковника. После обращения в Фонд в целях безопасности и оказания помощи следствию его перевели из ИК-18 ЯНАО в ФКУ ИЗ 66/1.

Однако в ноябре 2011 года в Фонд поступило повторное обращение осужденного-свидетеля по делу Ж., который опасается за свою жизнь. Ж. утверждает, что получил информацию о том, что второй свидетель В. скончался в ИК-18 30 августа 2011 года – ровно через два дня после этапирования Ж. из колонии. Официальная версия – повесился. Но Ж. не верит официальной версии. По его словам, он был сокамерником В., хорошо его знал, и тот не мог прибегнуть к суициду. Тем более и в адрес В. поступали угрозы – от него требовали отказаться от данных ранее показаний против подполковника Сандркина. В. утверждает: «Заявляю Вам абсолютно точно, это было убийство. Он был опасен как свидетель, мне угрожали тем же».

В связи с произошедшими событиями Ж. опасается за личную безопасность. Он боится находиться в одиночной камере, где его содержат. А также указывает на то, что никаких следственных действий с ним не проводится – за месяц нахождения в ИЗ 66/1 он ни разу не был вызван на допрос к следователю. «Прошу Вас принять во внимание, что если со мной что-то случится – это есть убийство для сокрытия правды. Прошу помочь, чтобы мне была обеспечена безопасность и чтобы меня ни в коем случае не содержали в одиночной камере», – пишет Ж.

Сотрудниками Фонда направлены обращения заместителю Генерального прокурора по соблюдению законности в ИУ и прокурору ЯНАО. Дело взято на контроль.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Сьерра-Леоне: ад для несовершеннолетних в тюрьме Фритауна

В переполненной, как и все другие пенитенциарные учреждения Сьерра-Леоне, центральной тюрьме Фритауна содержатся 1300 несовершеннолетних. И находятся они здесь в антисанитарных условиях. Когда все они укладываются спать прямо на земле, то напоминают скорее животных в хлеву либо армию призраков, зомби, которые стремятся уничтожить всех находящихся на свободе и которым лишь решетки мешают это сделать. Фернандо Морелес, талантливый фотограф (отмеченный тремя премиями *World Press* в 1998, 2003 и 2011 годах), живущий в Барселоне, решил показать, что все эти несовершеннолетние – люди, со своими достоинствами и недостатками. Иногда даже непонятно, где их судьба страшнее – в тюрьме или на свободе.

Мохаммед Контех, 14 лет, был арестован за небольшое количество марихуаны, предназначенной для личного употребления. После четырех дней, проведенных в каменном мешке в полицейском участке без еды, от него потребовали взятку, равную 7,5 евро. Денег у него конечно же не было. Спустя семь месяцев, проведенных в карцере, он получил три года. Та же история произошла с Мохаммедом Муза, с Абу Сесе, чьи глаза выражают одновременно и твердость и покорность.

«Я ощущал себя абсолютным беспомощным перед этими ребятами – настолько бросалась в глаза вся несправедливость, допущенная в их отношении, – говорит Фернандо Морелес. – Эти отчаявшиеся мальчишки, бывает, годами ждут суда. Я старался уговорить персонал изучить их досье, но всем там на них наплевать. То же самое с медицинским обслуживанием: где только можно я искал для них лекарства, но ни одна из многочисленных неправительственных организаций (НПО), имеющих в Сьерра-Леоне, не дала мне ничего для этих несовершеннолетних заключенных».

Побывав в этом месте, Фернандо Морелес утверждает, что работал он там свободно. Снабженный всевозможными разрешениями, выданными ему в рамках программы исследований пенитенциарной и юридической системы, он не встретил ни единого знака какой-либо враждебности со стороны персонала тюрьмы. И от заключенных тоже, которые часто принимали его за медбрата, который хочет им помочь.

Кончилось все тем, что знаменитый фотограф Фернандо Морелес запустил программу, которая называется *Free Minor Africa*. Созданная им НПО намерена бороться с плохим медицинским обеспечением и оказывать реальную помощь молодежи.

Один адвокат сказал как-то Морелесу: «Без денег в Сьерра-Леоне бесполезно искать справедливости». Да и с ними тоже...

Справка составителя

Пенитенциарная система Сьерра-Леоне

В 16 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 31 ноября 2010 года содержалось **2237** заключенных, из них: подследственных – **49,2%**, женщин – **3,5%**, иностранцев – **1,7%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **39** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **108,1%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь. **Условия содержания:** большинство тюрем страдает от переполненности, антисанитарии, плохого питания, некачественного медобслуживания, возможно избиение арестантов.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма строгого режима на Падемба-Роуд** (Фритаун). Построена в начале XX века, рассчитана на 325 заключенных, в реальности вмещает около 1000 человек. Условия содержания считаются относительно комфортными по сравнению с другими тюрьмами страны. Арестантам разрешено рисовать баракки граффити (любимым персонажем рисунков является Боб Марли). Самый известный заключенный – австралиец Питер Халлоран, отставной офицер полиции, следователь по особо важным делам специального трибунала по Сьерра-Леоне. В 2004 году он был обвинен в растлении малолетней, но добился оправдания. По мнению самого Халлорана, процесс стал мстью за работу в спецтрибунале.

Из доклада **Международной амнистии – 2011** «Права человека в современном мире»: «Несмотря на то что условия содержания под стражей частично улучшились, тюрьмы оставались чрезмерно переполненными, заключенные голодали и не получали адекватную врачебную помощь. Многие находились в следственных изоляторах длительный срок, а несовершеннолетних помещали в общие камеры со

взрослыми. В таких обстоятельствах попасть в тюрьму в Сьерра-Леоне означало подвергнуть свою жизнь серьезной опасности, подчас – со смертельным исходом. Условия содержания в ряде случаев были настолько суровыми, что их можно приравнять к жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию».

США: пойман спустя 36 лет

36 лет назад он сбежал из одной из калифорнийских тюрем, в которой отбывал пожизненный срок. 19 августа беглец, который большую часть времени, пока он находился в розыске, провел на северо-западе Канады и на Аляске, был задержан агентами ФБР.

Как сообщили в американской полиции, 66-летний Уильям Эшер Вальтер был арестован в своем жилище в городе Салиде, в Калифорнии, куда он недавно переехал.

В 1966 году Эшер и трое его сообщников ограбили бар, убив при этом бармена.

После этого ограбления и убийства Эшер сбежал в Чикаго, где спустя несколько месяцев был арестован полицией, которая и этапировала его в Калифорнию.

Позже он был признан виновным и приговорен к пожизненному заключению. Но в 1975 году Эшеру удалось сбежать из тюрьмы.

Как сообщили в ФБР, агенты которого разыскивали его все эти годы, прежде чем попасть в городок Хайдер на Аляске, беглец долгое время скрывался в северо-западных территориях, на границе между Канадой и США.

Американские полицейские установили, что Эшер изменил свои личные данные, став Дэвидом Дональдом Маккафеем, женился, затем развелся и работал водителем грузового автомобиля.

Когда канадские власти опросили его бывшую жену, она уверила их, что понятия не имеет, куда делся Эшер и где он находится.

В ФБР рассказали, что много лет назад одна из дочерей беглеца обращалась к ним с просьбой помочь разыскать отца. Другая его дочь в 2002 году также его разыскивала при помощи интернет-сайта genealogy.com.

Но облава на Эшера не приносила никаких результатов вплоть до смерти его матери, которая умерла 1 июля 2005 года.

Незадолго до кончины госпоже Вельш (матери Эшера) захотелось повидаться с сыном. ФБР удалось узнать секретный номер телефона, по которому они связывались. Затем агенты отследили его и задержали в недавно купленном Эшером доме в Салиде.

Эшер дал признательные показания и был отправлен в тюрьму.

Его жена, с которой он прожил более десяти лет, совершенно ничего не знала о его прошлом.

Ливия: Абу-Салим – тюрьма ужасов Муаммара Каддафи

С 22 по 28 августа 2011 года произошло невообразимое: в хаосе сражений за Триполи местные жители с помощью железных прутьев и камней взяли приступом зловещую тюрьму Абу-Салим, символ произвола режима Каддафи, и освободили тысячи заключенных.

Саид Абдуллах в Абу-Салиме провел 15 лет. Попал он туда за принадлежность к Исламистской группе ливийских борцов (GIC) – исламистского движения, пытавшегося убить Муаммара Каддафи. В Абу-Салим он попал в 1996 году, где его «приняли избиениями и пытками». Вместе с 12 товарищами его поместили в крохотную камеру, в которой не было даже матрасов, а вместо туалета в полу была дыра, которую приходилось прочищать собственными руками.

В 2006 году он был приговорен к смерти и провел в полной изоляции полтора года. В этот период три месяца он содержался в абсолютной темноте. Часто его пищей был лишь один кусок хлеба в сутки.

Этот кошмар длился до конца августа этого года. 24 августа Саид Абдуллах услышал глухие удары о дверь своей камеры. «Где охранники? И кто эти люди с оружием?» – спрашивал он сам себя. Потом неожиданно дверь открылась, и он обрел свободу.

– Я увидел, что вся улица украшена знаменами восставших, услышал звуки выстрелов, – вспоминает он со счастливой улыбкой. – Все нас приветствовали, крича: «Это узники Абу-Салима!»

Закончилась самая черная глава истории Ливийской Джамахирии.

А ведь первые манифестации движения ливийского сопротивления, начавшиеся в феврале, требовали освобождения лишь одного адвоката, представлявшего интересы семей заключенных, подвергнувших кровавым репрессиям за поднятый ими мятеж в Абу-Салиме.

Когда протестное движение только начиналось, Саид Абдуллах делил свою камеру с четырьмя другими заключенными, один из них после жестоких пыток сошел с ума. Вместе с товарищами Саид с помощью спутникового телевидения внимательно следил за разворачивающимися событиями, но месяц спустя, когда протестное движение приобрело вооруженный характер, тюремщики обрезали кабель.

20 августа, рассказывает далее Саид Абдуллах, самолеты НАТО начали бомбардировку административных зданий тюрьмы. Из-за беспорядочного бегства персонала тюрьмы их попросту перестали кормить.

Четырьмя днями позже, когда сражение за контроль над районом, в котором находилась тюрьма, являвшаяся последним бастионом верных Каддафи войск, стало особенно яростным, небольшая группа людей, живших по соседству с тюрьмой, услышав, что охранники бежали, отважилась войти в нее. Здесь они нашли лишь несколько человек охраны, которые тут же сбежали. Жители стали ломать двери камер. Народу становилось все больше, и наконец Абу-Салим – символ страха – пал.

– Именно эта тюрьма была символом ужаса в Ливии, – объясняет 32-летний Мухаммед Аль-Бурки, брат которого Абдель-Хаким был одним из 1200 заключенных, убитых в 1996 году. – Это место – трагедия для всех ливийцев, – говорит он, перелистывая архивные тюремные документы в надежде найти указание на то, в каком месте похоронен его брат.

Абдель-Хаким, рассказывает он, был арестован в 1989 году, это был период, когда различные исламистские движения искали способ свергнуть Каддафи. Он говорит, что его брат вовсе не был исламистом, просто он был глубоко верующим человеком. В результате он стал подозреваемым лишь из-за того, что часто посещал мечеть.

Семья так никогда и не узнала, был ли Абдель-Хаким судим. Посещения в тюрьме были запрещены. А затем был 1996 год, но информация о массовом убийстве заключенных в тюрьме долго была недоступной. И пришлось ждать еще целых 10 лет, пока власти начали оповещать родственников. Семья Аль-Бурки получила подтверждение о смерти Абдель-Хакима лишь в 2007 году, с горечью говорит его брат. Однако на всякий случай родственники все эти годы продолжали делать передачи в тюрьму – еду и одежду.

Для Акрама Рамадана Абу-Салим – это место, в котором был уничтожен как личность его отец, ученый, арестованный в 1984 году за участие в заговоре. Приговоренный к смерти, он под давлением вынужден был написать завещание, а затем власти инсценировали его расстрел. В результате он сошел с ума. «Когда отец попал в тюрьму, он был исследователь квантовой физики, а когда вышел – безумный».

Сегодня, когда у повстанцев в Триполи другие приоритеты, тюрьма Абу-Салим открыта для любопытных, которые бродят по пустынным коридорам, рассматривают камеры, пытаются что-то понять, узнать... Административные здания сожжены и разграблены мародерами.

Горячая пора для Международной амнистии: необходимо все привести в порядок, чтобы сохранить документы, которые все еще целы. А затем помочь выяснить судьбу исчезнувших заключенных, «чтобы была установлена полная правда и чтобы ответственные за насилие были осуждены».

Тюрьма Абу-Салим является воплощением «могущества служб безопасности и отсутствия верховенства закона», отмечает Хеба Морэйеф из неправительственной организации Human Rights Watch, которая посетила эту тюрьму в 2009 году.

Бельгия: кодекс для заключенных и охранников

Первого сентября в бельгийских тюрьмах произошла небольшая революция: закон Дюпона о юридическом статусе заключенных наконец-то полностью вступил в действие (а принят он был еще в 2005 году). Свод правил, касающихся прав и обязанностей заключенных, теперь не будет зависеть от их трактовки руководством тюрем. «Закон определяет те минимальные основы, на которые и будут опираться как заключенные, так и сотрудники», – заявил Лоран Семпо, официальный представитель Дирекции пенитенциарной администрации.

Закон распространяется на осужденных к лишению свободы или подвергнутых штрафу, а равно на лиц, находящихся в предварительном заключении. Он не касается интернированных, а также лиц, находящихся под электронным наблюдением.

Закон регулирует материальные условия жизни (личные вещи, жизненное пространство, финансовые средства, здоровье, обеспечение одеждой) и контакты с внешним миром (визиты, переписка). Но, предупреждает Лоран Семпо, различия между тюрьмами сохранятся. Если закон предусматривает, что каждый заключенный имеет право на три визита в неделю, ничто не мешает руководству тюрьмы увеличить количество таких свиданий. То же самое относится к количеству времени, отводимому на спорт и прогулки. Этот минимальный уровень уже существует в большинстве тюрем. Но для некоторых учреждений он невыполним. Проблемы нехватки персонала и переполненности тюрем сами по себе нарушают права заключенных на гигиену и доступ к лечению. С точки зрения разработчика проекта профессора Левена Дюпона, тюремная перенаселенность нарушает права заключенных.

Раздел об обязанностях является одним из самых главных достижений этого закона. Отныне дисциплинарный режим заключенных имеет правовую основу. В настоящее время, говорит Лоран Семпо, этот режим базируется на единственном королевском указе, который предусматривает право «наказывать заключенного». Как и за какие проступки? Теперь это все кодифицировано. Неповиновение пенитенциарному сотруднику, шум или скандал в камере являются отныне нарушениями. И нарушения будут наказываться в соответствии со шкалой тяжести проступка: от простого выговора до помещения в карцер. «В

этой области в разных пенитенциарных учреждениях существовали большие различия, в зависимости от устоявшейся “практики”. За одинаковые нарушения везде наказывали по-разному, – констатирует Лоран Семпо. – А теперь закон дал реальную правовую определенность как для заключенных, так и для персонала».

Наблюдательные комиссии должны контролировать применение закона и проводить мониторинг жалоб заключенных. Но в этих комиссиях не хватает людей, и их эффективность от этого повсюду невелика, так что в этом отношении с 1 сентября ничего не изменится.

Марокко: социальная реабилитация заключенных

«Дать второй шанс заключенным». Эта стратегия одобрена Фондом за социальную реабилитацию заключенных, основанным Мухаммедом VI. «Тюрьма – это не только место, где отбывают наказания. Она также является тем местом, где осуществляется подготовка к возвращению в общество», – подчеркивает Азеддин Бельмахи, координатор Фонда. Работа, образование, культурные и спортивные мероприятия, различные акции в поддержку заключенных – все это способствует их социальной реабилитации и, таким образом, позволяет избежать рецидива. Во время своих поездок по стране во время праздника Рамадан глава государства обратил особое внимание на эту категорию граждан – заключенных, которые также нуждаются в заботе. В Касабланке, Марракеше и чуть ранее в Тетуане были запущены три проекта, бенефициарами которых являются заключенные. Первый проект – это многофункциональный медицинский центр, открытый в одной из тюрем. Это новое здание, рассчитанное на 420 коек, было построено Генеральной дирекцией пенитенциарной администрации страны совместно с Фондом Мухаммеда VI. Общая стоимость этого центра составила 15 миллионов дирхам (1 дирхам равен примерно 4 рублям. – *Ред.*).

По примеру городов Сале, Касабланка и Агадир в Марракеше только что был полностью оснащен Центр сопровождения и социальной реабилитации бывших заключенных. Оборудование этого здания потребовало инвестиций в размере 3 миллионов дирхам, которые были предоставлены Фондом Мухаммеда VI. Как сказал г-н Бельмахи, «осуществление этого проекта происходит в рамках усиления социопрофессиональной реабилитации заключенных, выполняемой Фондом и его партнерами». Образование и профессиональная подготовка, по сути, являются краеугольным камнем этой комплексной программы. Улучшение условий отбывания наказания, культурные и спортивные мероприятия, медицинское обеспечение и сохранение родственных

связей также являются составляющими этого проекта. Для реализации этой программы Фонд Мухаммеда VI тесно сотрудничает с рядом министерств и ведомств. «Это гарантирует высокую эффективность проводимых нами акций», – добавляет координатор.

В новом Центре сопровождения и социальной реабилитации бывших заключенных города Марракеш имеются группы, занимающиеся поиском рабочих мест и реализацией различных проектов совместно с организацией «Анапек» и Фондом Народного банка, созданного для предоставления микрокредитов. Кроме того, Центр занимается социальной поддержкой, поиском предпринимателей, готовых организовать работу в тюрьмах, решением семейных и административных проблем, оказанием медицинской помощи. Служба подготовки к ресоциализации занимается внедрением комплексной программы, направленной на то, чтобы привить умения и навыки, которые смогут гарантировать эффективную социальную реинтеграцию в общество и дадут возможность найти работу. «Эта служба сотрудничает с Центром профессионального обучения, который обеспечивает подготовку заключенных в различных видах деятельности», – уточняет г-н Бельмахи. Чтобы облегчить доступ бывшим заключенным к рынку труда путем получения профессий, только на этот год выделено 1,7 миллиона дирхам, которые и используются для реализации этого проекта.

В городе Тетуан в местной тюрьме открылся Центр профессиональной подготовки. И опять же именно Фонд Мухаммеда VI выделил 11,7 миллиона дирхам, чтобы этот Центр заработал. В нем заключенные обучаются по 13 специальностям (маяр, мастер по ремонту бытовой техники, бухгалтер, пекарь и др.).

Всего в Марокко имеется 41 подобный центр. С 2012 года эта программа, реализуемая Фондом Мухаммеда VI, должна быть распространена на все пенитенциарные учреждения королевства. Кроме того, Фонд откроет еще четыре Центра сопровождения и социальной реабилитации бывших заключенных в Фесе, Танжере, Сетта и Лазйуне.

Конго: 1000 заключенных сбежали из тюрьмы

В провинции Катанга, на юго-востоке Демократической Республики Конго, 7 августа вооруженная группа командос взяла штурмом тюрьму с целью освобождения бывшего шефа ополченцев Маи-Маи (так назывались вооруженные группы ополченцев во время Второй конголезской войны. – *Ред.*), приговоренного к смертной казни. Во время штурма из тюрьмы сбежали около 1000 заключенных. Этот штурм спровоцировал побег 967 заключенных.

– Восемь вооруженных человек в капюшонах вышли из микроавтобуса, воспользовавшись тем, что в этот день проходили встречи заключенных с адвокатами и родными. Они открыли стрельбу по полицейским и охране тюрьмы, в результате чего погибли два человека. Затем они освободили бывшего шефа ополченцев, а вместе с ним и 967 заключенных, – заявил агентству Франс Пресс министр внутренних дел провинции Диканга Казати.

«Команданте Геденон», настоящее имя которого Киунгу Мутанга, главнокомандующий милицией самообороны Май-Май, который свирепствовал в провинции Катанга в начале 2000-х годов, «был освобожден первым», уточнил министр.

В марте 2009 года военный трибунал Катанги приговорил «команданте Геденона» к смертной казни за «военные преступления, преступления против человечности, участие в мятеже и терроризм». Все эти преступления были им совершены в период с 2003 по 2006 год на землях провинции Катанга.

– После того как напавшие на тюрьму освободили этого человека, они потребовали от других заключенных, чтобы они покинули тюрьму, – уточнил министр внутренних дел провинции, добавив, что сейчас ведутся поиски сбежавших, в том числе при помощи вертолета.

Справка составителя

Пенитенциарная система Демократической Республики Конго (ДРК)

Точных сведений о пенитенциарной системе ДРК нет. В 230 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 2004 год содержалось примерно 30 000 человек, в том числе женщин – 3,2%; находящиеся в предварительном заключении по оценке экспертов ООН составляют 70–80% от числа всех заключенных. Количество заключенных на 100 тысяч населения – 57 человек. **Высшая мера наказания** – смертная казнь.

Большинство тюрем страны построено в период бельгийского колониального владычества и в настоящее время находится в аварийном состоянии. Государство не обеспечивает арестантов достаточным количеством продовольствия, и тем приходится рассчитывать лишь на помощь родных. Тюрем в среднем вмещают арестантов втрое больше нормы. В отдельных тюрьмах до сих пор существуют подземные ямы (кашо), куда помещают нарушителей тюремного режима или заключенных, которых необходимо допросить. Избиения и пытки – распространенное явление. Несмотря на объявленную в 2003 году всеобщую амнистию, тюрьмы снова быстро наполнились.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма особого режима Булуо** (Ликаси, провинция Катанга). Комплекс кирпичных зданий, окруженных бетонной стеной с осколками стекла поверху, построен в период колониализма. В 2003 году в ходе массового побега тюрьму покинули более 100 человек. Армейский батальон, охранявший здание, этого не заметил. Самым известным заключенным был сидевший с 1921 года и умерший в застенках в 1951 году основатель Церкви Иисуса Христа на земле, «божий избранник» Симон Кимбангу. Он был обвинен бельгийскими властями в подстрекательстве к мятежу и приговорен к смерти, которая монаршим декретом была заменена на 120 плетей и пожизненное заключение. В январе 1961 года в тюрьму Булуо из военной тюрьмы в Киншасе направлен отстраненный от власти первый премьер-министр независимого Конго Патрис Лумумба. Но по дороге из аэропорта в тюрьму он был расстрелян.

Из доклада **Международной амнистии – 2011** «Права человека в современном мире»: «Вооруженные группировки и правительственные силовые структуры применяли пытки и другие виды жестокого обращения.

В течение года военные суды приговорили к смерти множество людей, в числе которых были и гражданские лица. О казнях не сообщалось. 25 ноября Национальная ассамблея отвергла предложение обсудить законопроект об отмене смертной казни.

Тюрьмы были недостаточно обеспечены, чтобы соответствовать минимальным международным стандартам. Заключенных не всегда кормили даже один раз в сутки и не оказывали им достаточной медицинской помощи. Многие умерли в тюрьме из-за плохих условий содержания, а многие другие скончались в больницах, куда их доставили слишком поздно. Тюремные учреждения были в упадке, из-за чего отсутствовало должное разделение между женщинами и мужчинами, а также между задержанными и осужденными. Поступали сообщения об изнасилованиях в тюрьмах и полицейских изоляторах».

США: «Пришли на свидание? С вас 25 долларов!»

Департамент исполнения наказаний штата Аризона ввел плату за свидания с заключенными тюрем. Эти нововведения начали действовать с конца июля 2011 года. Теперь за встречу с преступниками придется заплатить 25 долларов. Причем не только друзьям и знакомым, которым захотелось повидаться с заключенным, но и родственникам. Правда, с детей, пришедших проведать своих пап или мам, деньги брать не будут.

Эта сумма пойдет на оплату проверки в отношении посетителей, а также на ремонт и благоустройство тюрем, которых в Аризоне насчитывается пятнадцать. Правда, заплатить этот взнос будет необходимо только один раз, перед первым визитом.

По новым правилам посетителям придется заранее отправлять в тюрьму запрос с просьбой разрешить свидание, а также специальную форму с указанием личных данных. Те, кто намерен говорить с заключенным по телефону, тоже будут вынуждены отправить запрос, но платить за разговоры им не придется.

Подобная инициатива властей, которая стала первой в своем роде на территории США, вызвала негодование родственников заключенных и правозащитных организаций. По их словам, родные и без того вынуждены тратить крупную сумму на дорогу до тюрьмы: места заключения в Аризоне, как правило, находятся в малонаселенных районах, куда довольно трудно добраться.

Кроме того, по мнению защитников прав заключенных, такая мера негативно скажется на общей безопасности штата, так как для исправления преступников им необходим постоянный контакт с семьей, которого они во многих случаях могут лишиться из-за нововведения.

Неправительственная организация *Middle Ground* уже подала по этому поводу иск в суд, в котором говорится, что подобное взимание денег является неконституционным, поскольку, по сути, эта плата является специальным налогом, распространяющимся на часть населения. Исполнительный директор этой организации Донна Леон Хамм отметила, что эта плата введена по причине «исключительного финансового отчаяния», поскольку в бюджете штата катастрофически не хватает средств.

Представитель сената штата Венди Бальдо заявила, что Департаменту исполнения наказаний «необходимо около 150 миллионов долларов на ремонт и техническое обслуживание зданий тюрем. Эти деньги до сих пор не выделены». Таким образом, со слов г-жи Бальдо, эти деньги пойдут на ремонт и техническое обслуживание, что в свою очередь, поможет улучшить безопасность как самих заключенных, так и сотрудников тюрем.

Франция: несовершеннолетних – под надзор военных, а тюрьмам – дополнительно 30 000 мест

Тринадцатого сентября Николя Саркози объявил о том, что к 2017 году в тюрьмах будет дополнительно оборудовано 30 000 мест, чтобы обес-

печить исполнение наказаний и положить конец тюремной перенаселенности.

– Сегодня мы еще не в состоянии надлежащим образом разместить 65 000 заключенных, содержащихся во французских тюрьмах, мы также не в состоянии обеспечить оперативное исполнение вынесенных приговоров, – заявил Николя Саркози. – Чтобы обеспечить нормальное исполнение наказаний в виде лишения свободы, Франция нуждается в 80 000 мест. Следовательно, мы должны дополнительно ввести в строй еще 30 000 мест.

На 1 мая этого года в 192 пенитенциарных учреждениях содержалось 64 584 человека, тогда как количество мест составляет лишь 56 150. То есть в камерах иногда вместо одного человека содержится четыре, а то и пять заключенных.

Вместе с тем Николя Саркози не уточнил, сколько необходимо средств для строительства новых тюрем.

Текст законопроекта также предусматривает введение дополнительных мер контроля за заключенными, особенно за сексуальными преступниками, и воздействие на преступность среди несовершеннолетних за счет открытия новых закрытых воспитательных центров.

Президент заявил, что правительство вновь рассмотрит спорный проект Эрика Сьотти об образовании «гражданской службы» для молодых преступников, совершивших незначительные правонарушения, которая будет проходить под руководством бывших военных. Это предложение также уже внесено в законопроект.

Предполагается что эта «гражданская служба» будет продолжаться от четырех до шести месяцев. «Это будет период, в течение которого молодые правонарушители будут находиться в условиях строгой дисциплины, что позволит им вырваться из порочного преступного круга», – убежден Николя Саркози.

Говоря о сексуальных преступниках, он заявил, что наблюдение за ними и их лечение необходимо организовать лучшим образом, а также реализовать программы предупреждения рецидива с их стороны.

Президент считает необходимым, чтобы все участники уголовно-правовой цепочки располагали информацией, касающейся надзора и сопровождения таких преступников, и, по его мнению, нужна «связь между всеми базами данных, которыми располагают полиция, жандармерия, судебные органы, центры заключения и служба ресоциализации и probation».

США: казнь на голодный желудок

Тюремные власти штата Техас в четверг, 22 сентября, отменили традицию последнего обеда, предоставляемого приговоренным к смертной казни накануне приведения приговора в исполнение.

Такое решение было принято после того, как сенатор от этого штата публично осудил предоставленный смертнику роскошный обед. Казненный был осужден за жестокое убийство, совершенное им на почве расовой ненависти.

Лоуренс Рассел Бревер заказал два жареных бифштекса в подливке из курицы, гамбургер с сыром и беконом, жареный гомбо, 450 граммов барбекю, три цыпленка по-мексикански, мясную пиццу, мороженое и конфеты «помадка» с добавлением арахисового масла и миндаля. Представители тюрьмы утверждают, впрочем, что приговоренный к смерти почти ничего не съел.

Сенатор Джон Вайтмир, председатель комитета по борьбе с преступностью, обратился к Брэду Ливингстону, исполнительному директору департамента криминальной юстиции штата Техас, с требованием отменить эту «привилегию». Господин Ливингстон ответил буквально через несколько часов, указав, что отныне приговоренные к смертной казни будут получать то же питание, что и остальные заключенные.

Бревер – белый идеолог расизма, был приговорен к смертной казни за убийство Джеймса Бирда, которое он совершил 10 лет назад. Он с помощью цепи привязал свою жертву к кузову грузовика и несколько километров тащил Бирда таким образом по ухабистой дороге. Это преступление из-за своей жестокости повергло в шок всю страну. Сенатор Вайтмир, в частности, заметил, что у погибшего Бирда, в отличие от Бревера, не было возможности заказать себе последний обед.

Исторические ссылки относят традицию «последнего обеда» к Древнему Риму, Китаю и Древней Греции. Но есть и другое поверье: многие суеверно считают, что традиция накормить до отвала приговоренного к смертной казни, не позволит его душе возвращаться и преследовать своих тюремщиков.

США: Трой Дэвис казнен

Трой Дэвис, приговоренный к смертной казни за убийство в 1989 году полицейского, был казнен в среду, 21 сентября, путем введения смертельной инъекции. Казнь состоялась в тюрьме Джексона (штат Джорджия) сразу же после того, как Верховным судом США было отклонено последнее ходатайство об отсрочке исполнения приговора.

Верховный суд отказался отменить исполнение приговора, который должен был состояться в среду, в 19 часов по местному времени. Заседание Верховного суда длилось необычайно долго – целых четыре часа. В результате казнь состоялась сразу же после заседания – в 23 часа 8 минут по местному времени.

По свидетельству журналистов, присутствовавших при исполнении приговора, Дэвис до последнего мгновения заявлял о своей невинности.

«Я не виновен в том, что произошло той ночью (в 1989 году). У меня не было огнестрельного оружия, – заявил, по свидетельству журналистки из местной газеты Ронды Кук, Рой Дэвис. – Не я убил вашего сына, вашего отца и брата. Я – невиновен», – обратился осужденный к членам семьи убитого полицейского, присутствовавшим при казни.

Трой Дэвис, приговоренный за убийство полицейского Марка Макпайла, которое произошло в 1989 году в городе Саванна штата Джорджия, стал символом борьбы за отмену смертной казни.

Возле тюрьмы в городе Джексон несколько сотен манифестантов собрались в среду в надежде, что Верховный суд отменит смертную казнь. Они скандировали: «Пожалуйста, не убивайте Троя Дэвиса» и «Я – Трой Дэвис!». Митингующие, которые начали свою акцию сразу же после обеда, были окружены большим количеством полицейских, и по меньшей мере двое участников были задержаны.

– Это трагический момент. Мы ожидали другого решения суда, но мы полны решимости бороться дальше, – заявил Рафаэль Ворнок, пастор баптистской церкви из Атланты. – Присутствие людей во время приведения приговора в исполнение – само по себе беспрецедентно. Мне кажется, что после этого они по-другому должны увидеть нашу уголовно-исполнительную систему, – добавил пастор.

Многие известные лица, среди которых лауреат Нобелевской премии мира Десмонд Туту и монахиня Хелен Прежан, автор книги «Последняя ступень», несколько лет боролись за то, чтобы Трой Дэвис не был казнен. Против казни на прошедшей неделе выступил и Совет Европы.

– Вы знаете, что Франция высказалась за то, чтобы Трой Дэвис был помилован? Я думаю, что сегодня в крупных развитых странах, в цивилизованных странах у юстиции есть другие действенные средства, – отметил Валери Пекресс, официальный представитель французского правительства.

Бывший министр юстиции Франции Робер Бадинтер, ставший инициатором отмены смертной казни во Франции в 1981 году, заявил ра-

диостанции «Европа-1», что дело Дэвиса «останется пятном на юридической системе США в целом и штата Джорджия в частности».

Дело Троя Дэвиса повлекло за собой многочисленные протесты, и Верховный суд США в августе 2009 года затребовал его для рассмотрения, чтобы изучить новые свидетельства, представленные защитой. Год спустя суд в штате Джорджия подтвердил виновность осужденного.

США: 41 год в бегах

Как сообщил официальный представитель ФБР, 26 сентября в Португалии был задержан житель США, 41 год назад совершивший невероятный побег из тюрьмы города Нью-Джерси. Этот побег он совершил, угнав самолет, который по его требованию приземлился в Алжире. Все эти годы его неустанно разыскивали агенты ФБР. Джорджу Райту, преступнику-рецидивисту, приговоренному вместе со своим подельником к тюремному заключению за убийство ветерана Второй мировой войны, которое они совершили в 1962 году на станции техобслуживания, в августе 1970 года вместе с тремя сообщниками удалось бежать из тюрьмы Бейсайд.

После побега он сначала примкнул к нелегальной «Армии освобождения чернокожих» в Детройте.

Затем 31 июля 1972 года вместе с четырьмя сообщниками он угнал самолет, выполнявший рейс по маршруту Детройт – Майами, потребовав рекордный для того времени выкуп за освобождение захваченных в салоне самолета заложников – один миллион долларов.

Получив выкуп, воздушные пираты вынудили летчиков вылететь в Бостон, где заправились горючим, а оттуда полетели в Алжир и там попросили политическое убежище.

Алжирские власти вернули захваченный самолет и деньги правительству США, а самих воздушных пиратов не выдали и в скором времени освободили их из заключения.

В мае 1976 года их имена вновь попали на первые страницы газет в связи с их арестом французской полицией.

Попались все – кроме Райта. Он оставался неуловимым.

Но наконец пришло и его время. ФБР во вторник, 27 сентября, поблагодарило своих зарубежных коллег за сотрудничество и сообщило, что США потребовали экстрадировать Врайта на родину с тем, чтобы он отбыл оставшихся 15 лет заключения из назначенных ему в 1963 году тридцати лет тюрьмы.

США: невинность установлена после 25 лет заключения

Тридцатого сентября решением федерального судьи был освобожден из заключения житель США, осужденный за двойное убийство, которое произошло в 1977 году. В общей сложности он провел в заключении 25 лет. Федеральный судья установил, что Дэвид Манчински был осужден несправедливо, а в его уголовном деле имеется целый ряд серьезных нарушений, допущенных прокуратурой. Несправедливому осуждению способствовал и суд.

59-летний Дэвид Манчински, только что освобожденный из тюрьмы города Питсбурга, заявил, что он не собирается никому мстить, но голова у него «идет кругом».

Судья Лиза Ленихэм удовлетворила просьбу заключенного, который попросил освободить его условно (до пересмотра дела. – *Ред.*). Жить Манчински будет у своей дочери недалеко от города Тампа во Флориде.

В 1986 году, когда отец был осужден за убийство и сексуальное насилие в отношении двух жителей зажиточного сельского городка Бирс-Рок, его дочери было всего 11 лет. По словам судьи Ленихэм, «серьезный проступок», допущенный прокурором округа Файет Джеральдом Соломоном и его помощником Ральфом Варменом, ставит под сомнение каждый элемент доказательной базы, представленной обвинением. Судья выяснила, что прокуроры скрыли доказательства, ставящие под сомнение виновность Манчински.

Оба бывших прокурора в настоящее время являются судьями в округе Файет. Они отказались дать какие-либо комментарии агентству Ассошиэтед Пресс.

– Я надеюсь, что правосудие их все же настигнет, – заявил получивший свободу Манчински.

Теперь ему предстоит принять участие в новом судебном процессе.

Великобритания: современные Джеки-потрошители

Жуткий случай произошел в начале октября в тюрьме Франкленд графства Дарем. Двое заключенных этой тюрьмы с повышенными мерами безопасности зверски расправились со своим сокамерником, который был осужден за изнасилование несовершеннолетней.

Неизвестно, совершили ли бы заключенные это преступление, если бы не посмотрели по телевидению документальный фильм, в котором реконструировались события, приписываемые легендарному маньяку Джеку-потрошителю. За несколько дней перед убийством эта телепе-

редача была показана в эфире 5-го телеканала, который принимается в тюрьме.

Как сообщает газета *Дейли мейл*, труп 23-летнего педофила Митчелла Харрисона сотрудники тюрьмы обнаружили в 10 часов утра.

– Трудно сказать, что там произошло. Но его буквально выпотрошили, – пояснил на условиях анонимности информированный источник в тюремном ведомстве графства. – Всюду была кровь. Мы все еще пытаемся восстановить цепь событий.

Участники этой драмы все вместе смотрели этот двухсерийный исторический фильм, в котором рассказывалось о преступлениях маньяка Викторианской эпохи Джека-потрошителя. Судя по всему, участники самосуда действовали под впечатлением от этого кино. Судмедэксперты, проводившие осмотр тела убитого и места преступления, пришли к выводу, что Харрисона разделявали в манере Джека-потрошителя. Орудиями убийства стали самодельные ножи, сделанные из бритвенных лезвий, вставленных в рукоятки от зубных щеток.

В январе прошлого года Харрисон был приговорен Королевским судом Карлайла к неопределенному сроку лишения свободы, но не менее 4,5 года тюрьмы, за изнасилование 13-летней девочки. Причем этот срок – 4,5 года – не подлежал сокращению ни при каких условиях. Во время суда его характеризовали как опасного сексуального извращенца. Харрисон заманил жертву в свою квартиру, заставил ее полностью раздеться, а потом дважды изнасиловал. Судья во время чтения приговора заявил, что он «представляет существенный риск» для молодых девушек.

Харрисон стоял на учете в полиции, поскольку ранее его дважды уличали в сексуальных нападениях. Предыдущие два преступления он совершил, сам будучи несовершеннолетним: в 13 лет он домогался семилетнего ребенка, а в 15 лет – угрожал изнасилованием однокласснику.

Как заявил газете *Дейли Мейл* профессор криминологии из Бирмингемского университета Дэвид Уилсон, он отмечает исключительную жестокость совершенного убийства, но, по его мнению, «главный вопрос состоит в том, как вообще оказалось возможным совершить во Франкленде, в тюрьме с повышенными мерами безопасности, такое зверское убийство? И почему, – добавляет профессор, – надзиратели не защитили своего подопечного?».

В настоящий момент полиция проводит расследование по факту этого жестокого убийства, в котором подозреваются 23-летний Натан Манн и 32-летний Майкл Парр. Им уже предъявлено обвинение.

Кстати сказать, это не первое убийство, совершенное в последнее время в тюрьме Франкленд. Год назад в этой тюрьме перерезали горло так называемому «сохэмскому убийце» Иану Хантли, который был признан виновным и осужден за убийство двух 10-летних школьников. Иан Хантли был приговорен к пожизненному заключению. Во время отбывания наказания он неоднократно совершал попытки суицида.

Канада: сотрудники тюрем требуют изменить закон

Сотрудникам исправительных учреждений надоело ощущать постоянную угрозу заражения инфекционными болезнями. Такие угрозы часто используются заключенными в тюрьмах в качестве своеобразного оружия. Сотрудники федеральных исправительных учреждений вновь потребовали от правительства Харпера принять меры с целью минимизации таких рисков.

Двадцать восьмого сентября сотрудники федеральных пенитенциарных учреждений начали кампанию за принятие закона, обязывающего заключенных сдавать образцы крови с целью предотвращения рисков заражения инфекционными и заразными заболеваниями.

Согласно данным статистики, опубликованным Агентством национального здравоохранения Канады, в 2006 году гепатитом С были больны от 17 до 40% заключенных и примерно 1% – ВИЧ-инфицированы. Таким образом, риск заражения гепатитом С для сотрудников федеральных тюрем выше, чем для гражданского населения в 20–50 раз. Что касается ВИЧ-инфекции, то риск заражения для них выше в 5–40 раз.

Более того, сотрудники тюрем не знают, кто из заключенных болен гепатитом или инфицирован ВИЧ. Пьер Малетт, президент Национального профсоюза сотрудников исправительных учреждений, оценивает эту ситуацию как тревожную.

– Часто случается, что заключенный использует свою кровь, экскременты или мочу в качестве своеобразного оружия против сотрудника тюрьмы. Такое случается примерно раз в неделю, – говорит г-н Малетт.

Это – способ устрашения. Трудно понять, почему нельзя обязать заключенных сдавать анализы. В Исправительной службе Канады (ИСК), за комментарием в которую обратилась газета *Журнал де Монреаль*, пояснили, что они имеют право потребовать у заключенного сдать кровь на анализ, но в то же время заключенные, согласно действующему законодательству, не обязаны это делать.

– Закон необходимо менять. Мы вправе знать, с кем мы имеем дело. И это бы обнадеживало сотрудников исправительных учреждений, – добавляет г-н Малетт. – А сейчас сотруднику приходится ждать иногда

по шесть месяцев, чтобы получить результаты своих медицинских анализов, – объясняет он.

Как поясняет Вероника Риу, представитель ИСК по связям со средствами массовой информации, соглашения с больницами, клиниками и аптеками, располагающимися вблизи исправительных учреждений, предусматривают незамедлительное оказание помощи.

Кроме того, для сотрудников тюрем реализуются различные программы, в том числе связанные с управлением стрессами, полученными в результате подобных действий со стороны заключенных.

Г-жа Риу добавляет, что заключенные, в случае если они допускают в отношении сотрудников насильственные действия, подлежат дисциплинарному наказанию и что во многих случаях против таких заключенных выдвигаются уголовные обвинения.

Польша: директор тюрьмы убил заключенного

Как сообщил 10 октября генеральный директор польских тюрем Яцек Влодарски, в городе Штум, расположенном на севере Польши, директор местной тюрьмы несколькими ударами ножа убил заключенного, содержащегося в подведомственном ему пенитенциарном учреждении.

– Убийство имело место. Именно директор тюрьмы Анджей Ж. совершил это деяние, – заявил г-н Влодарски телевизионному каналу TVN24.

Йозеф С., заключенный-рецидивист, отбывал длительный срок тюремного заключения. Освободиться он должен был лишь в 2030 году. Как рассказали в дирекции штумской тюрьмы, этот заключенный был известен тем, что писал во все инстанции многочисленные жалобы на условия отбывания наказания. В день убийства директор тюрьмы производил обход камер. Инспектирование тюрьмы в выходной день было связано с тем, что в этот выходной в Польше проводились выборы в органы законодательной власти. Директор тюрьмы Анджей Ж., как рассказывает агентство Франс Пресс, зашел в камеру к Йозефу С. и нанес ему не менее четырех ударов ножом.

Местная прокуратура рассматривает два мотива этого преступления: конфликт, неожиданно возникший между директором и заключенным, либо какие-то проблемы личного характера, которые мог иметь Анджей Ж.

Составил и перевел с французского Юрий Александров

Дело Максима Петлина. Как стать вымогателем

Из статьи Макса Петлина «Кудояровым может стать каждый», написанной им в СИЗО: «В нашей стране любой, открыв Уголовный кодекс, найдет там статью для себя – достаточно вспомнить, как давно вы пользовались нелегальной программой или высказались нелестно о власти или чиновниках в ЖЖ, интернет-форумах или чате – все это уголовно наказуемые деяния. Такие вполне безобидные факты в биографии гражданина России вполне могут стать поводом для возбуждения уголовного дела.

Конечно, ни один суд не “закроет” человека – например вас – немедленно в СИЗО по “клевете”. Сразу – не “закроет”, но вот когда “потерпевший” представит следователю видеозапись, на которой к “потерпевшему” подходит некто, тычет в него палкой, да еще приложит заявление, в котором напишет, что это было вооруженное нападение неизвестного лица и что это неизвестное лицо было послано, например, вами и угрожало убить “потерпевшего” и всю его семью, если обвинение в клевете не будет “потерпевшим” отозвано, – то любой суд, не озадачившись доказательствами, будет готов отправить вас в СИЗО – и вот вы уже там. Легко и быстро».

По решению суда 26 августа был арестован и заключен в следственный изолятор депутат Екатеринбургской городской думы пятого созыва Максим Петлин. Ему была инкриминирована ст. 290, ч. 5. УК РФ («Вымогательство взятки в особо крупном размере, совершенное должностным лицом»).

По версии следствия Максим Петлин:

1. «...Воспользовавшись личными связями в администрации г. Екатеринбурга, получил от неустановленного лица доступ к ряду документов о строительстве на ул. Репина...» (по чисто субъективному

мнению автора статьи, будь у Петлина личные связи в администрации Екатеринбурга, он не оказался бы там, где оказался. – А.З.).

2. «...Написал в общей сложности 25 обращений и заявлений в органы муниципальной и государственной власти, в которых намеренно изложил недостоверные сведения: об отсутствии разрешения на производство строительных работ и государственной экспертизы проекта, о проведении работ в санитарно-защитной зоне Широкореченского кладбища, о самовольном захвате участка...» (интересно, что и прокуратура, и уставной суд не сочли эти сведения недостоверными. – А.З.).

3. «...Так же преступно используя свои полномочия депутата, распространял вышеуказанные сведения в сети Интернет, делал заявления для СМИ...»

4. «...Давал поручения членам партии «Яблоко» и жителям улицы Репина блокировать стройку, сам блокировал стройку, организовывал митинги и пикеты, звонил по телефону 02 и вызывал сотрудников ОП № 8, используя свои должностные полномочия депутата...» (то есть деятельность в защиту прав граждан следствие сочло уголовным преступлением. – А.З.).

5. По мнению следствия, осуществив все вышеперечисленное, Петлин потребовал с застройщика («Форум Групп») много денег за прекращение общественной кампании.

Следует отметить, что у людей, знавших Петлина, участвовавших в общественной деятельности вместе с ним, совершенно другая точка зрения на произошедшее.

«Его арестовали за его активность. За то, что он боролся против точечной застройки, добивался возвращения выборов мэра, участвовал в организации “маршей несогласных!”» – заявляет член Екатеринбургской ОНК Вячеслав Башков.

Также Вячеслав Башков обращает внимание на то, что оперативное сопровождение по данному делу велось ФСБ (немного странно для преступления общеуголовного характера, не так ли? – А.З.), причем следственные действия начались, как видно из материалов дела, 02.02.2011, то есть до того как представители «пострадавшей» от «вымогательства» Петлина кампании подали заявление.

Сам Максим Петлин неоднократно заявлял по данному поводу, что:

«Все переговоры с руководством ЗАО “Форум Групп” проходили исключительно по их инициативе, никаких угроз, требований, обусловленных угрозами, в рамках этих переговоров я не выдвигал. Наоборот, руководство “Форум Групп” само предложило остановить вырубку деревьев, внести изменения в проект строительства (убрать от-

крытые парковки), оказать финансовую помощь в реализации социальных и партийных проектов».

«При расследовании подобного дела обязательным является проведение лингвистической экспертизы, – объясняет ситуацию Шестопалов Максим Александрович, адвокат Петлина. – В данном случае эксперты, причем эксперты, назначенные по ходатайству следствия, изучив расшифровку аудиозаписи переговоров, установили, что никакие угрозы, требования со стороны Петлина в ходе переговоров не выдвигались».

На вопрос, почему, несмотря на такой результат экспертизы, уголовное преследование Петлина продолжилось, защитник заявил, что, с его точки зрения, в данном случае правосудие защищает интересы крупной финансовой группы, и пояснил: «...я не могу сказать, почему следствие ведется именно так. Оснований полагать, что следователь подкуплен, у меня нет. Однако следователь работает не сам по себе, а в соответствии с полученными указаниями».

Дополнительно следует отметить, что Макса Петлина взяли под стражу со второй попытки. В первый раз судья отказалась удовлетворить ходатайство о заключении Макса в СИЗО, однако несколько месяцев спустя директор ФГ Воробьев заявил, что некто, действуя от имени Петлина, угрожал ему (Воробьеву) пистолетом и требовал, чтобы на предстоящей повторной очной ставке он (Воробьев) изменил свои показания и оправдал Петлина.

Эпизод, конечно, вопиющий, при этом особо вопиющими представляются следующие обстоятельства:

- «наезд» происходил в закрытом дворе хорошо охраняемого элитного дома. Причем охрана не только не задержала мазурика, но и даже не вызвала милицию (как удалось выяснить адвокату, никто из охранников не был впоследствии уволен за служебное несоответствие. – А.З.);

- в качестве единственного свидетеля «наезда» выступает мать владельца ФГ Черепанова;

- сам Воробьев заявил о произошедшем только спустя несколько дней, объяснив, что в день нападения находился в шоковом состоянии;

- требования нападавшего были, с процессуальной точки зрения, бессмысленны, ибо к тому моменту защите уже было отказано в проведении повторной очной ставки.

Впрочем, судью эти обстоятельства совсем не озаботили. Он задал адвокату риторический вопрос: «Вы что, следователю не верите?», – и принял решение о помещении неудобного депутата под стражу.

В настоящее время Макс Петлин ожидает рассмотрения своего дела, находясь в СИЗО № 1 г. Екатеринбург.

Алек Д. Эпштейн

Защищая власть от общества: кому и зачем нужна «борьба с экстремизмом»

Сегодня трудно в это поверить, но факт остается фактом: каков бы ни был накал общественных страстей в разные периоды правления Бориса Ельцина, в действовавшем в 1990-е годы законодательстве в принципе отсутствовало понятие «экстремизм», и не было никаких государственных структур, занятых борьбой с «экстремизмом», профилактикой «экстремизма», предотвращением распространения «экстремистских» материалов и т. д. К тому моменту понятия «экстремизм» не существовало не только в российском правовом поле; его практически не упоминали и специалисты, занятые анализом общественных процессов*.

Впервые понятие «экстремизм» в российском праве в качестве юридического термина возникло в связи с подписанием 15 июня 2001 года конвенции Шанхайской организации сотрудничества, озаглавленной «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Конвенцию эту подписали шесть стран: кроме России и Китая четыре пост-

---

* См.: *Верховский А.М., Папп А. и Прибыловский В.В.* Политический экстремизм в России. М.: Центр «Панорама», 1996; *Феномен экстремизма* под ред. А.А. Козлова. С-Пб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000; *Свириденко Ю.П.* «Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М.: Московский государственный университет сервиса, 2000.

Больше не было практически ничего; расплывчатость, беспредметность и крайняя субъективность термина «экстремизм» были вескими причинами, побуждавшими ученых воздерживаться от его массового использования.

советские страны Центральной Азии – Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан – прямо скажем, ни одна из высоких договаривающихся сторон не входит в число стран, которые принято считать демократическими. В самом тексте Конвенции слово «экстремизм» фигурирует четыре раза – трижды в преамбуле, причем во всех трех случаях в словосочетании «терроризм, сепаратизм и экстремизм», а один раз в п. 1.3 ст. 1, где дано юридическое определение этого социального явления. В Шанхайской декларации в качестве «экстремистских» были охарактеризованы исключительно насильственные действия, направленные против существующего конституционного строя, политического режима или общественной безопасности.

С тех пор прошло десять лет. За этот период в Киргизии произошло два государственных переворота (в 2005 и 2010 годах), в остальных же пяти странах, и в том числе в России, у власти остались те же силы, представители которых подписывали Шанхайскую декларацию. Шансы на переворот и насильственный захват власти кем бы то ни было в России, и без того не бывшие высокими, с тех пор снизились едва ли не до нуля. За эти десять лет власти установили полный контроль над всеми федеральными телеканалами; отменили выборы глав регионов, введя процедуру их назначения президентом из Москвы; изгнали из парламентской политики обе представленные в Госдуме в 2001 году либеральные партии – Союз правых сил и «Яблоко» и т.д. Удивительным образом, однако, чем больше государственная власть подминала под себя политическую оппозицию и гражданское общество, тем больше и чаще говорилось об опасностях, сопряженных с «экстремизмом».

Двадцать седьмого июня 2002 года Государственной думой были приняты Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон № 112 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”», в которые с тех пор были внесены многочисленные дополнения. 6 июля 2007 года Госдумой был принят еще один закон, посвященный этой теме – Федеральный закон № 211 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершением государственного управления в области противодействия экстремизму». Определение «экстремизма» становилось все шире и шире, как и круг потенциальных «экстремистов».

«Экстремизм», если верить В.В. Путину, достиг поистине исполинских масштабов, несмотря на десятилетие усиленной борьбы с ним.

«Сегодняшний экстремизм претендует на то, чтобы в конечном итоге, если не будет встречать сопротивления, привести мир на грань катастрофы», – отметил В.В. Путин 24 марта 2011 года¹. И это притом, что из общего числа ежегодно регистрируемых в России преступлений (около 3 миллионов) в 2008 по всем «экстремистским» статьям УК их было всего зафиксировано 460, в 2009 – 548, в 2010 – 656²; иными словами, лишь около двух сотых процента от общего числа!

Апофеозом этой «антиэкстремистской» истерии стал Указ «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации», подписанный Дмитрием Медведевым 29 июля 2011 года. В Комиссию были включены шестнадцать человек, среди которых министры культуры, образования и науки, регионального развития и другие. Однако указом президента был образован и президиум Межведомственной комиссии в составе шести человек, в который вошли только «силовики»: министры внутренних дел и юстиции, директор Федеральной службы безопасности и директор Службы внешней разведки, председатель Следственного комитета и заместитель секретаря Совета безопасности. Значимость новой Комиссии подчеркивают два положения президентского указа: во-первых, «присутствие на заседании Межведомственной комиссии ее членов обязательно»; во-вторых, «члены Межведомственной комиссии не вправе делегировать свои полномочия иным лицам», даже собственным многочисленным заместителям. Руководители всех важнейших силовых структур страны «не реже одного раза в квартал» будут собираться вместе лично, чтобы «поставить заслон» экстремизму». Как легко догадаться, перед Комиссией не поставлено никаких определенных во времени задач, что могло бы предусматривать возможность завершения ею своей работы; у этой кампании было начало, но власти пока не планируют ее конец. Никому не пришло в голову задать вопрос, откуда такая уверенность в том, что проблема «экстремизма» не будет так или иначе решена или не рассосется сама собой...

Эта кампания сопровождалась появлением новой отрасли квази-науки, которую можно назвать «экстремизмоведением». В различных регионах прошли «научные» конференции^{**}. «Экстремизмоведение»

^{**} «Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма» (СПб, 2004), «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму (Махачкала, 2007), «Экстремизм как социально-философское явление» (Орел, 2008), «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму (Махачкала, 2008), «Противодействие молодежному экстремизму» (Омск, 2008), «Актуальные проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде» (Ульяновск,

стало одной из центральных тем в общественных и юридических науках России, хотя его научная значимость сравнима лишь с лысенковской биологией. Высшая аттестационная комиссия утвердила десятки диссертаций юристов, социологов, психологов, философов, впрягшихся в колесницу государственного «антиэкстремизма». В Академии управления МВД России в Москве в 2010 году была защищена диссертация, озаглавленная «Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел России по ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в условиях противодействия экстремизму». Здесь уже вещи названы своими именами: так называемое противодействие «экстремизму» нужно властям как предлог для «ограничения основных прав и свобод человека и гражданина». Ну, для достижения такой в высшей степени важной цели ни в коем случае нельзя искоренить «экстремизм»: чем же тогда власти и обслуживающие их научные работники будут обосновывать «ограничения основных прав и свобод человека и гражданина»?! «Экстремизм» жизненно необходим властям для их выживания, а поскольку именно они имеют монополию на законодательное формулирование того, что будет именоваться «экстремизмом», то можно не сомневаться, что проблема эта никуда не исчезнет; напротив, год от года маховик «противодействия экстремизму» набирает обороты.

Конференциями и книгами дело, понятно, не ограничилось. Директора средних школ (в частности, в мирной и спокойной Владимирской области) стали издавать приказы «О назначении должностных лиц, ответственных за проведение мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму», были проведены (например, в Белгороде) областные конкурсы работ по теме «Противодействие экстремизму в молодежной среде и обеспечение духовной безопасности молодежи», в одних городах (например, в Красногорске Московской области) ста-

---

2009), «Экстремизм как философская проблема» (Новосибирск, 2010), «Правовые основы противодействия экстремистской деятельности» (Тюмень, 2011); были изданы книги «Молодежный экстремизм» (Москва, 2005), «Преступления экстремистского характера» (Санкт-Петербург, 2006), «Политический экстремизм молодежи в постсоветский период» (Тверь, 2006), «Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному» (Волгоград, 2007), «Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты» (Москва, 2008), «Экстремизм: паттерны и формы» (Москва, 2009), «От экстремизма к толерантности: этические и социокультурные аспекты» (Новосибирск, 2010), «Экстремизм и его причины» (Москва, 2010), «Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма» (Москва, 2010), «Квалификация преступлений экстремистской направленности» (Москва, 2011) и многие другие...

ли принимать «Ведомственную целевую программу по профилактике и противодействию терроризму и экстремизму», а в других (например, в Балтийске Калининградской области) стали создаваться «межведомственные комиссии по противодействию терроризму и экстремизму», и так далее...

Одной из стран, подписавшей Шанхайскую конвенцию, является Китай – государство, в котором вот уже более шестидесяти лет безраздельно правит Коммунистическая партия. Задумаемся над этим при чтении недавно опубликованной статьи М.И. Халикова «Социальный экстремизм»: «История нашего государства уже имеет опыт социального экстремизма. Самый яркий тому пример – Великая Октябрьская социалистическая революция, произошедшая в России в 1917 г., в результате которой к власти пришли рабочие и крестьяне. Широкая волна красного террора прокатилась по России, уничтожению подлежали все представители буржуазного класса и даже зажиточные крестьяне (кулаки). По нашему мнению, данные репрессии были направлены исключительно на класс, который концентрировал в своих руках власть и материальные ценности. Можно утверждать, что такие репрессии носили экстремистский характер и пропагандировали исключительность и превосходство класса рабочих и крестьян, освобождение от капиталистов и эксплуататоров»³.

Во многом похожий тезис отстаивал в своей диссертации «Экстремизм как социально-политическое явление современного мира: особенности его возникновения и развития в России» на степень кандидата политических наук И.Д. Лопатин (она была защищена в Ярославле в 2007 году), утверждавший, что «в России мы можем говорить о широком распространении экстремизма со второй половины XIX века, особенно же – с начала XX века»⁴. Естественно, китайские партнеры никогда бы не подписались под Конвенцией, в которой Великая Октябрьская социалистическая революция или не менее жестокая Великая пролетарская культурная революция в Китае были бы охарактеризованы как акты «экстремизма», с которыми договаривающиеся стороны обязуются бороться. Шанхайская конвенция стоит на триаде о «террористических, сепаратистских и иных экстремистских организациях», никакого «социального экстремизма» в ней нет и в помине. Впрочем, как представляется, и в России тезис об Октябрьской революции и ее последствиях как проявлениях «экстремизма» разделяют отнюдь не все и, видимо, даже не большинство. Согласно опросу, проведенному Аналитическим центром Юрия Левада 12–16 октября 2007 года, 24% граждан считают, что Октябрьская революция открыла новую эру

в истории народов России, еще 31% – что она дала толчок социально-му и экономическому развитию народов России, т.е. 55% опрошенных оценили ее позитивно и очень позитивно, в то время как только 26% – негативно и очень негативно (19% затруднились ответить)⁵. Значит ли это, что 55% граждан России являются сторонниками объявленной нелегальной идеологии «социального экстремизма»?

Непонимание того, что, собственно, является «экстремизмом» приводит порой к занимательным коллизиям. Так, М.И. Халиков в статье «Экстремизм (уголовно-правовой аспект)», опубликованной в 2008 году, пришел к выводу о том, что обязательной характеристикой «экстремизма» является его идеологическая мотивированность: «Экстремизм подпитан определенной идеологией, отрицать которую было бы неверно. Определенная идеология – есть мотивация экстремизма как деятельности. В литературе отмечается, что из всех посягательств на правоохраняемые ценности экстремизмом являются лишь идеологически мотивированные действия»⁶. Действующее законодательство, однако, не требует, чтобы для признания той или иной деятельности «экстремистской» в суде была доказана ее идеологическая мотивация. Более того: как отмечается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 года, «Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года предусмотрено, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, вне зависимости от их мотивов [sic!], не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом». Само понятие «идеологически мотивированных действий» не фигурирует в действующем законодательстве.

У.А. Эдильсултанов в статье, озаглавленной «Основные тенденции развития российского законодательства в сфере борьбы с проявлением религиозного экстремизма», пишет о «возникновении нового вида социально опасной деятельности – криминального экстремизма»⁷. Однако российское законодательство в принципе не знает никакого вида «экстремизма», кроме «криминального»!

Е.Н. Плужников в защищенной в 2010 году в Институте социологии РАН диссертации «Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики» пошел в этой смысловой путанице еще дальше, отметив в тезисах своей работы: «Характерной чертой современного экстремизма и, как следствие, терроризма, с которым столкнулась Россия, является слияние этнического экстремизма и криминального терроризма»⁸. Но

возможен ли терроризм, не являющийся криминальным, т.е. преступным?! Что тогда является, по мысли автора, следствием чего и почему?

О том, насколько по большому счету никто не может сказать ничего минимально внятного о взаимосоотнесении понятий «терроризм» и «экстремизм» свидетельствует, в частности, методическое пособие, изданное под грифом главного университета страны – МГУ им. Ломоносова – в 2010 году и озаглавленное «Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма». После многообещающей максимы о том, что «в литературе о терроризме, сообщениях СМИ нередко наряду со словом “терроризм” через запятую употребляются такие понятия, как “экстремизм, радикализм, фундаментализм”, поэтому у людей складывается ошибочное представление о тождественности всех этих терминов, и это затрудняет понимание ими сути терроризма, [так как] на самом деле это разные явления», следует вот такое определение: «Экстремизмом принято считать приверженность отдельных людей к крайним взглядам, чаще всего в области политики. Утверждают, что от экстремизма до терроризма один шаг и что террористами, как правило, становятся люди, склонные к экстремистским методам»⁹.

Это определение порождает массу вопросов: кем принято всё это считать? Какие взгляды считать крайними и кто может быть арбитром в этом вопросе? Кто утверждает, что существует указанная взаимосвязь, «что от экстремизма до терроризма один шаг», и на основании чего? Что такое «экстремистские методы»? Такого понятия вообще нет в действующем законодательстве!

В этом же методическом пособии говорится о «недопущении распространения экстремистского мышления и поведения»¹⁰, и можно только догадываться, как далеко можно пойти, если во имя «святой» борьбы с «экстремизмом» начать контролировать типы мышления и поведения всех граждан страны.

В постановлении Пленума Верховного суда, принятом 28 июня 2011 года, говорится: «В соответствии со статьей 1 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” террористическая деятельность является разновидностью [sic!] экстремистской деятельности (экстремизма)»¹¹. Если терроризм является лишь одной из «разновидностей» «экстремизма», то естественно, что «экстремизм» не обречен «перерождаться» в него. Опять-таки уместно спросить, сколько – хотя бы приблизительно – разновидностей «экстремизма» насчитывают законодатель и Верховный суд и каков конкретный удельный вес терроризма среди них? Если терроризм является лишь одной из «разновидностей» «экстремизма», не является ли заведомой де-

информацией пособие для учащихся, озаглавленное «Экстремизм – идеология и основа терроризма»¹², выпущенное в этом году издательством «Просвещение»?

Е.А. Сазанова в диссертации, озаглавленной «Криминологическая характеристика и предупреждение молодежной преступности экстремистской направленности в РФ», утверждает, что экстремизм предшествует терроризму, но не всегда превращается в него. «Криминальные аспекты молодежного экстремизма в России позволяют утверждать, что экстремизм в ряде случаев перерастает в терроризм. Экстремизм образует «периферийное поле» более опасного преступления – терроризма. Часть экстремистов может прийти к совершению диверсионно-террористических акций»¹³. В каком «в ряде случаев» «экстремизм перерастает в терроризм»? Какая «часть экстремистов может прийти к совершению диверсионно-террористических акций»? Никаких ответов на эти вопросы не дается нигде...

Прокуратура Чувашской республики выпустила в 2009 году брошюру, озаглавленную «Экстремизм – угроза обществу!». Представляется, что в значительно большей мере, чем он представляет угрозу обществу, «экстремизм», с которым власти ведут борьбу, представляет угрозу для них самих. «Экстремисты» борются не с обществом, плоть от плоти которого они являются, «экстремисты» борются с властью, и именно поэтому власти, разгромив очаги независимости в парламентской политике и на телевидении, инициировали «антиэкстремистскую» кампанию. (Представляется очевидным, что ни с какой стороны не борется с обществом, а исключительно с нынешней государственной властью России и запрещенная в 2007 году решением суда как экстремистская организация Национал-большевистская партия.) Власть не столько защищает общество от «экстремистов», сколько использует «антиэкстремистскую» кампанию для защиты себя от общества.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 18 февраля 2010 года, президент Д.А. Медведев отметил, что одной из важнейших задач, стоящих перед органами государственной власти, является «противодействие экстремизму, ликвидация бандитского подполья на Северном Кавказе»¹⁴. В этой связи вспоминаются слова из выступления М.А. Магомедовой из Махачкалы на конференции «Россия и исламский мир», прошедшей в Москве в июне 2010 года: «Сложная социально-экономическая ситуация, низкий уровень жизни, массовая безработица, коррупция на фоне высокой доли молодых людей среди населения региона – все это придает взрывной характер сегодняшней ситуации на Кавказе. Молодые люди, не видя для себя перс-

пектив устроиться на работу, реализовать себя, теряют интерес к учебе, испытывают ненависть к власти. Достаточно обратить внимание на теракты в Дагестане, Чечне, Ингушетии. Несмотря на то что в них гибнут простые граждане, они главным образом направлены именно против силовых структур, властей»¹⁵.

Как справедливо отмечалось в научной литературе, «самое важное превентивное по отношению к молодежному экстремизму решение связано с преодолением молодежной бедности, которая и обеспечивает “статусный провал”, социальное недовольство, а затем продуцирует социальный протест и участие в деятельности экстремистских организаций. Данная проблема выходит за рамки криминологической, в полном смысле является социальной и государственной»¹⁶. В молодежной – и не только молодежной – бедности, в том, что «в обществе нарастает социальная напряженность», виноваты не некие «деструктивные силы»; в этом виновата государственная власть. Эту ответственность и эту взаимосвязь в январе 2010 года признал и В.В. Путин: «Высокий уровень безработицы, конечно, дискредитирует власть, влечет за собой социальную напряженность, создает почву для экстремистских настроений»¹⁷. «Сегодня люди на Северном Кавказе порой просто не могут достучаться до официальных структур, найти понимание и поддержку, часто упираются в стену равнодушия, круговой поруки и мздоимства. В таком отчуждении между властью и обществом кроются известные проблемы с коррупцией, неблагоприятным деловым климатом, распространением идей экстремизма», – отмечал В.В. Путин в июле 2010 года¹⁸. Но вместо того, чтобы решать острые социально-экономические проблемы значительной части населения страны, во-первых, и проблему стены равнодушия, круговой поруки и мздоимства официальных структур, во-вторых, власть ссылается на «деструктивные силы», «мнимых “борцов” за права человека» и других врагов как изнутри, так и извне. Борьба с «экстремистами» – это, в частности, борьба с теми, кто не считает бедность неизбежной в огромной стране, являющейся крупнейшим в мире экспортером углеводородов. Борьба с «экстремистами» – это, в частности, борьба с теми, кто выступает против вопиющей социальной несправедливости. Неспособность властей признать реальный характер и направленность деятельности «экстремистов» и «экстремистских» организаций очевидным образом лишает их возможности адекватного реагирования: подменой понятий реально существующие в обществе проблемы (в частности, ксенофобии, гомофобии, мигрантофобии и других видов ненависти, провоцирующих насилие в отношении невинных граждан) не решить.

Как и кампания по борьбе с малопонятными «безродными космополитами» в период позднего сталинизма, нынешняя борьба с «экстремизмом» способствует нагнетанию изоляционистской истерии, формируя расплывчатый образ внешнего врага, якобы только и думающего, как бы ослабить и развалить Великую Россию. Вот что говорится, например, в книге «Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма», изданной под грифом Московского государственного университета: «Значительную роль в системе факторов формирования террористических угроз для России играет стремление ряда западных и ближневосточных государств к ослаблению Российской Федерации как великой державы, к реализации ряда других стратегических устремлений и навязыванию своих стандартов развития посредством инспирирования (порой через очень сложные механизмы) и поддержки как собственно террористических и иных экстремистских групп и движений в различных регионах страны (материально-технической их поддержки и т.п.), в первую очередь на территории Северного Кавказа, так и связанных с ними процессов роста национализма, религиозного радикализма и сепаратизма. Эта деятельность осуществляется в немалой мере посредством прямого и опосредованного использования спецслужб отдельных зарубежных государств, а также иных связанных с ними государственных учреждений и неправительственных организаций, в том числе экстремистского и террористического характера»¹⁹. Аналогично в диссертации Е.Н. Плужникова, защищенной в Институте социологии РАН, утверждается, будто «основными факторами, канализирующими религиозный экстремизм в политическом плане, являются подрывная деятельность иностранных специальных служб и религиозных экстремистских центров на территории Российской Федерации»²⁰. Ну а коли так, бороться надо не с бедностью и социальной несправедливостью, не с коррупцией и взяточничеством чиновничества, а с иностранными спецслужбами. Осталось непонятным, впрочем, какое отношение вся эта чепуха имеет к социологии как к науке и как за это можно было присуждать ученую степень в профильном научном институте РАН...

Под использование мер пресечения при отсутствии виновного противоправного деяния (!) в контексте борьбы с «экстремизмом» была подведена и теоретическая база. Как отмечается на сайте Федерального Всероссийского НИИ МВД РФ, начиная с 2005 года тема противодействия молодежному экстремизму стала одной из основных в его работе. Выступая 18 июня 2009 года на круглом столе по теме «Противодействие распространению экстремизма» начальник отдела науч-

ной информации института подполковник Е.В. Дорохин отмечал: «Одним из выводов, полученных в результате проведенных Институтом исследований, является положение о том, что меры административного пресечения представляются одним из эффективных средств борьбы с правонарушениями экстремистской направленности, причем некоторые меры административного пресечения могут применяться и при отсутствии виновного противоправного деяния»²¹.

В «борьбу с экстремизмом» втягиваются все новые государственные органы. Так, в Сочи таможенники (!) под предлогом поиска экстремистских материалов скопировали все содержимое ноутбука журналиста Юрия Иващенко, въехавшего из Абхазии. 26 января 2010 года Прикубанский районный суд г. Краснодара отказал в удовлетворении жалобы Ю. Иващенко на действия сочинской таможни.

Если у кого-то еще и оставались сомнения на тему того, зачем властям понадобилась кампания по борьбе с «экстремизмом», то к настоящему моменту они стали совершенно неуместными. В рамках и под прикрытием этой кампании власти выстроили целую систему правовых механизмов, позволяющую им лишить кого угодно целого ряда значимых гражданских и политических прав и свобод. Не наблюдается дефицита юристов, социологов, политологов, религиоведов, философов и других представителей социогуманитарных наук, готовых впрячься в кампанию, призванную создать комплексный механизм по защите власть предержащих от собственного народа – скорее, напротив: возможность заработать свои копейки, чувствуя сопричастность новой «генеральной линии», оказалась для многих квазиученых весьма привлекательной. Голосов, призывающих одуматься и остановиться, прекратив соучаствовать в этом процессе околонучного протистуирования, к сожалению, не слышно совсем.

Примечания

- 1 Цит. по: Заявление В.В. Путина на встрече с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху // Сайт Председателя Правительства РФ, 24 марта 2011 г., <http://premier.gov.ru/events/news/14625/>
- 2 Эти данные были приведены заместителем генпрокурора РФ Александром Буксманом в ходе выступления в рамках «правительственного часа» в Госдуме; цит. по: *Татьяна Каптюшкина*. Рашиду Нургалиеву добавили полномочий // Коммерсантъ. 29 июля 2011 г.

- 3 *М.И. Халиков.* Социальный экстремизм // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. № 3. 2010. С. 106.
- 4 *И.Д. Лопатин.* Экстремизм как социально-политическое явление современного мира: особенности его возникновения и развития в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ярославль, 2007. С. 9.
- 5 Октябрьская революция // Пресс-релиз Аналитического центра Юрия Левады, 1 ноября 2007 г. <http://www.levada.ru/press/2007110104.html>
- 6 *М.И. Халиков.* Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. № 2. 2008. С. 214.
- 7 *У.А. Эдильсултанов.* Основные тенденции развития российского законодательства в сфере борьбы с проявлением религиозного экстремизма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». № 2 [5]. 2009. С. 165.
- 8 *Е.Н. Плужников.* Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук. М., 2010. С. 17.
- 9 Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма // Под ред. Л.Н. Панковой и Ю.В. Таранухи. М.: Университетская книга, 2010. С. 44.
- 10 Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. С. 30.
- 11 Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». С. 9.
- 12 Экстремизм – идеология и основа терроризма, дополнение к курсу «Основы безопасности жизнедеятельности» для 10–11 классов под редакцией А.Т. Смирнова. М.: Просвещение, 2011.
- 13 *Е.А. Сазанова.* Криминологическая характеристика и предупреждение молодежной преступности экстремистской направленности в РФ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2007. С. 10.
- 14 Цит. по: Работу по реформированию МВД президент будет держать под личным контролем // Сайт Президента РФ. 18 февраля 2010 г., <http://kremlin.ru/news/6909>
- 15 *М.А. Магомедова.* Проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде Республики Дагестан. Доклад на конференции «Россия и исламский мир». М., 26–27 июня 2010 г. С. 4.

- 16 *Е.А. Сазанова.* Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. С. 11.
- 17 Цит. по: Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин провел совещание по развитию Северо-Кавказского федерального округа // Сайт Председателя Правительства РФ. 23 февраля 2010 г. <http://premier.gov.ru/events/news/9114/>
- 18 Цит. по: Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин принял участие в межрегиональной конференции партии «Единая Россия» на тему «Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2020 года. Программа на 2010–2012 годы» // Сайт Председателя Правительства РФ. 6 июля 2010 г.: <http://premier.gov.ru/events/news/11301/>
- 19 Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. С. 27.
- 20 *Е.Н. Плужников.* Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики. С. 15.
- 21 Круглый стол в г. Казани. Проблемы молодежного экстремизма // ВНИИ МВД РФ. 18 июня 2009 г.: <http://www.vnii-mvd.ru/news/871>

Четыре шага вперед, четыре шага назад

Принят закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Не знаю, хвалить или ругать инициированные президентом изменения в Уголовный кодекс. Продвигались они под лозунгом либерализации и гуманизации, и в них действительно есть несколько пунктов, способных повлиять на сокращение уголовной репрессии. Есть, как мне кажется, и упущенные возможности, то, что буквально напрашивалось, что соответствовало концепции этой маленькой реформы и было по силам ее авторам. Но есть и «поворот к худшему» – сомнительные новшества, которые приведут к расширению и ужесточению карательной политики.

Начнем, как водится, с хорошего.

1. Отменяется уголовная ответственность за **оскорбление, клевету** (в том числе за клевету в отношении судей, прокуроров и им подобных). Статьи 129, 130 и 298 УК утрачивают силу. Взамен вводится административная ответственность¹.

Отменяется уголовная ответственность за **«простую» контрабанду**, то есть за перемещение через таможенную границу незадекларированных товаров и предметов (кроме спецобъектов, перечисленных

Сокращенный вариант печатался в интернет-ресурсе Грани.Ру (<http://www.grani.ru/blogs/free/entries/193423.html>)

¹ Новые статьи КоАП: 5.60 «Клевета», 5.61 «Оскорбление», 17.16 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава»

ранее в части второй статьи 188 УК, – наркотиков, оружия, стратегических товаров, культурных ценностей). Хотя статья 188 вообще перестает существовать, декриминализация относится только к деяниям, ранее наказуемым по части первой этой статьи. Бывшая часть вторая делится на две новые статьи – 226.1² и 229.1³.

Кроме того, декриминализируются и становятся административными правонарушениями совершенные в не крупном размере: **причинение ущерба путем обмана/злоупотребления доверием** (часть первая статьи 165) и **незаконный оборот драгоценных металлов и камней** (часть первая статьи 191).

Здесь можно заметить, что в правовых системах многих государств нет деления преступлений и правонарушений на уголовно и административно наказуемые. В Великобритании, США, в других странах все вместе, включая нарушения правил дорожного движения, считается уголовным. Но в России различие между УК и КоАП огромно – судимость страшна, как проказа.

Вводится институт освобождения от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях. Впервые привлекаемых по статьям 198 и 199.1 за **неуплату налогов** преследовать по УК не будут при условии полного возмещения ущерба бюджету. За многие другие **экономические преступления**, совершенные впервые, устанавливается откупная цена. Чтобы воспользоваться этой возможностью, человек должен признать свою вину, погасить ущерб, нанесенный гражданину, организации или государству, плюс перечислить в бюджет пятикратный размер ущерба. Как вариант – в зависимости от статьи и ситуации – в бюджет перечисляется полученный в результате совер-

² Ст. 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей».

³ Ст. 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

шения преступления доход в шестикратном размере⁴. Эти новации заслуживают названия революционных. Правда, касаются они только «беловоротничковых» преступлений. Логично было бы предоставить такое же право привлекаемым за кражи и грабежи. Не совсем справедливо и то, что при ущербе, нанесенном гражданину или организации, потерпевшие получают только сумму похищенного, а пятикратное взыскание полностью идет государству. Последнее могло бы и поделиться. Примером может служить УК Киргизской Республики, предусматривающий возмещение в тройном размере, так называемый «тройной айып»: *«две части тройного айыпа взыскивается в пользу потерпевшего в возмещение материального и морального ущерба, третья часть – в пользу государства»*, в денежном или натуральном выражении (украл барана – тащи трех).

По некоторым статьям УК сокращается состав преступления. Происходит это за счет изменения диспозиции (описание преступления становится менее широким или менее расплывчатым) либо за счет сокращения оснований повышенной ответственности. Так, из части третьей статьи 212 «Массовые беспорядки» исключаются **«призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти»**. Наказуемыми остаются только призывы к самим массовым беспорядкам, а равно к насилию над гражданами. Таким образом, перестают быть уголовно наказуемыми призывы не расходиться в ответ на требование полиции «разойтись и не мешать проходу других граждан».

По статье 194 **«Уклонение от уплаты таможенных платежей»** привлечение к ответственности наступает при крупном размере неуплаченной суммы. В прежней редакции таковой составлял свыше 500 тысяч рублей. По новому закону этот порог повышен до миллиона, при взимании неуплаченных платежей с физических лиц, и до двух миллионов – с организаций; а особо крупным размером вместо полутора миллионов рублей признаются теперь три миллиона для граждан и десять миллионов для организаций.

Точно также в статье 293 **«Халатность»** сумма причиненного крупного ущерба, при котором начинается уголовное преследование, увеличивается в 15 раз: было 100 тысяч рублей, стало 1,5 миллиона. Хотя

---

⁴ Это правило относится к деяниям, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст.171, ч. 1 ст. 171.1, ч. 1 ст. 172, ч. 2 ст.176, ст. 177, ч.ч. 1 и 2 ст. 180, ч.ч. 3 и 4 ст. 184, ч. 1 ст. 185, ст. 185.1, ч. 1 ст. 185.2, ст. 185.3, ч. 1 ст. 185.4, ст. 193, ч. 1 ст. 194, ст.ст. 195 – 197 и 199.2 УК.

есть представление о любом смягчении ответственности должностных лиц как о мотивированном шкурными интересами самих властей, полагаю, что и здесь сокращение карательных мер есть благо. Во-первых, халатность не есть мошенничество – не включает умысла на обогащение, а есть «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе». Во-вторых, даже если предполагать скрытый умысел наживы, какой чиновник, если уж он крадет, возьмет меньше полутора миллиона. В-третьих, при развернутой в последние годы охоте на мэров (последних избираемых представителей исполнительной власти на местах) именно халатность легче всего вменить любому городскому главе. Достаточно запросить в «Яндексе» «мэр халатность», чтобы в этом убедиться.

Несколько снижается репрессивность статьи 146 «**Нарушение авторских и смежных прав**», по которой крупный размер контрафакта увеличивается вдвое (с 50 до 100 тысяч), а особо крупный в четыре раза (с 250 тысяч до 1 миллиона). Уголовная ответственность за незаконное использование объектов авторского права наступает, если их стоимость составляет крупный размер. Соответственно, повышается порог уголовной ответственности по одной из самых спорных статей Кодекса.

2. Важные изменения внесены в статью 15 УК «**Категории преступлений**».

Суды наделяются правом при наличии смягчающих обстоятельств и при отсутствииотягающих **изменять категорию преступления на менее тяжкую** – на одну ступень ниже (часть шестая статьи 15). Преступление средней тяжести может быть отнесено к преступлениям небольшой тяжести, тяжкое – признано преступлением средней тяжести, а особо тяжкое – тяжким. Однако применить такую переквалификацию суд вправе только тем, кому за совершение преступления средней тяжести назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, за совершение тяжкого преступления – не превышающее пяти лет, за совершение особо тяжкого преступления – семи лет.

Категория преступления влияет на режим отбывания наказания, сроки УДО и погашения судимости, квалификацию рецидива и другие обстоятельства.

Преступлениями небольшой тяжести становятся деяния, наказуемые до трех лет лишения свободы (было до двух). Хотя почти все содержательные различия между преступлениями небольшой и средней тяжести за последние десять лет стерты, все же есть категория

людей, чье положение в результате повышения планки по небольшой тяжести существенно улучшается. Это лица, признанные невменяемыми в отношении совершенных действий. По статье 443 УПК, если такое лицо привлечено за совершение деяния небольшой тяжести, то принудительное лечение к нему не применяется и его должны просто отпустить на волю.

Из этого, в частности, следует, что признанные невменяемыми обвиняемые в неквалифицированных кражах, мошенничестве⁵, умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью⁶, хранении наркотиков в крупном размере без цели сбыта или сбыте сильнодействующих и ядовитых веществ в небольшом размере⁷ не могут быть направлены на принудительное лечение, а находящиеся на принудительном лечении должны быть освобождены.

Но основное, где повышение небольшой тяжести до трех лет могло бы положительно сработать, так и не попало в закон. Речь идет о заключении под стражу. По части первой статьи 108 УПК *«заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет»*. Теперь, когда небольшую тяжесть составляют преступления, наказуемые до трех лет, правильно было бы поднять и ограничительную планку для взятия под стражу, то есть не лишать до суда свободы обвиняемых в преступлениях небольшой тяжести (наказуемых до трех лет лишения свободы). Нужно бы это сделать и потому, что по всем этим статьям предусмотрены, кроме лишения свободы, и другие, более мягкие наказания. Суд, признавая содержащегося под стражей человека виновным в таком преступлении, фактически лишается возможности назначить ему штраф или обязательные работы.

Это имело бы большое значение для обвиняемых по части первой статьи 228 (хранение наркотиков без цели сбыта), где санкция до трех лет. И именно из-за них – под давлением наркоконтроля – не было поддержано предложение Уполномоченного по правам человека заменить в статье 108 УПК два года на три. Ведь задержанного удобнее склонять к признанию вины и сотрудничеству с органами, угрожая арестом.

⁵ Ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159 УК.

⁶ Ч. 1 ст. 112 УК.

⁷ Ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 234 УК.

3. У суда появляется возможность при назначении наказания по совокупности преступлений (статья 69 УК) определять его путем поглощения более строгим менее строгим не только по преступлениям небольшой и средней тяжести, но и по тяжким и особо тяжким преступлениям при условии, что они являются неоконченными (то есть при их квалификации с применением статьи 30 УК как приготовления или покушения). Это затрагивает почти всех осужденных за распространение наркотиков, которые приговорены за неоконченные преступления, по результатам проверочной закупки – за покушение на сбыт. Такова позиция Верховного суда: действия, завершившиеся изъятием наркотиков из незаконного оборота, являются именно покушением на преступление. Среди осужденных по делам такого рода многим вменено несколько эпизодов, каждый из которых квалифицировался в большинстве случаев как отдельное преступление. Суд обязан был применять в таких случаях полное или частичное сложение санкций. По новому же закону это не обязательно. Тем самым расширяются пределы судейского усмотрения при выборе наказания. И это верно, ибо противостоит попыткам американизировать судопроизводство и в этой части, навязав так называемую гармонизацию санкций, воплощенную в США в виде «Федерального руководства по назначению наказаний». Это руководство предусматривает 43 уровня опасности преступлений и превращает судью в оператора калькулятора, подсчитывающего единственно правильное число месяцев / лет тюрьмы.

4. Ряд поправок направлен на расширение применения мер наказания, не связанных с лишением свободы:

– уплата **штрафа** может быть рассрочена судом на пять лет (вместо трех, как было раньше; статья 46 УК);

– **обязательные работы** могут быть назначены на срок до 480 часов (было 240 часов; статья 49 УК);

– **исправительные работы** могут отбываться как по основному месту работы осужденного, так и в местах, определяемых органами местного самоуправления, если осужденный нигде не работает (ранее это наказание имеющим работу не могло быть назначено; статья 50 УК).

Зачастую суды не решаются прибегнуть к альтернативным наказаниям из-за их трудноисполнимости или, как они полагают, излишней мягкости. Поэтому повышение вариативности наказаний сокращает число заключенных.

В том же ряду – новая редакция статьи 107 УПК о **домашнем аресте**. Порядок избрания, продления, исполнения этой меры пресече-

ния изложен теперь более детально. При наличии современных средств контроля и наблюдения домашний арест становится более дешевым «удовольствием», чем содержание под стражей. Под дверь осужденного вовсе не обязательно должны дежурить два топтуна. Однако производители уголовных дел относятся к домашнему аресту без особых симпатий. Приходится предположить, что не воспрепятствование попыткам скрыться, совершению новых преступлений и давлению на свидетелей, а что-то иное является целью помещения человека в СИЗО.

Увы, на полбочки меда приходится много дегтя. Таковым оказывается на поверку и кое-что из того, что на первый взгляд представляется смягчением закона.

1. Казалось бы, хорошо, что в статье 56 УК устанавливается теперь, что **лишение свободы по преступлениям небольшой тяжести может быть назначено только при наличии отягчающих обстоятельств. Однако из этого правила сделано исключение, относящееся к преступлениям, связанным с наркотиками:** *«Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 настоящего Кодекса, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233».* В новой норме не говорится, конечно, что по этим статьям надо обязательно сажать. Только эта оговорка наверняка приведет к росту числа осужденных за наркотики – наиболее уязвимых жертв уголовной политики. Их и так непомерно много (124 168 человек на конец 2010 года, или 15% от общего числа заключенных), даже несмотря на то, что в последние годы по вышеназванным статьям назначается преимущественно условное наказание или штраф (хотя хранение наркотиков было преступлением средней тяжести).

Теперь же, при небольшой тяжести, приговаривать к лишению свободы за наркотики будут больше, правда, с предоставлением отсрочки до пяти лет изъявившим желание лечиться от наркомании и пройти медико-социальную реабилитацию.

Но **лечение вместо наказания** – насквозь фальшивая альтернатива.

Применительно к реально больным – это ловушка. Существующее лечение неэффективно, реабилитационное пространство не развито. Вряд ли наркоман, прошедший трехнедельный курс в государственном стационаре и медико-социальную реабилитацию неизвестно где,

проснется здоровым и пять лет в состоянии стойкой ремиссии не прикоснется даже к пиву. Устойчивая ремиссия среди пациентов, получивших курс лечения в наркологических клиниках, не превышает 2%⁸. Получается, что тех, кого не смогли вылечить, должны будут, по новому закону, сажать. Оснований для этого заготовлено достаточно: «*Осужденный считается уклоняющимся от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации, если он, не отказавшись от их прохождения, не посещает или самовольно покинул лечебное учреждение и (или) учреждение медико-социальной реабилитации, либо два раза не выполнил предписания лечащего врача, либо продолжает употреблять наркотические средства или психотропные вещества, систематически употреблять спиртные напитки, одурманивающие вещества, занимается бродяжничеством или попрошайничеством, либо скрылся от контроля уголовно-исполнительной инспекции и его место нахождения не установлено в течение более 30 суток*» (статья 178.1 УИК).

Таким образом, основаниями отмены отсрочки и направления для отбывания наказания в колонию будут являться не только рецидивы наркомании, но и систематическое употребление спиртных напитков, бродяжничество и попрошайничество. Хотя ни пьянство, ни бродяжничество с попрошайничеством не являются правонарушениями. Человека, соскочившего с наркотиков, станут сажать за то, что он пьет пиво.

Еще хуже становится положение привлеченных к ответственности, но не нуждающихся в лечении – употребляющих производные конопли или амфетамины эпизодически, ситуационно, а то и впервые. Именно они, а вовсе не больные опийной наркоманией, составляют большинство среди привлекаемых по части первой статьи 228. По сути, лечить их не от чего. Значит, будут сажать.

То, что «лечение вместо наказания» приведет не к увеличению числа вылеченных, но – наказанных, ясно и из того, что открытием новых больниц, реабилитационных центров, повышением бюджета наркологии никто не озабочен. Правда, система наркологической помощи такова, что финансировать ее – грех. Реабилитацией же готов заниматься сам наркоконтроль, по методике «Города без наркотиков». Навер-

⁸ «Из порядка одного миллиона обратившихся в государственные и частные наркологические центры лишь два процента вышли на устойчивую ремиссию. Более того, согласно клинической статистике практически каждый из этого миллиона ежегодно госпитализировался 5–6 раз» (из выступления директора ФСКН Виктора Иванова 30 ноября 2011 года в Санкт-Петербурге, опубликовано на официальном сайте ФСКН www.fskn.gov.ru).

ное, по версии ФСКН, реабилитацией является «добровольное сотрудничество».

2. Не вызывает восторга и появление нового наказания – принудительных работ как альтернативы лишению свободы, если по приговору суда оно не превышает пяти лет⁹. **Принудительные работы** добавлены в санкции примерно 2/3 статей Кодекса, от чего закон приобрел довольно пухлый вид. Да, это не есть лишение свободы. Но неизвестно, что хуже: два года в колонии-поселении или два года на вредном производстве с помещением в карцер за отказ от работы.

Похоже, ФСИН всерьез взялся за восстановление традиционного для нашего государства каторжно-лагерного производства. Показательно, что тюремное ведомство вот уже десять лет саботирует введение наказания в виде ареста, появление которого, согласно закону 1996 года о введении в действие УК, должно было произойти не позднее 2001 года; затем, когда 2001 год миновал, – не позднее 2006 года. Более срок вступления в силу положений УК и УИК об аресте не продлевался. Соответствующие статьи формально считаются действующими. Правда, для их активизации должен быть принят отдельный федеральный закон. Правительство таковой не вносит. Нормы об аресте остаются спящими.

По статье 54 УК арест заключается в содержании осужденного в арестном доме в условиях строгой изоляции сроком от одного до шести месяцев – без свиданий (за исключением свиданий с адвокатом), посылок и передач, без права на УДО. Это жесткое, но короткое наказание не дает тюремной администрации никаких поводов для манипуляций и коррупции. Принудительные же работы – настоящий подарок тюремщикам, от которых там будет зависеть все, вплоть до разрешения осужденным проживать вне исправительного центра – дома, с семьей.

3. С заменой уголовного наказания за клевету и оскорбление административным появилась административная ответственность должностных и юридических лиц за «непринятие мер к недопущению» этих действий (статьи 5.60, 5.61 КоАП). Что означает очередное усиление цензурного давления на СМИ путем культивирования в них инстинкта самоцензуры. Не исключено применение этих статей и к сетевым администраторам за неудаление клеветнического и оскорбительного контента.

⁹ Ст. 53.1 УК, ст. ст. 60.1 – 60.21 УИК.

4. Изменения антинаркотических статей УК оставляют впечатление незаконченности. Заметных поправок в них не внесено. Не предусмотрена по этим статьям и замена лишения свободы принудительными работами.

Однако это не относится к новой статье 229.1 УК о контрабанде наркотиков и всего с ними связанного, включая аналоги и прекурсоры. Здесь либерализация двигает желваками. То, что в прежней контрабандной статье 188 наказывалось от 3 до 7 лет, развернуто теперь цепочкой отягчающих признаков, вплоть до лишения свободы за особо крупный размер в пределах от 15 до 20 лет.

Из последнего следует, что именно такой срок полагается получить, например, за заказ на заграничном сайте курительных смесей типа «спайс» весом более 0,05 грамма (таков сейчас особо крупный размер для синтетического каннабиноида JWH-018, при этом размер определяется с учетом иных компонентов смеси). Так называемые «легальные» смеси почти всегда квалифицируются следствием как аналоги и производные, по той же статье.

За последние два года курительные смеси превратились в средство массовых посадок. На сайт правовых консультаций по делам, связанным с наркотиками¹⁰, по этому поводу приходят сотни обращений. Обычная схема такова: человек заказывает в Интернете неизвестно из какой страны несколько граммов, товар преподносится там как легальный, вывешен некий сертификат. Заказ меньше грамма, судя по объявлениям на сайтах, не принимают. То есть в любом случае контрабанда осуществляется в особо крупном размере. На почте экспериментаторов встречают люди в штатском. Сажают за это и по прежней статье 188 сверх всякой меры (от 3 до 7 лет). Теперь же, по закону о «либерализации» – минимум 15 лет. Для сравнения: за убийство двух и более лиц – минимум 8 лет.

Звучит ведь угрожающе: «контрабанда наркотиков». А выходит, в основном – глупые пацаны, не ведающие даже, что занимаются контрабандой и что это запрещенное вещество.

Взирая на это нововведение, сомнения – хвалить или ругать новый закон переживаются особенно остро.

Не «кивалы», а заседатели

Я попала. Сначала в компьютерную выборку. А потом (года через два) – на отбор. И в коллегии присяжных.

Так что новый опыт мне обеспечил компьютер, ему – особое спасибо.

В некотором смысле слова опыт оказался беспримесно чистый: дело было несложное, связанное с квартирными махинациями и – в отношении подсудимых, а не в целом – неплохо расследованное. Явно никто тут ни на кого не давил, у подсудимых никакой лапы не было, никто никому не угрожал и никого не запугивал. Так что – суд присяжных в самом дистиллированном виде. Правда, с той степенью возгонки, которая только возможна в нашей реальности (то есть без примесей, и весьма ядовитых, не обошлось).

Главный конфликт для нашей коллегии – это конфликт между разумом и чувством. (Сразу скажу: в нашем случае разум победил со счетом семь к пяти. То есть перевес разума был далеко небогоговорочный.) Конфликт этот начинает развиваться почти сразу же, задавить его в себе трудно, так как тебе же вроде бы надо понять, что произошло на самом деле. Нас долго наставляли, что наша обязанность – только оценивать представленные прокуратурой и защитой доказательства и только в отношении подсудимых. Однако, когда понимаешь, что в махинации было вовлечено гораздо большее количество людей, чем троица в аквариуме, хочешь не хочешь, а возмущаешься. Почему явная наводчица выступает в роли свидетеля? Где две паспортистки, которые незаконно ставили штампы о снятии с регистрации и о регистрации? Где таинственный человек в милицейской форме, который просил пострадавшего «проследовать в отделение для опознания»? Почему риелтор, явно вовлеченный во все представленные на суде эпизоды, дает всего лишь свидетельские показания?

Со всем этим довольно трудно смириться, у каждого мозги чешутся дорасследовать до конца эту гнусную аферу. Тут хочется порадовать: все тринадцать присяжных (один запасной), несмотря на явную разницу в социально-материально-образовательном уровне, одинаково понимали разницу между добром и злом. Хотя двое из пострадавших были довольно опустившиеся алкаши, а третий (работающий трезвенник) удивлял нас несказанно своей полной покорностью любым неблагоприятным обстоятельствам, все тринадцать были категорически против отъема законной собственности даже у таких незадачливых собственников. А ведь могли бы попасться мне в коллеги и «жесткие дарвинисты»... Так что по поводу гнусности аферы расхождений у нас не было.

Следовательский дух мы постоянно друг в друге давили, но додаться до конца так и не сумели. И провоцировала нас на это недорасследованность дела в полном объеме (к вопросу о степени возгонки). К тому же в «недорасследованные» попали люди, обладающие пусть мелкой, но бюрократической властью, те же паспортистки, нотариус, «неустановленное лицо» в милицейской форме... Не только они, но ведь и они тоже.

Тут маленькое отступление, но, кажется, к месту. Наш пострадавший «непротивленец злу» имел несколько возможностей обратиться в правоохранительные органы, причем великолепных. Например: его друг с трудом (преодолев внутримилицейский приказ не брать заявлений о розыске от людей, не состоящих в родстве с пропавшим) добился объявления его в розыск, и мошенники возили его к следователю, чтобы бедняга там заявил, что пропал он по собственной воле и что квартиру продает тоже по своему хотению. В кабинет к следователям мошенники его не сопровождали, в кабинете кроме следователя были другие люди, следователь настойчиво расспрашивал его обо всех обстоятельствах. Казалось бы, повезло как в сказке. Нет, он, человек, которого похитили, угрожали убить, если не продаст жилье, испугался милицейских, потому что его похищали с помощью человека в милицейской форме и он был уверен, что все они заодно. Он даже не попросил возможности позвонить своему другу...

Так что этот конфликт между разумом и чувством был вполне оправданным, но заданными условиями (ролью присяжного) ему было суждено остаться внутренним и никак не проявленным за стенами нашей, действительно отдельной комнаты.

Кстати, в суд это дело попало тоже не благодаря правоохранителям, а благодаря одному из пострадавших – сильно пьющему, хромому художнику, у которого хватило духу сбежать и пойти-таки в милицию.

А вот второй конфликт разума и чувства отразился уже в самом вердикте. Вопросный лист (о нем подробнее в конце, в абзаце о российских примесях в дистиллированном процессе) состоял из множества вопросов, которые делились на два типа. Первый: доказано ли, что такое-то событие имело место? Второй: доказано ли, что имярек совершил то-то и то-то? Вопросы первого типа споров не вызвали, в этом отношении все было как на ладони. А вот при голосовании по вопросам «доказано ли, что виновен» начались настоящие разногласия. Здесь-то чувство и уступило разуму со счетом 5:7. Пятеро из нас, справедливо, на мой взгляд, решив, что все трое подсудимых – гады и сволочи, решили, что не важно, принимал ли каждый из сволочей участие в том или ином эпизоде, совершал ли то или иное действие. Все они – виновны, и разницы между ними нет никакой. Разница, разумеется, была, доказывать равную ответственность всех обвинение и не пыталось, да это и было бы невозможно. Разного калибра были наши гады. Но пятеро из присяжных упорно голосовали сердцем. «Но ведь этого второй гад не мог сделать, его там вообще в тот момент не было, не доказано это!» – «Пусть не доказано, все равно – гад!»

Споры, конечно, были куда пространнее, но суть их вполне укладывается в эти две фразы. Призывы к логике («Нас же спрашивают, доказано ли?») успеха не имели никакого. Очень это было для меня печально. Хотя и не ново. Почему-то считается, что в школе логическое мышление должна прививать математика. Должна, наверное, но она этого не знает. Надо бы найти какой-нибудь менее отвлеченный предмет, который обучал бы делать приложимые к жизни выводы из осязаемых неабстрактным умом посылок. Слишком уж часто, слишком уж многое делается сердцем, чувством, верой и надеждой в тех сферах, где нужна кора, а не подкорка.

Пожалуй, это самый грустный вывод из этого конкретного моего опыта.

Есть еще довольно много мелких шероховатостей в организации самого процесса. Некоторые неизбежны по неопытности и по какой-то неизбывной психологии бедности, которая не позволяет сделать все удобно и разумно. Или это надежда на то, что все эти присяжные игры начальства ненадолго? Вполне даже не бедное здание Мосгорсуда не предполагает отдельного входа для присяжных. Увидев прокурора/адвоката в прибывшем на вызов лифте, присяжный шарахается от них как черт от ладана. На обед секретарь водит стадом, стадом же доводит до охраны на выходе, после чего все становятся свободны и

могут общаться (например, выслушивать угрозы, уговоры, предложения взятки) с любым, кто того пожелает. И так далее.

Но все это ерунда по сравнению с вопросным листом. Придумывая эту форму, не употребляли ни кору, ни подкорку. Скажем, в вопросе перечислено пять действий, все через запятую. Совершение трех из них доказано, двух – нет. На единственной строчке старшина должен написать довольно длинный текст, описывающий решение коллегии, причем написать по строго определенной форме. Форма эта доносится устно, никаких образцов не имеется. Малейшее отклонение означает возвращение в совещательную комнату, исправление все в том же тесном пробеле. Двенадцать взрослых людей выслушивают замечание, встают, выходят из зала, закрываются в совещательной комнате, вносят исправления, снова выходят в зал, занимают свои места – до следующего замечания. А в нашем случае было тридцать шесть вопросов.

Не только мне это кажется неуважением. А всего-то и надо: не жалеть бумагу, напечатать деяния в столбик и поставить квадратики для результатов голосования. Наверняка можно и по-другому, но ведь подумать надо о том человеке, который будет это заполнять, понять логику этого процесса. Кору употребить.

Александр Август

Инсулиновая палата

– Подъем! – орет дежурный санитар и стучит алюминиевой кружкой в пустую кастрюлю. – Поднимаемся, поднимаемся! – Расталкивает он ногами всех по очереди.

Где-то на коридоре уже орет радио, гремят бачками, и в палату проникает запах каши. Дурдомовское утро в любом дурдоме похоже, и в инсулиновой палате тоже – там всегда сонное царство.

– Инсулиновым не жрать! – напоминает всем появившаяся в дверном проеме рожа Черта. Черт из пациентов, из палаты для obsługi, работает баландером. Он добровольный помощник санитаров во всех их акциях – бить кого-то, вязать или «слить информацию» в кабинет – на это он мастер.

– Исчезни! – приказывает ему санитар и лезет под подушку к Славе, молодому мужику лет тридцати.

На дурку Слава доставлен за нарушение паспортного режима. Скромный российский бомж. Случись в его судьбе все по-другому и попади он не на спец, а в зал суда как обыкновенный зэк, отмерили бы ему пару лет за все его грехи.

Бомжами все становятся по-разному. Обычная история: было время, жил Слава в двухкомнатной квартире, оставленной ему предками, и даже не понимал своего счастья. Хотелось как всегда, как всем – большего. Хотелось жизнью наслаждаться. Наслаждался. Пил, гулял. Не работал. Коммунальные долги росли. Пока однажды не потребовали вернуть все это. От таких требований, конечно, желание пить совсем не пропало. Даже наоборот. От безысходности, от невозможности достать такую сумму ушел в страшный загул. И тут добрые дяди подвернулись. Долги заплатили, но Славу выселили на окраину города, в брошенный барак. Но и там, как это не смешно, требовали такую же квартплату. А за что? Туалет – на улице, отопление – печное. За водой

нужно было ходить на колонку. Грязь, мыши, крысы, тараканы. С тараканами Слава разобрался в первую же зиму – они просто вымерзли, не адаптировавшись к температурным условиям: дров не было до середины марта. А крыс и мышей принялась истреблять собака, которую он завел для охраны. Через год попросили и из барака. Но уже на улицу. Вместе с имуществом терял он и уважение к закону, потому что как ни был пьян, а видел, что стоят за всем этим менты, участковые, да иные государственные чиновники.

Поэтому, оказавшись на улице, особо не стеснялся: просто нарушать паспортный режим казалось ему скучным, и время от времени он делал ночные набеги на привокзальные ларьки, на чем в конце концов и попался. Потом тюрьма, экспертиза, дурдом и спецбольница, где на нем начали подбирать и проверять все по порядку: аминазин, трифтазин, азалептин, галоперидол.

На инсулин Славу определили после того, как, работая на ремонте отделения в качестве маляра, он приготовил себе какой-то «коктейль» из растворителей. Был пьян, но немножко перебрал – откачивать его утащили на хирургическое.

В инсулиновой Слава сразу скорешился с Шумахером, у них много общих тем, непонятных для других обитателей палаты. Мнения Шумахера и Славы резко расходятся, когда речь заходит о вкусовых качествах самогона и тройного одеколона. Иногда Слава выдвигает версию, что «Шипр», наверное, даже приятнее. Во всяком случае, предъясняет он самый веский аргумент, если его пить не с водой, а с колой, «он идет легче». И утром «нет такого бодуна».

Как-то раз, под инсулином, когда он ничего не соображал, Слава принялся орать на всю палату, чтоб ему оставили пару глотков «тормозухи».

Официального приговора на руках, у него, конечно, нет, но все знают, что свободы ему не видать как своих ушей – в лучшем случае его отправят в вольную дурку, а оттуда в интернат. Бомжей отправляют либо в трупную, либо в хроники.

Слава большой любитель пожрать, спрятавшись под одеялом, и его не останавливают никакие запреты и наказания. У него хорошо тренированный желудок, и жрать он может то, от чего у нормального гражданина давным-давно образовалась бы язва: уничтожить всухомятку буханку черного хлеба ему ничего не стоит.

То, что он определен на инсулин, его даже радует – такой возможности пожрать больше не будет.

Он, наверное, единственный в палате, кто не боится комы и предкомового состояния, и признался как-то, что даже рад «поторчать» немного. Для него это не кома, а «приход», ну, когда «цапануло». Он долго, несколько вечеров подряд, развивал свою мысль, убеждая обитателей палаты, что если чего-то перебрать, «Шипра», например, или «Красную шапочку», то тоже будет кома. Только хуже – после инсулина жрать лишь хочется да спать, а там еще тебя и почистит хорошо. Даже Шумахер не понимает такого «кайфа» – он всегда со страхом ждет, «когда вырубаться начнешь».

– Загасил уже? – спрашивает санитар. – Или все спорол? – глаза его смотрят на Славу зло и настороженно. Если тот что-то втихаря сожрал и это выяснится, неприятности в первую очередь будут у санитаров: почему не уследили? А как тут уследишь? Инсулиновые жрать готовы круглосуточно! Им только дай что-нибудь спрятать с обеда или с ужина!

Поэтому он особо не настаивает на «чистосердечном признании»: главное, чтоб все тихо. В конце концов, за любовь пожрать удар на себя примет обжора – после укола инсулина у него не будет полной комы, и шок не зачитают. А это значит, все «лечение» затянется как минимум еще на один укол инсулина. А Славе, как он сам об этом сказал, «все по барабану – пусть продлят, даже лучше!».

– Не-е-е, – тянет Слава: не совсем же он дурак. Только сознайся!

– Я последний раз вчера в ужин ел.

У санитаров, как и у ментов, – они тебе все пообещают, ты только напиши явку с повинной.

Но Слава – третий калач: если сознаться, себе встанет дороже – в ночную смену санитары отбучкают. Со жратвой прессовать начнут – каждый кусок как в бухгалтерии получать будешь: сначала съешь то, что взял, а потом еще бери! Или во время шока издеваться начнут. И помнить не будешь! А не сознаться – так вообще ничего не будет.

Санитар шарит у него по карманам в поисках съестного, переворачивает и скидывает матрац на пол. Слава не возмущается и не протестует. Обычно «правами человека» в дурке интересуются новобранцы. Они же и качают права. Старики со всем согласны, всем довольны и не протестуют против произвола. Их больше интересует возможность «ускользнуть от лечебного процесса».

– Смотри! – угрожающе говорит санитар и лезет под подушку к его соседу.

Слава пыхтит и молча закидывает матрац на кровать.

Сегодня понедельник: выходные дни в инсулиновой палате всегда заканчиваются вечерним и утренним шмоном.

– Придержи дверь, – просит санитар медсестра Клавдия Сергеевна.

Это и есть основное внешнее отличие спеца от обыкновенного сумасшедшего дома: в обыкновенной дурке дверей нет, они лишь на входе и во врачебном кабинете, а тут – повсюду и обязательно железные.

Санитар, сидящий у входа, подпирает дверь стулом и пропускает медсестру в палату с каталкой, в народе называемой «катафалк». Клава – хорошая медсестра, еще не испорченная вседозволенностью дурки. Она работает тут чуть меньше года, и для нее пациент пока остается человеком, которого, как она искренне считает, она лечит. Все решится через год-полтора: если она уволится – значит, сама человеком осталась и не может участвовать во всем этом. А если останется, то постепенно начнет меняться и звереть, и неизвестно еще, какой она будет лет через пять. Сюда ее перетащили из какой-то обыкновенной больницы, то ли с терапии, то ли с хирургии, соблазнив хорошей зарплатой и льготами: почти двухмесячный отпуск и пятьдесят процентов надбавок. Где еще так хорошо зарабатывают? К тому же, если дурдомовскую службу время от времени не перемешивать с настоящими медработниками, сами они перестают быть таковыми.

Клава ставит каталку под наблюдение санитаря и обходит палату.

На каталке берут все необходимое для инсулина. И все необходимое после него: шприцы, глюкозу, сердечные препараты и все, без чего пациент может запросто кони двинуть во время «процедуры». Или после нее. Не окажется в нужный момент под рукой сердечных препаратов или нужного количества глюкозы – и привет, считай, что вылечили. Врачебная помощь больше не понадобится. Инсулин – штука коварная.

По инструкции все это должно быть подписано и лежать рядом, в палате, чтоб не бегать и не искать, когда оно понадобится. Но где в дурдоме можно найти недоступное для пациента место? Только в процедурке. По другой-то инструкции все медикаменты должны находиться именно там и обязательно закрытыми на замок, чтоб до них нелегко было добраться!

Обычно дозу начинают с четырех-пяти единиц и постепенно увеличивают, пока пациент «не начинает вырубаться» – сознание терять. Он орет, кричит, куда-то рвется. Потом теряет сознание – кома. В этот момент мозг его задыхается и медленно умирает без глюкозы. Из этого предсмертного состояния его вытаскивают уколом глюкозы в вену. В сознание возвращаются тяжело: также орут, также кидаются и рвут-

ся. Как только в себя пришел – сразу сладкий чай заставляют пить. И если запоздать с глюкозой, медсестра промахнется или не сможет в вену попасть быстро, у пациента возникает проблема – человек частично выйдет из комы. Частично выйти – это значит: «вошел туда нормальным, а вышел дураком». Мозг без глюкозы умер. Или вообще не выйти. Тогда, можно сказать, повезло – просто кони двинет. И сладким чаем тут не поможешь: человек-то без сознания, в коме, и пить самостоятельно не может – чай в этом случае вливают через зонд. Но глюкоза через зонд – это потерянное время. Счет идет на минуты, а может, и на секунды.

И если постовой медсестрой может быть даже пациентка с женского отделения, то в инсулиновые берут профессионалов – она в вену должна попадать с ходу, с первого раза, как бы пациент ни дергался и ни рвался. Но кома может и вернуться внезапно. Когда ее совсем не ждут – где-нибудь во второй половине дня, когда все расслабились. Или даже ночью. И если этого не заметят вовремя – человек обязательно погибнет. Для этого за инсулиновыми ведется круглосуточный надзор. Во всяком случае, так считается, что этот надзор в их же интересах.

Раньше для этого дела всех, словно небольшое стадо свиней, гнали в процедурку, и там, построив в очередь, вводили инсулин. Потом дружно толпой вели назад и привязывали. Пока однажды по дороге кто-то не вскрылся стеклом от коридорного окна. И непонятно было, что это – то ли протест, то ли инсулин виноват: так же орал, как невменяемый, дрался и куда-то бежать хотел.

С тех пор все делают на месте, не выводя никого из палаты. До этого случая у инсулиновых жизнь была как в сказке – водили на свидание, иногда на прогулку со своим санитаром, в душевую – свободно, когда захотел, жрать, понятно, сколько захочешь, а после все перекрыли – ни прогулок, ни свиданий, ни в душ сходить. Хотя из всех «активных» инсулинники самые нормальные. Даже больше того – сытые и даже отожравшиеся. Чего бы таких-то на свидании-то родным не показывать? А вот увидела бы какая-нибудь мама свое чадо сразу после ЭСТ или атропина – ее б саму кондрашка хватила бы!

Но теперь выводить куда-либо инсулиновых боятся: а вдруг где-нибудь на свиданке повторный шок произойдет?!

– Всем по местам разойтись! Легли на койки!

Чтобы не рисковать и не бегать потом по отделению за пациентом в предшоковом состоянии, всех аккуратно пакуют в жгуты. Так, связанными, лежать придется несколько часов. Связывают даже тех, у кого первый укол и комы никак не должно быть. А мало ли? Кома у всех развива-

ется по-разному, и если кто-то перед ней «сорвется», связать его силами двух санитаров будет трудно – у человека нет ни страха, ни боли...

Когда связывают новичка первый раз, он видит все от начала до конца, в подробностях. Санитары называют это «хроника перед сеансом». Веселая хроника, ничего не скажешь, – смотреть как пять человек сходят с ума, а затем их возвращают в мир нормальных.

Последним привязывают Митрофана Никаноровича. Перед тем как сунуть правую руку в петлю, подставленную санитаром, он несколько раз крестится и бубнит молитву. Санитар не мешает и не орет на него, только хмыкает.

Процедура начинается.

Первому вводят инсулин Митрофану Никаноровичу. В палате его зовут Старовером. Он все так же бубнит себе под нос молитву и не открывает глаза. Вырубается он всегда спокойно и без истерик, как другие: никуда не рвется, не бежит и не матерится, хотя санитары его на маты провоцируют. Лишь иногда, в самом начале, когда входит в это состояние, что-то орет из Библии, потом лицо его расслабляется и утрачивает всякую выразительность, и он «уходит».

Митрофан Никанорович в дурке парится уже лет пять за создание какой-то религиозной группы. Его, по сути, ведут не врачи, а другие «органы»: врачи предлагали ему выписку, если он вслух откажется от своей секты. Но он, как баран, уперся, и потому сначала на нем всю аптеку перепробовали, а потом принялись «лечить активно», начиная с инсулина. Когда закончится курс электросудорожной терапии, вера в Бога уйдет из его головы вместе с сознанием.

Бывший учитель истории и рисования Сергей Михалыч лежит у окна, не реагируя на события никак. Он настолько спокоен и интеллигентен, что к нему не пристают никакие кликухи. Его зовут либо по отчеству, либо Учитель.

Учитель тоже лежит с закрытыми глазами и думает о чем-то своем, не реагируя даже на маты санитаров и «феню». Вообще-то Сергей Михалыч любит воспитывать тех, кто засоряет русский язык. Но делать замечания санитарам он боится, после того как однажды они его поставили в угол на колени – «за плохое поведение». Заставив его стоять в углу с ужина до отбоя, они часам к одиннадцати собрали «педагогическую комиссию из трех санитаров», которая постановила освободить его от наказания, так как он «исправился». Теперь на любые выступления санитаров он не реагирует никак – молчит и думает о своем.

Лицо его оживляется только во время игры в шахматы или при решении шахматных задач – тогда оно светится. Найти достойных противников в больнице ему очень сложно.

Как растрепал старший санитар, посадить Учителя за то, что он неправильно рассказывал об истории, было стремно, поэтому его в дурку отправили «лечиться». На спецбольнице много таких, кого открытым судом судить боятся. Их прячут не в зону и не в обыкновенную дурку – там не спрячешь, а на спецдурку: там их не найдут и не увидят никакие корреспонденты и правозащитники. Они не политические – таких сейчас не бывает, но и не уголовники, – они просто *неудобные*.

Путь свой в дурке Сергей Михалыч начал, как все, с нейролептиков – подбирали, что больше всего ему подходит, после чего он может изменить свой взгляд на историю и власть. Так и не придя к единому мнению, решили, что электричество все внутри у него изменит. А как альтернатива этому варианту – инсулин.

– Ты понимаешь, – гундосил ему лечащий врач Олег Борисович на беседе в кабинете. – Инсулиновая терапия – процедура не из дешевых. Вот ты посмотри на все это и посчитай: вам нужна отдельная палата, нужен хорошо обученный этому делу персонал: простую медсестру к инсулиновым направить нельзя. А вами две медсестры занимаются, не считая дежурной. Даже инсулинового санитаря нужно обучать – первого попавшегося там не оставишь. Вас даже кормить нужно не так, как прочих. А? Но больница идет на все эти расходы. И делает это лишь ради пациентов. Я не должен это говорить пациенту, но инсулин оставляет гораздо меньше неприятных последствий, чем, например, ЭСТ. Значит, в том, что тебе проведут инсулин, есть какой-то резон. С экономической точки зрения гораздо удобнее сделать ЭСТ – та же кома, тот же результат. Но затраты несопоставимы. Не думал об этом? Но решено делать-то тебе инсулин. Я лично об этом на ВКК ходатайствовал. Почему, не понимаешь?

– Нет..

– Поймешь-поймешь. Когда проведут весь курс полностью – поймешь.

Олег Борисович любит пообщаться с умным пациентом – не так часто можно встретить такого в дурке. Да их и на свободе вообще-то не очень много. В знак особого расположения к Михалычу он беседует с ним всегда один на один, а не с санитаром, как положено по инструкции. Иногда их беседы затягиваются на час-два.

– Ну вот ты мне скажи, – пристает он к нему с одним и тем же вопросом, – зачем тебе это было нужно – рассказывать детям такое? Тем более что это вовсе не секрет – все знают.

– Если все знают, почему рассказывать об этом было нельзя? И почему того, кто рассказывает, в дурдом прячут?

– Все нормальные об этом знают молча. Потому живут дома спокойно и сумасшедшими их не признают. А очень говорливых лечить нужно.

– Юридические коллизии всем мешают работать. Вам тоже.

– ???

– С одной стороны, я нормальный, по фактам, потому что рассказываю очевидное, ну, то, что всем и всему миру известно. С другой, по документам, именно поэтому я больной и меня нужно лечить.

– Ай, ну тебя с твоими заумными речами, – начинает злиться Олег Борисович. – Иди-ка ты лучше в палату, – и вызывает звонком санитаря.

Положение у Сергея Михалыча незавидное, вступить за него некому: на спеце все принудительно, а родственникам не пожалуешься – им далеко и дорого его посещать.

Клава колет инсулином всех по порядку, передвигаясь по кругу.

Рядом с Михалычем лежит Ваня-Шумахер. По профессии Ваня механизатор, но на свободе он очень любил вмазать, и его отлучили от техники. Запой у него мог продолжаться месяц, а то и два, и заканчивался лишь в том случае, «когда наступала полная засуха» и дома нельзя было обнаружить ни одеколону, ни шампуня. Когда полностью прекращались финансовые кредиты. Обычно Ваня терпел какое-то время, ругаясь с женой и близкими, постепенно приходя в норму. Выживался месяц, параллельно готовясь к следующему запою: ставил бражку, готовил самогонный аппарат. До готового продукта брага, как правило, не успевала выходиться. Начинался запой всегда с дегустации. Потеряв вкусовые ощущения, Ваня никак не мог точно определить – когда настанет долгожданный миг самогонварения. Дальше, выцедив весь бидон браги и оставшись без сырья, он принимался за старое и искал спиртное привычными способами.

Однажды он загулял у родной сестры в соседней деревне. Не найдя там достойных собеседников, понимающих его проблемы, он решил «сгонять домой», пообщаться с тамошними алкашами, а заодно и навестить родных. Пешком ходить он не привык, поэтому сел на мопед племянника и поехал. Оказавшись в канаве сразу после поворота, он бросил разбитый мопед – это не техника!

И, долго не думая, пересел в первую попавшуюся машину и поехал дальше. Машина была хорошая, с музыкой, мостовая и пейзаж тоже. В дороге Ваня часто утолял жажду прихваченным у сестры самогоном.

Пока это была так называемая «дорога с твердым покрытием» все было о'кей: по пути Ваня задавил лишь пару кур и сбил одну-единственную козу. Но когда он свернул на грунтовку, к родному дому, машина, словно сумасшедшая, сама ринулась в кювет и утонула в нем. Кое-как выбравшись оттуда и даже не осмотрев место аварии, он уже на автопилоте двинулся дальше. Но для пешехода российская дорога тоже не мед. Поэтому, когда ему попался оставленный дорожниками бульдозер, Ваня долго не размышлял, а, немного повозившись с ним, пересел в него. Он легко, словно на танке преодолел кювет, кладбищенский забор и все, что за ним находилось, и напрямик, через кустарник и картофельное поле, направился домой. Уже въехав в родную деревню, он не рассчитал ширину дороги и, проехав сквозь курятник соседа, задел ножом угол деревенского магазина.

Дома он заглушил трактор, догналса самогоном и ушел в полнейший загул, отрубившись полностью только ночью. Неизвестно, чем бы все кончилось, если б эту пьянку утром не прервали менты, явившись за трактором по следу.

Сначала они его хорошо побуцкали, потом отвезли в райцентр и поселили в КПЗ.

Когда его, сонного, с разбитой и поцарапанной харей, вызвали к следователю для дачи показаний, Ваня отрицал все – и поездку на машине, и бульдозер. Память его сохранила только первую часть пути и разбитый мопед.

Сначала менты смеялись, пытаься его урезонить по-мирному, и предлагали даже «написать явку с повинной» и сознаться, что он таким способом хотел «проникнуть в магазин и обворовать его», – факты-то были все налицо: следы гусеничного трактора через всю деревню вели к его дому, а отпечатки его пальцев – и в тракторе, и в машине. Но Ваня ничего не помнил, «а сидеть за кого-то он не хотел». Тем более за магазин. И даже под сапогами ментов орал, что не угонял бульдозер! И не лез в магазин!

А тут еще односельчане принялись штурмовать здание КПЗ и требовали выдать его на расправу – после Ваниной поездки деревенское кладбище перестало существовать: он не сумел вовремя поднять нож бульдозера...

Вся эта история грозила кончиться плохо: может, и забили бы его менты до смерти, за то, что не сознавался, или односельчане прорва-

лись бы сквозь кордоны, но через пару дней при полном отсутствии самогона начались у Вани глюки и был он отправлен на экспертизу в дурку. Об этом случае в одном из фельетонов рассказывала районная газета. Из КПЗ Ваню увозили уже знаменитым Шумахером.

Так и прилипла к нему эта кличка.

В дурке Шумахера сняли с белого коня, дали диагноз и оставили у себя, в областной психушке, на принудку.

И кончилось бы все хорошо, как в сказке, но машина, на которой Ваня начал свое путешествие, принадлежала какому-то районному боссу, приехавшему в деревню к дальним родственникам расслабиться. Нет чтоб по-соседски махнуть на все это рукой (ну, поцарапал он слегка машину, не украл же, вернули!), но босс возмутился таким «мягким» приговором. На свободе всем почему-то кажется, что если не в тюрьму и не в лагерь, а в дурку – то это повезло: там рисовая каша по утрам с маслом, а на десерт шоколад. Все ходят по парку в пижамах и наслаждаются жизнью. Это вам совсем не то, что по этапам в «столыпине» болтаться! Погостив немного в дурке, Ваня так не думал и поехал бы в лагерь с удовольствием. Да кто же его спрашивал-то?

Босс надавил в районе, и отправили Ваню на повторную экспертизу в Серпы, а уже оттуда на спец. За ту поездку на легковом автомобиле Шумахер заплатил втридорога: он только по экспертизам пару лет болтался и, если б с Серпов на суд отправили, давно б уже дома был. А так уже вторая пятилетка началась, и по спиртному он очень скучал. А в лагере, говорят, даже водку добыть можно. Тут же... Санитары его дразнят и выход из комы так проверяют:

– Вмазать хочешь? Водочки? Может, самогону? – и суют в нос ватку намоченную спиртом, ту, что после укола осталась. Потом протягивают ему кружку: – Выпей!

Если Ваня не вышел полностью, он дуреет от этого запаха и тянет губы к кружке. Санитары ржут. И предлагают ему что-нибудь спеть за это. Шумахер хрипло орет деревенские частушки.

Больше всего Ваню огорчает решимость докторов избавить его от преступного порока: от алкоголизма его лечили антабусом, от которого печень и почки едва не ушли в унитаз, потом еще чем-то, а сейчас в какой-то голове родилась эта гениальная идея – попробовать инсулином.

Сосед Митрофана Никаноровича справа, полурусский-полуэстонец Вяни, визжал так, что у всей палаты закладывало уши и мурашки бежали по коже, – словно свинья, которую гонят на забой, и пытался кусить молодого санитаря. Тот сунул ему в рот угол простыни. Вяни

хватает ее зубами и, рыча, начинает ее рвать и тянуть в свою сторону, словно собака.

– Ты что, ребенок, что ли?– шипит медсестра на санитара. – Прекрати баловаться! Дай ему чай с сахаром! Если не прекратишь, я тебя отправлю на общее отделение работать!

Общего отделения инсулиновые санитары боятся – там больше работы и меньше привилегий. Санитар испуганно убирает простыню и, схватив алюминиевую кружку с сахарным сиропом, пытается сунуть ее в рот Вянни. Тот отворачивается и, выгнув спину дугой, начинает рваться и рычать, оскалив зубы, словно собака, потом плюется. И вдруг начинает орать с эстонским акцентом:

– Суки! Все предали? всю страну! А-а-а!– и, покраснев лицом, задергался в жгутах, пытаясь освободиться.

Кружка с сахарным сиропом летит на пол.

– Держи его, держи! – визжит медсестра, словно это она сейчас под инсулином, а не Вянни. – Ты зачем санитару ударил, а? Убежать хотел? – между делом допрашивает она его. – Больше не будешь на персонал нападать?

– Да вас убивать нужно! – ничего не соображая под инсулином, хрипит он в ответ. – Демоны! Всех съели! – и, рыча, кидается на медсестру. Жгуты удерживают его.

Ну, теперь Вянни кирдык: медсестра передаст его «тезисы и жизненную позицию» врачам, все будет вписано в историю болезни, и Вянни эту фразу будут вспоминать до конца его дней! За ним и так ведется особое наблюдение: в процедурке, на столе у медсестер под стеклом есть указания на этот счет.

– Крепче держи, крепче! Мне не войти в вену! Он же иглу ломает! – орет испуганно медсестра.

– Никак... – сопит санитар. – Не справиться!

– А ты что там расселся?! – кричит она на второго санитару, сидящего у входа и наблюдавшего по инструкции за всей палатой. – Помогите!

Тот неторопливо подходит, вытаскивает у Вянни из-под головы подушку и, накрыв ею лицо связанного, садится на нее. Медсестра вводит глюкозу. Вянни дергается, задыхаясь, бьется в жгутах, воет приглушенно под подушкой, но, когда санитар убирает ее, неожиданно начинает плакать.

– Чаю ему дайте, чаю! С сахаром, – приказывает медсестра.

Зубы стучат по краю кружки, Вянни, как обычно, давится и убирает голову набок, уворачиваясь от кружки.

Вся инсулиновая палата обречена смотреть этот каждый день повторяющийся кошмар: как только Вянни выйдет из комы и начнет трезво отвечать на вопросы, всю палату развяжут. Кроме самого Вянни.

На спецбольницу его привезли год назад за нападение на персонал из обычной психушки: что-то украл персонал из его передачи, ну он и заехал в рыло санитару. Поэтому Вянни после комы развязывают позже всех и только после обеда – агрессивный. А вдруг повторная кома? И снова нападение? Пусть лучше лежит связанный до вечера. Кормят его тоже связанным.

До дурки Вянни жил в психинтернате, куда его «пристроили» по «социальным» мотивам – жить ему было негде. А психинтернат и дурдом – это как два сообщающихся сосуда: поживет пациент психинтерната спокойно год, расслабится, а его тут же в дурку за какое-нибудь нарушение. Там его «подлечат», приструнят, чтобы не выступал больше, – и снова назад, в стойло: пациенты нужны одинаково интернату и дурдому. Делиться нужно.

– Ну, как путешествие? Где побывал-то? – спрашивает инсулиновый санитар у Вянни и снова пихает ему в рот кусок простыни. Это у него тест такой: если будет кусаться – значит, пока еще рано. А если начнет отворачивать лицо и уговаривать прекратить – значит, вышел из комы окончательно. Вянни отворачивается.

– А-а, – говорит санитар удовлетворенно и принимается по очереди всех развязывать. Иногда вязать и развязывать ему помогают добровольцы, вроде Черта из общего отделения, но сегодня он делает это один. Черт сегодня занят другими делами.

Первым санитар освобождает Славу.

Слава рожден обжорой, он и без инсулина мог приговорить за обедом три порции каши, просто возможности такой не было, а на инсулине он от вида и запаха жратвы становится невменяемым.

Только ему освобождают ноги, как появляется баландер с подносом, на котором установлены пластиковые миски с супом. Сбоку на подносе горкой лежит хлеб и пластиковые ложки. Раньше, еще с полгода тому назад, миски и ложки были алюминиевые. Пока однажды не сожрали весь комплект – чтобы сорваться с инсулина на операцию. Санитары в инсулиновой привыкли: следить нужно до обеда, чтоб внезапно кома не началась, и во время обеда, чтобы продовольственные запасы не делали. А сразу после обеда у них расслабон. А тут им кто-то напомнил, что это дурка. С тех пор в инсулиновую посуду дают только пластиковую.

– Э-э-э-э! – орет санитар баландеру, видимо забыв его имя. – Ты следи, чтоб брали только по куску хлеба, не больше! Второй давать только после того, как первый съел! А то сейчас эта падла даже в труссы прятать начнет, а потом ищи у него! – кивает он в сторону Славы.

После обеда инсулиновая превращается в сонное царство: все расползаются по своим кроватям и засыпают на несколько часов.

Дверь, на которой он только что сорвал замок, предательски скрипнула петлями и открылась. Слава сделал шаг в глубь ларька и, закрыв за собой дверь, включил фонарик.

Оставленные продавцом деньги искать не имело смысла, на них если и наткнешься, так случайно. Только время потеряешь! Поэтому он решил его не тратить на всякую чепуху и сразу приступил к ревизии товара. Ящик водки и коробка шоколада быстро перекечевали в пустой картофельный мешок, он уже по традиции распечатал последнюю бутылку, чтобы приложиться «на посошок», как кто-то осторожно потрогал его за плечо и позвал женским голосом:

– Слава, проснись. Скоро ужин.

От страха он даже подпрыгнул, выронив из рук бутылку водки, которая не упала на пол и не разбилась, а непонятным образом растворилась в воздухе, превратившись в пустоту. В последний момент он попытался схватить ускользящее счастье, но рука наткнулась на что-то мягкое. Он открыл глаза. Во рту еще держался привкус водки.

Перед ним стояла Клавдия Сергеевна, одетая не в привычный белый халат, а в обыкновенное пальто. Ее смена всегда начиналась в восемь часов утра и заканчивалась в пять вечера. Потом она передает палату дежурной медсестре на ночь. Обычно домой она уходит после того, как делает обход своих пациентов. Клава – медсестра добросовестная.

– Слава, – снова обращается она к нему. – Ты ничего не ешь после ужина.

– А я никогда не ем, – оправдывается Слава. – Я с ужина всегда сыт.

– Ну, ладно, ладно, – говорит она, и, попросившись с палатой, уходит. Слава закрывает глаза и, вздохнув, пытается вернуться в свою мечту.

Вечером в инсулиновой уютно и хорошо, как дома, – один телевизор на палату в пять человек и споров соответственно меньше, чем у общего, отделенческого, телевизора. Там сто человек спорят, какой канал включить, а решает этот спор один санитар.

Телевизор поставлен высоко, под самый потолок в огромный ящик из органического стекла, который всегда на замке, – смотреть телеви-

зор можно, повредить – нет. Пульт у санитаря. Он тут главный судья и конференсье – что он объявит, то и смотрят.

Вечернее время – самое спокойное в инсулиновой. До отбоя остается еще пару часов. Каждый пациент тихонько занимается своим делом. Никанорыч пристроился поближе к свету и что-то читает, напялив на нос очки с отломанными дужками. Вместо них он приспособил резинку из трусов, которую тайно стырил в душевой, пока санитар из дневной смены ушами хлопал. По поводу этой резинки и нелегальных очков его допрашивал старший санитар и, прикалываясь, стыдил, говоря, что воровать – это большой грех, но Митрофан Никанорович гордо молчал. В другой палате за такое поведение и за резинку особенно с него спросили бы сразу, да и не только кулаками, но в инсулиновой режим смягченный во всем – чтобы стрессов у больных не было. У пациентов, говорит инсулиновая сестра, должны быть только положительные эмоции. Ну, чтобы только положительные – такого не получается, но отрицательных здесь явно меньше, чем на общем отделении. Поэтому Никанорыч отделался одними выговорами от санитаря. И лишился резинки. Нелегальные и запрещенные к хранению очки санитаря, непонятно почему, не тронули и оставили ему. После этого какое-то время он использовал их то как пенсне, то как лорнет, пока его снова не позвали в душевую. В конце концов от него отстали.

Вяни тоже занят нужным для себя делом: он забрался на кровать с ногами и изучает русский язык, читая книгу.

В углу Шумахер со Славой ведут свой затянувшийся спор:

– Да не гони ты дурру, – гнет свое Шумахер, – самогон – это вещь. Я даже водку рядом не поставлю. А все эти панфурики, очистители, одеколоны и бормотуха – от них лишь изжога и утром не встать. Это пить можно лишь от крайней нужды.

Шумахер – гурман. Он даже под инсулином гнилую картошку есть не станет, не то что Слава.

Слава качает головой из стороны в сторону – он не согласен с такой оценкой.

– Ну, освежители, очистители и ацетон – это да, а вино-то при чем? – задает он вопрос. – Кагор ведь тоже вино, и его даже в церкви дают!

Он смотрит на читающего Никанорыча, надеясь, что тот согласится с его доводами.

Никанорыч поднимает на него глаза, смотрит поверх своих антикварных очков, и, не отвечая, вздыхает, снова уткнувшись взглядом в текст: миссионерскую и просветительную работу в дурдоме врачи ему запретили.

– Вот смотри, – продолжает убеждать его Шумахер. – Я точно знаю, чего и сколько я закладываю в эту брагу, и потому уверен, что не сдохну от нее. Самогон – это продукт эко-ло-ги-че-ский! – по слогам произносит он слово, которое недавно услышал.

– Ну, может быть, – дипломатично соглашается Слава и пристально смотрит на санитару. Он совсем не разделяет точку зрения Шумахера, но время для реализации задуманного им самое подходящее: под матрацем у него припрятано полбуханки хлеба и все своими делами заняты.

– Посплю-ка я немножко.

Он фальшиво тянется и, зевнув, лезет под одеяло жрать.

У входа играют в шахматы Учитель с ночным санитаром. Санитара перевели в инсулиновое с общего отделения, потому что прежний заболел и его пришлось отправить на больничку. В дурке он работает без году неделя, а в инсулиновой палате у него сегодня первая самостоятельная смена. Он еще и дурдома-то по-настоящему не видел, а тут инсулиновая, самая закрытая палата, где для него все ново – режим, пациенты. Тем более он удивлен, что инсулинники могут так играть – за вечер он не выиграл у Сергея Михалыча ни одной партии. Лишь одна ничья. Играть с ним почти на равных может лишь старший санитар Трушинков. Но сегодня его на смене уже нет, и Михалыч не в себе – он вздыхает, чешется и думает явно не о шахматах. Михалыча мучают не только шахматные проблемы. Он погружен в мысли о дурдоме. О его политической и общественной жизни. Он любит порассуждать и пофилософствовать. После случая, произошедшего с ним на работе, в родной школе, – молча.

Дурдом меняется и мутирует, рассуждает про себя Михалыч. Раньше, во времена советские, коллектив дурдома всегда участвовал во всех соцсоревнованиях, о результатах которых докладывалось на партсобраниях. А пациенты об этом могли только догадываться. Обычно во время таких мероприятий на отделении открывали вторую, временную надзорку, которая быстро наполнялась всякими отщепенцами и просто нуждающимися в «медицинской помощи». Во время «соцсоревнований персонала» залететь на иглу было левое дело – не хватает «одной еденицы», ну и поехал на процедуры. Как ни странно и дико это звучит, у персонала дурдома тоже были соцобязательства перед народом и партией. Лечить они обязались быстро, качественно и дешево. И все приурочивалось к каким-то датам. Ну настоящий дурдом.

Когда соцсоревнования заканчивались, вторую надзорку тут же в спешном порядке переводили на рабочий режим – нужны были люди

в лечебных мастерских. Лозунгами сыт не будешь, это все понимали, а мастерские уже тогда давали доход.

Все это Михалыч узнал, когда ему как художнику поручили оформить больничную стенгазету и предоставили для этого все необходимое: краски, бумагу кисточки. А в придачу – дурдомовский архив из старых стенгазет, сваленных за шкаф в каптерке. Из которого можно понять, как дурдом адаптируется к заданным условиям. Михалыч долго рылся в этом раритетном мусоре и, забравшись в самый угол, достал красочные плакаты наглядной агитации, которые развешивались в прихожих, красных уголках и конференцзалах дурки. Запомнилась Михалычу огромная фотография молодой, улыбающейся женщины с крупной надписью снизу: «маска зачарованности» и карикатура церкви, попа с огромным крестом в руках и молящегося пациента. Внизу, под рисунком, стояла надпись: «Иллюзорное восприятие больным объекта». Но больше всего на него произвел впечатление транспарант, написанный огромными буквами на красной материи, который мог висеть где-то над входом:

«Врач, будь осторожен! Преступник нашел лазейку!»

– Спать хочется. Глаза сами смыкаются, – выдает Михалыч. – И инсулин достал. Мне же продлили еще на десять сеансов.

– А что тебе инсулин? Надоел? Попроси ЭСТ 4к566, – шутит санитар. И тут же говорит серьезно: – Сиди ты на инсулине: спи, жри от пюза, толстей. Я с общего отделения. Чего там делать-то? Нейролептики глотать? – Он замолкает и пристально смотрит на доску.

– А если вот так? – санитар двигает ферзя и улыбается, чувствуя свое превосходство. Сергей Михалыч на миг выходит из сонного состояния, пытаюсь сосредоточиться на партии. Но мысли его далеко от шахмат. Он смотрит не на доску, а куда-то сквозь нее. Выражение лица у него меняется. Он бледнеет, покрывается потом и тяжело дышет. Глаза, которые только что задумчиво смотрели на шахматы, вдруг делаются стеклянными и лезут из орбит наружу. Он страшно скалится и вдруг, словно вампир из фильма ужасов, бросается на санитаря. Тот в испуге шарахается в сторону, загородившись шахматной доской от нападающего. Учитель, будто взбесившаяся собака, лязгает зубами, что-то орет и пытается схватить его зубами за шею.

– Ты что?! Ты что?! – испуганно орет санитар. Потом приходит в себя и, увернувшись, хватается Михалыча за шею сзади. Сопротивляться Учитель больше не должен, но он хрипит и каким-то чудом освобож-

дается. От шума и грохота, который производят дерущиеся, Слава катапультируется из-под одеяла с набитым ртом и расстерянно, не скрывая этого от окружающих, пережевывает пищу. Вся палата испуганно забивается по своим кроватям. Никанорыч начинает что-то бубнить себе под нос и, забыв про запреты, быстро-быстро крестится. Телевизор, словно сойдя с ума вместе с Учителем, выдает такое же сопровождение:

Калина раз-два-три...

...Чернобровая дивчина...

...В саду ягоду рвала...

– Второго санитаря позовите! – орет непонятно кому санитар и успевает снова поймать Учителя на хомут. Тот дергается несколько секунд и постепенно затихает.

– Ты, животное! – приказывает санитар Славе. – Позови второго санитаря с общего отделения! Не слышишь?!

Вместе со вторым санитаром появляется Черт, который горит желанием помочь персоналу хоть в чем-нибудь.

Через двадцать минут Михалыч растянут жгутами на пять точек.

Он без сознания, но дышит. Санитары начинают приходить в себя.

– Медсестре нужно сообщить, – говорит один, и отправляют Черта в процедурку с сообщением.

Постовая медсестра сегодня из молодых – совсем недавно из училища. Она крутится вокруг Михалыча, заглядывает ему в глаза и проверяет, реагируют ли у него зрачки на свет или нет, потом щупает пульс и щиплет за кожу. Михалыч не шевелится и не отвечает никак. На его потном и бледном лице не видно никаких эмоций. Медсестра бледнеет сама и говорит непонятно кому, что у него, наверное, возвратный шок. И бежит в процедурную к телефону вызывать дежурного врача.

На отделении начинается аврал, и оно тут же превращается в настоящий сумасшедший дом. Черт, словно лошадь, запряженная в телегу, галопом катит катафалк по коридору. Рядом трусит санитар и подгоняет его матюгами. Хорошо хоть не кнутом и вожжами.

Почти сразу выясняется, что инсулиновая медсестра все нужные вещи хранит на своих местах и по порядку, но найти все это быстро без хозяйки катафалка не так-то просто. Из процедурки тащат зонды, клизмы и из каких-то резервов глюкозу. Когда наконец она уже набрана в шприц, становится ясно, что попасть в вену медсестра не может ни с первой, ни со второй, ни с третьей попытки. Ее заменяет дежурный врач.

Медсестра заливает сладкий чай Михалычу через зонд.

Он приходит в себя и начинает дико хохотать. Его хохот сотрясает палату всю ночь, не давая никому спать. В палате мелькают халаты, какие-то незнакомые лица. Впечатление такое, что Михалыча пытаются законсервировать в глюкозе – в него через зонд влили такое количество сиропа, что он должен изнутри слипнуться. Он весь в дырках от уколов, но хохот не прекращается. Все испуганно забрались под одеяла и смотрят этот фильм ужасов. Даже у Славы на лице виден испуг: вечного кайфа он тоже не хочет.

Олег Борисович крутит Учителя так и сяк, обращается к нему с вопросами, на которые тот не отвечает, хлопает по плечу и заглядывает в глаза, заставляя вытягивать руки вперед. Рядом с ним стоит санитар – как и положено по инструкции.

Потом Олег Борисович вешает себе на шею стетоскоп и, закурив, вздыхает с сожалением.

– Ну что ж, – выпускает он дым и произносит непонятную санитару фразу: – Юридическая коллизия устранена, – и приказывает перевести Михалыча в наблюдательную палату и ограничить. На всякий случай.

Через неделю его развязали. Орать и рваться он перестал. Сидел полуголый на кровати с выпученными, словно у рыбы, глазами и, пуская слюни, что-то бормотал невнятно. Иногда непонятно чему смеялся. Имени своего он больше не помнил, поднимал голову и отзывался, только когда кто-то говорил «учитель». Лишь иногда, если он видел играющих в шахматы санитаров, его рыбий взгляд исчезал, лицо вытягивалось и делалось на миг осмысленным и серьезным. Он словно пытался что-то вспомнить. Но, так и не вспомнив, тут же начинал дико хохотать.

Иван Маркелов

От тюрьмы и от психушки...

О нарушениях в психбольнице в Челябинской области

В Челябинской области прокурорская проверка вскрыла нарушение прав и законных интересов осужденных в областной психиатрической больнице ГУ ФСИН, расположенной в Магнитогорске¹. Так, в ходе проверки были выявлены многочисленные нарушения требований российского законодательства. В нарушение требований Уголовно-исполнительного кодекса РФ администрация учреждения не применяла к осужденным меры взыскания за совершение ими нарушений порядка отбывания наказания. Распорядком дня больницы были установлены не предусмотренные федеральным законодательством ограничения в предоставлении осужденным краткосрочных свиданий. В помещении для проживания осужденных, занятых на хозяйственных работах, не соблюдалась норма жилой площади, которая составляла 1,8 квадратных метра на одного человека.

Выдача средств гигиены осужденным не обеспечивала их потребности в полном объеме. У несовершеннолетних осужденных отсутствовали даже полотенца. По результатам проверки прокурор Челябинской области внес исполняющему обязанности начальника ГУ ФСИН России по Челябинской области представление об устранении нарушений закона и привлечении виновных лиц к ответственности.

По материалам общественных слушаний, состоявшихся 16 ноября 2011 года в Санкт-Петербурге.

¹ <http://news.mail.ru/incident/7096098/> – по состоянию сайта на 27.10.2011.

«Вязки» как апофеоз современной «карательной психиатрии» в РФ?

Как сообщает служба новостей «Ura.ru» в публикации от 26 сентября 2011 года, Общественная наблюдательная комиссия по контролю за обеспечением прав заключенных Свердловской области (ОНК) обратилась к руководству регионального ГУ ФСИН с просьбой провести проверку по факту применения к осужденным нестандартных видов наказания². По словам экс-заключенного СИЗО № 1 Екатеринбурга Павла Петрова, обратившегося в ОНК, руководство изолятора осваивает методы «карательной психиатрии».

Как рассказал общественникам Павел Петров, последние дни своего заключения он содержался в СИЗО. 27 июня 2011 года, после отказа выполнять обязанности дежурного, заключенного привели на дисциплинарную комиссию, на которой присутствовал начальник СИЗО Эльман Мамедов. «Меня хотели посадить в карцер на двое суток. Я возразил, заявив, что по заключению психологов от 1998 года у меня есть склонность к суициду и меня запрещено помещать в “одиночку”, – рассказал Петров. – В ответ на это Мамедов сказал: “Ну тогда тебе двое суток “вязок”».

Сразу после заседания дисциплинарной комиссии Петрова повели в другой корпус, где поместили в особую камеру под номером 116. Там его крепко привязали изготовленными из простыней ремнями к кровати. По словам Петрова, в таком положении он пролежал с 27 по 29 июня. «Они предлагали справлять нужду в “утку” и собирались кормить меня с ложечки. Но я отказался от еды, поскольку в таком положении невозможно глотать», – рассказал экс-заключенный. По его словам, в туалет позволили выйти всего один раз за двое суток.

Узнав об этом вопиющем случае издевательств, члены ОНК провели собственную проверку в СИЗО № 1, в ходе которой выяснилось, что камерная карточка Петрова не содержит сведений о перемещении осужденного в какие-либо специальные камеры или карцер. Тем не менее записи, подтверждающие слова экс-заключенного, удалось обнаружить в его личном деле. «Руководствуясь медицинским заключением, водворен в камеру для временной изоляции на трое суток» – говорится в акте о водворении в камеру. К нему приложено заключение фельдшера медсанчасти, в котором подтверждается, что Петров находился в этот день на грани нервного срыва. Сам же заключенный

² <http://www.ura.ru/content/svrd/26-09-2011/news/1052134599.html> – по состоянию сайта на 15.11.2011.

это опровергает. Когда же члены ОНК попросили администрацию СИЗО показать ту самую камеру № 116, где, судя по рассказу Петрова, привязывают осужденных, начальник учреждения Мамедов отказал, ссылаясь на врачебную тайну. Квалифицированные юристы, однако, утверждают, что понятие врачебной тайны ни в коем случае не включает в себя запрет на осмотр камеры в следственном изоляторе.

ОНК в настоящее время готовит документы для подачи иска в суд в связи с тем, что руководство ГУ ФСИН до сих пор никак не отреагировало на обращение общественников с просьбой провести проверку. О причинах такого молчания агентству «Ura.ru» в ведомстве рассказать затруднились, посоветовав для получения информации написать официальный запрос на имя начальника ГУ ФСИН.

Нужна ли казанская «тюремная психбольница» России?!

Портал «Права человека в России» в октябре 2011 года информирует, что по результатам визитирования казанского спецучреждения общественные наблюдатели направили письмо Уполномоченному по правам человека в России Владимиру Лукину³.

Казанский правозащитный центр сообщил, что во время посещения Казанской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением члены Общественной наблюдательной комиссии Татарстана выявили ряд нарушений в деятельности учреждения:

- фактический перелимит: на человека приходится два квадратных метра вместо положенных шести, проход между кроватями пациентов затруднен;

- в доступных для пациента помещениях не имеется информации о государственных органах, осуществляющих надзор за деятельностью данного лечебного учреждения, а также организациях, обеспечивающих защиту прав человека;

- корреспонденция, направляемая пациентами в органы представительной и исполнительной властей, прокуратуру, суд и адвокату администрации учреждения подвергается цензуре, что нарушает конституционные права граждан, так как Конституция РФ запрещает подобную цензуру, за исключением случаев, когда на это есть решение суда;

- администрация больницы не ведет учет жалоб и обращений пациентов, направленных в органы представительной и исполнительной властей, прокуратуру, суд и т.д.

Казанский правозащитный центр отмечает также, что:

– не реализуются требования статьи 38 Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в которой указывается: «государством создается независимая от органов здравоохранения служба защиты прав пациентов, находящихся в психиатрических стационарах», о чем постоянно напоминает в своих обращениях и публикациях Санкт-Петербургская гражданская комиссия по правам человека;

– не реализуются требования статьи 46 Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» о контроле общественных объединений за соблюдением прав и законных интересов граждан при оказании психиатрической помощи.

Татарстанский правозащитник Герман Алеткин заявил:

– В действующем Федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» в перечень учреждений, куда имеют доступ члены общественных наблюдательных комиссий, не включены психиатрические стационары Министерства здравоохранения и социального развития России. Нам удалось попасть на территорию психбольницы только в сопровождении сотрудников аппарата уполномоченного по правам человека в республике.

Психиатрический препарат как неотложная помощь при поясничном остеохондрозе?

Как сообщил веб-сайт «Цивитас.ру», осужденному Забайкальской колонии № 8, у которого год назад отнялись ноги, врачам для «психокоррекции» прописали сильнодействующий психиатрический препарат азалептин⁴. Там же сообщается, что правозащитниками была проведена независимая экспертиза. «Ни одним врачом, осмотревшим Сергея Макарова, не выявлен диагноз психического заболевания, поэтому назначение ему азалептина следует признать необоснованным и противоправным», счел Владимир Менделевич, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой медицинской и общей психологии Казанского государственного медуниверситета, врач-психиатр высшей категории.

К такому выводу специалист с 31-летним стажем работы в психиатрии пришел после изучения медицинских документов, представленных ему Забайкальским правозащитным центром и Межрегиональной пра-

⁴ <http://www.civitas.ru/news.php?code=11268> – по состоянию сайта на 17.10.2011.

возащитной ассоциацией «АГОРА». Владимир Менделевич подтвердил опасения правозащитников, что назначение азалептина «не по медицинским показаниям и при отсутствии указаний на наличие у Макарова какого бы то ни было психического заболевания» могло негативно повлиять на состояние его здоровья. «Осужденный Макаров пишет жалобы на насилие в колонии. Не исключаю, что для подавления его воли к сопротивлению и применена карательная психиатрия», – считает директор Забайкальского правозащитного центра Виталий Черкасов.

Как утверждал сам осужденный Сергей Макаров, 10 ноября прошлого года несколько сотрудников ИК-8 свалили его на пол и сковали руки за спиной наручниками. Затем подтянули ноги осужденного к спине и завели под наручники. Макаров сопротивлялся, кричал от боли. Несколько раз ему удавалось освободить ноги из-под наручников, но сотрудники насильно возвращали его тело в позу «ласточка». Сергей говорит, что в таком положении он пробыл 10–15 минут, затем почувствовал щелчок в позвоночнике, из носа пошла кровь. Встать на ноги он уже не смог.

Макарова на носилках унесли в медсанчасть колонии, где врач-психиатр Ирина Б. выставила соматический диагноз: поясничный остеохондроз. Приглашенная из Карымской центральной райбольницы психиатр-невролог Наталья М. без назначения какого-либо исследования сразу уличила Сергея Макарова в «симуляции». И назначила С. Макарову психокоррекцию в виде приемы психотропного препарата азалептин с большим количеством побочных эффектов.

«Аминазиновая» вместо «процедурной»?

22 сентября 2011 года сотрудник информационного агентства «Доступ» Марина Малкова опубликовала статью о проведенной челябинским уполномоченным по правам человека Алексеем Севастьяновым проверке в областной психиатрической больнице.

«Во-первых, сделаю общие замечания: в большинстве отделений – недостаточная материально-техническая оснащенность. В отделении для принудительного лечения лиц, совершивших преступления и признанных невменяемыми, последний ремонт проводился в 2004 году, – говорит Алексей Севастьянов и продолжает: – Пациентов в установленной законом форме не спрашивают о согласии на ту или иную форму лечения. Им должным образом не рассказывают о возможных последствиях лечения. Обнаруженная комната с надписью “Аминазиновая” позволяет обоснованно предположить, что аминазин может являться основным лекарством, которое дают практически каждому па-

циенту. Если бы было иначе, то “Аминазиновая” должна была бы называться “Процедурной”».

О сомнительной законотворческой инициативе и генерале российской полиции...

Здесь же следует упомянуть одну из сомнительных законодательных инициатив недавнего прошлого: законопроект, предполагавший легализацию принудительного психиатрического лечения как одну из мер профилактики правонарушений. Об этом говорилось в интервью с начальником Главного управления обеспечения охраны общественного порядка МВД России генерал-лейтенантом полиции Юрием Демидовым, опубликованном 24 августа 2011 года на официальном сайте МВД⁵.

Согласно пункту 2 статьи 12 этого документа к профилактике правонарушений предполагалось относить «принудительные меры медицинского характера». Г-н Демидов пояснил, что такого рода профилактика может включать «амбулаторное лечение у психиатра, нахождение в психиатрическом стационаре, в том числе с интенсивным наблюдением».

Мы полагаем, что принципиально недопустимо в качестве меры профилактики предлагать лечение в психиатрических стационарах с интенсивным наблюдением, так как по действующему законодательству принудительное помещение в психиатрическую больницу с интенсивным наблюдением может быть осуществлено только лишь при совершении гражданином уголовного преступления в состоянии неменяемости.

Как сказал в своем интервью генерал-лейтенант полиции, поводом для принятия мер индивидуальной профилактики могли быть устные и письменные заявления от граждан, а также мониторинг средств массовой информации. «При получении сигналов, в зависимости от их содержания, полицейский должен провести объективную проверку полученной информации, либо передать ее другому субъекту системы профилактики, в чьей компетенции она находится. В случае подтверждения правдивости информации будут назначены те или иные профилактические меры», – сказал г-н Демидов.

Председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева в интервью «Независимой газете» заявила, что опасается, что в современных политических условиях этот пункт закона может применяться так же, как и в Советском Союзе.

⁵ http://www.mvd.ru/presscenter/interview/show_96230/

Роман Чорный на слушаниях сказал: «Я, президент Санкт-Петербургской Гражданской комиссии по правам человека, проводил одиночный пикет протеста против такой сомнительной законодательной инициативы. Я целиком разделял опасения Людмилы Михайловны Алексеевой. К счастью, авторы законопроекта публично заявили о том, что они отказываются от части своего законопроекта, предполагавшей легализацию превентивного принудительного психиатрического лечения в Российской Федерации».

Эпилог

В заключение следует сказать, что, по данным мониторинга международных правозащитных организаций, Российская Федерация находится на втором месте в мире по количеству заключенных на 100 000 населения. Их права не только должны быть защищены на данный момент, но должна быть гарантирована защита прав этих людей в будущем. Это возможно лишь в том случае, если общественность на деле, а не лишь для «галочки» будет допущена для контроля положения с правами человека в «закрытых учреждениях», в особенности в психиатрических больницах пенитенциарной системы, а также в так называемых закрытых учреждениях в общегражданских психиатрических стационарах.

Нужно добиваться вывода тюремной медицины из подчинения ФСИН и передачи ее в ведение Минздравсоцразвития РФ.

Необходимо также создание государственной службы защиты прав пациентов психиатрической службы, независимой от органов здравоохранения, гарантированной Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» еще с 1992 года, то есть со времени принятия этого закона. Впрочем, даже реальный общественный контроль, наверно, станет лишь первым шагом в исправлении ситуации при существующих нарушениях прав человека в психиатрических стационарах в отношении лиц, находящихся на принудительном лечении.

Следует также осуществлять постоянный мониторинг законопроектов, касающихся этой сферы; в случае появления любых законопроектов, которые могут ухудшить положение с правами человека в этой сфере, нужно использовать любые разрешенные законами России формы протеста с тем, чтобы не допустить принятия таких законов.

Гражданская комиссия по правам человека в Санкт-Петербурге

Расследование нарушений в сфере душевного здоровья

Гражданская комиссия по правам человека (ГКПЧ) – это некоммерческая правозащитная организация, которая занимается расследованием и преданием гласности нарушений прав человека в области душевного здоровья. Хотя ГКПЧ Санкт-Петербурга и является самостоятельной организацией, тем не менее она входит в сеть аналогичных комиссий, которых насчитывается более 130, расположенных по всему миру в 34 странах.

Сотни людей ежегодно обращаются в ГКПЧ Санкт-Петербурга, чтобы сообщить о злоупотреблениях и преступлениях в психиатрии, о неправомерном лишении свободы, мошенничестве, в частности, с квартирами, сексуальном насилии, бесчеловечном обращении и жутких условиях в психиатрических учреждениях. ГКПЧ, расследуя все эти случаи, добивается судебного преследования психиатров и их учреждений, чтобы лишить психиатрию возможности подавлять людей и чтобы восстановить законность в области душевного здоровья.

ГКПЧ проводит публичные слушания, где пострадавшие могут рассказать о произошедших с ними случаях. Проводятся выставки, показывающие историю психиатрии. Эта выставка информирует людей о вреде психиатрии; о зарождении психиатрии, о ее состоянии на данный момент и о тех плачевных результатах, которые есть сейчас. Точно такая же выставка проводится всеми ГКПЧ по всей планете.

Взаимодействие со средствами массовой информации, размещение пресс-релизов в интернет-СМИ, размещение статей в печатных СМИ делает работу комиссии известной широкой общественности. Президент ГКПЧ дает интервью на телеканалах и радио. Такие передачи выходят около 4 раз в месяц. Комиссия выпускает собственную газету «Право на разум», в которой знакомит со случаями нарушения законов, о вреде применения препаратов и других моментах деятельности комиссии и деятельности психиатров.

Александр Август

Саботаж

Первая партия обедающих уже подходит к концу: миски из-под супа у всех обедающих отставлены в сторону и все заняты вторым блюдом, поэтому сейчас нужно быть особо бдительным и не спать на ходу: там, на коридоре, уже выстраивается очередь в процедурку за «колесами» и в ней лучше занять место в самой середине, чтобы подойти к двери как раз вовремя, не позже и не раньше, когда бдительность медсестер и санитаров уже слегка притупилась: стоять в конце очереди и в самом начале опасней – на таких всегда больше внимания.

Я окидываю взглядом помещение столовой, и оцениваю, сколько народа сидит еще за столами и, значит, сколько человек меня «прикроет» сзади, и, оглянувшись по сторонам, незаметно кладу в карман недоеденный кусок хлеба. И несусь на выход.

– Куда?! – орет на меня санитар, сидящий у двери. И загораживает дорогу: – Где весло?!

И показывает на ведро, стоящее по другую сторону двери: каждый выходящий обязан кинуть туда свою ложку. На сдачу. Я матерюсь про себя, бегу назад к столу и, схватив ложку, возвращаюсь и бросаю ее в ведро.

– Ничего с собой не несешь? – спрашивает он меня дежурным голосом, имея в виду хлеб и другие продукты: держать их в палате запрещено, за нарушение могут и прессануть.

Я отрицательно и равнодушно мотаю головой, и он, не обыскивая меня, выпускает на коридор.

Очередь тянется по коридору в сторону процедурки, оставляя свободной одну половину для возвращающихся в палаты и персонала. Я стараюсь не суетиться и встаю в очередь последним.

Сейчас они там, в процедурке, торопятся, чтобы успеть всем раздать, но в то же время все идет по инструкции: принял, рот показал и

обязательно запил: тут хитрецов и специалистов поплевать «колесами» достаточно. Я молюсь про себя, чтоб у меня все получилось.

Строгости с приемом нейролептиков начались с полгода тому назад, хотя все готовилось годами. Так ведь у нас всегда: гром не грянет – мужик не перекрестится...

Раньше-то, до строгостей, было как? Принял, запил, рот показал – свободен! Затем каждый «принявший» подходил к распахнутому на коридоре окну, и, делая вид, что смотрит на улицу, выплевывал колеса за окно: не пей, Иванушка, дурачком будешь!

И все это тянулось годами, и никому до этого бардака не было никакого дела: сто семьдесят человек на отделении три раза в день выплевывали за окно таблетки. А на корпусе три отделения – и всюду так. Простая арифметика: если каждый выкинет по таблетке – это будет почти шестьсот. И помножить на три. Да кто и когда в дурке принимал одно «колесо»? Обычно назначают несколько. Ну, конечно, выкидывали за окно не все – те, кто поумнее да поосторожнее, просто в палате тапочком раздавят и разотрут – без следов.

Но даже с минусом на это, получается, в день выбрасывалось в одно место, под одно окно по несколько тысяч таблеток!

Все это летело и выплевывалось вниз, спрессовываясь слоями и впитываясь вглубь, а там, внизу, – асфальтированный прогулочный двор. На нем эта гадость копилась месяцами, годами, смешиваясь с дождевой водой и грязью, растворялась в лужах, лужи высыхали, а нейролептики выпаривались на асфальте. Иногда двор подметали. Но все равно он менял свой цвет с каждым годом, и асфальт на нем становился не коричневым, а красно-розово-голубой, в непонятную крапинку. Ситуация ухудшалась, и скоро перед каждой прогулкой санитарам приходилось выкидывать в мусор дохлых голубей – им же, голубям, не объяснишь, что пить из луж в этом сумасшедшем дворе нельзя, там все отравлено. Однажды нашли дохлых котят. Но и тогда никто из персонала ничего не понял. Так бы, может быть, и кидали туда всю эту отраву годами, но однажды весной, когда растаял снег, кто-то из врачей обратил внимание на сине-пурпурный асфальт. Когда присмотрелись и поняли, что это такое, послали туда гонцов из санитаров – «взять пробы грунта» или что там не успело раствориться с растаявшим снегом. Набрали «проб» около ведра. После этого эпизода лафа прекратилась и начались суровые дурдомовские будни: повсеместно, на всех отделениях, ввели раствор вместо таблеток, а как не выпить пузырек с раствором, если стоят над душой и заставляют запить свежей водой да рот еще нужно показать? И как работать на швейной машине после

нейролептиков? Но нужно, требуют! Началась суматоха и непонятная беготня с одного места работы на другое: из швейного цеха в переплетку, из переплетки в картонажный цех. Но спать нигде не давали – заставляли сонных трудиться. Участились «воспитательные» уколы. Жизнь в дурдоме сделалась невозможной и сумасшедшей.

Я просыпаюсь от своих воспоминаний и смотрю на возню у двери.

– Кружку сдай в столовую! – орет помощник из больных впереди-стоящему.

Сейчас такая мода пошла по отделению – все в кружку выплюнуть.

Подходит моя очередь.

Выливаю содержимое пузырька в рот и слегка мочу губы водой из другого пузырька – считай, запил лекарство, – и торопливо «двигаю» в сторону. Сейчас главное, как медсестра отреагирует на эту поспешность и не заставит ли рот открыть. И не начнет ли доставать дурацкими вопросами по дороге в палату санитар или кто-то из пациентов – тут доброжелателей пруд пруди. Если чего-то спросят, придется проглотить.

Уже на подходе к своей палате, где нет свидетелей, отгибаю на груди рубашку и сплевываю все туда – чего рисковать-то, когда почти у цели! В палату вхожу, уже расслабившись, и сразу лезу на кровать: до вывода на работу еще полчаса, почитаю. И сразу словно проваливаюсь в содержание книги.

Санитар начинает вызывать всех на работу, двери «палат» рабочего-лечебного отделения хлопают бесконечно долго и нудно: отделение огромное, больше чем сто пятьдесят человек.

Я откладываю книгу и пробираюсь узким проходом ближе к двери, чтобы первым занять очередь у раздевалки и получить свою одежду. Все привычно готовятся к продолжению рабочего дня: трудотерапию пока еще никто не отменял, а просто отказаться от «терапии» в дурке, понятно, невозможно, или причины должны быть вескими: либо температура под сорок, либо сложный перелом. Мне не везет с температурой и со здоровьем, жаловаться абсолютно не на что, да я и не пытаюсь отлынивать от этого мероприятия, зная по опыту, что в толпе сделаться незаметным и спрятаться гораздо проще, чем в одиночку.

Дверь скрипит своими замками и наконец распахивается. В руках у санитаря список каких-то дел и пациентов. Он смотрит в него и тычет в меня пальцем:

– Тебе остаться. Остальным на выход. И не задерживаться, не задерживаться!

Я никаких вопросов не задаю – все равно ж не ответит.

Толпа гремит ногами, не замечая меня, проносится мимо. Лишь иногда я вижу завистливый взгляд, брошенный на меня: «освободили» от работы, как говорят шутники на отделении.

Дверь гремит перед самым носом, и, оставшись в палате один, я сразу лезу под подушку за книгой и раскрываю ее.

Но читать не дает беспокойная и подозрительная мысль, которая начинает сверлить мозг: с чего это вдруг не вывели на работу? За какие такие подвиги и заслуги? Трудотерапия – это как аминазин и галоперидол: отменяют только тогда, когда в тебя уже ничего не вмещается.

Я снова пихаю под подушку книгу и молча жду дальнейших событий. Сейчас я озадачен лишь одним моим «освобождением», меня не волнует даже, что в мастерских кого-нибудь из «чайников» посадят учиться за мою швейную машину и он ее обязательно «ушатает» за несколько часов, а отдуваться потом придется мне. Я жду, волнуясь все больше и больше.

Через пятнадцать минут крики и суета в коридоре стихают, и от непривычной для переполненного дурдома тишины я начинаю дремать.

Радиоприемник шуршит где-то наверху, замурованный глубоко в стене над дверным проемом, но это только подчеркивает тишину.

Внезапно железная дверь снова грохает, в проеме появляется санитар.

– Идем, – машет он мне рукой.

Я осторожно спускаю ноги с кровати и, пихнув их в растоптанные и оба на левую ногу шлепанцы, молча иду впереди него, по направлению, в котором он меня гонит, пытаюсь догадаться – куда? Тогда сразу станет понятно – для чего.

Отделение я знаю как свои пять пальцев, поэтому могу о целях догадываться по одному направлению: если при выходе из палаты вправо – там каптерка, ларек и процедура. Еще, вспоминаю, по дороге будет «душегубка», там где провинившихся вяжут и «воспитывают», но меня туда вроде как и не за что... А если есть «воспитательная» причина, явится обязательно толпа санитаров и ментов – они нападают только стайей, как волки.

Мы идем в сторону столовой, налево: как раз посередине этой дороги перекресток, и там все выяснится. Если на выход, через центральную дверь, тогда, значит, на свидание, а противоположный коридор ведет к ординаторскую. Поворачиваем в административное кры-

ло, а там врачи, и у меня сразу ёкает сердце. Санитар останавливает меня жестом и давит пальцем на кнопку звонка: на всех отделениях просто стучатся в кабинет к врачам, а в «электроцехе», как приколисты зовут седьмое, «все электрифицировано». Наверху, под самым потолком, жужжит видеокамера, с любопытством разглядывая нас своим стеклянным глазом, не переставая при этом хитро подмигивать какой-то фосфоресцирующей лампочкой.

Сейчас нас с санитаром разглядывает весь врачебный кабинет: Ангелина Ивановна, ординатор, Владимир Сергеевич, тоже ординатор, молодой, недавно поступивший в дурку врач, и Сам – начальник отделения, Олег Михалыч. Иногда шутники его называют Электро Михайлычем. Иногда, совсем распоясовшись, – Электриком.

Есть дурдома, где лечат «психотерапией»: говорят о чем-то, прочищают уши, пытаюсь тебя в чем-то убедить, словом, повлиять на твою голову, иногда отдельные энтузиасты лечат музыкой, и пусть это бред, но и вреда от этого тоже не бывает! Даже можно постебаться над такой медициной. И пожалеть, что таких очень мало, их почти не бывает, они как исключение, которое всегда подтверждает правило.

И существует «это исключение не для релаксации пациентов», а чтоб корреспондентов туда приглашать, для телевидения и проверяющих комиссий. И попасть туда лечиться – счастье!

Хуже, если попадаешь в обычную дурку, туда, где только мордуют, прессуют и бьют. Но и это не самый худший из вариантов. Потому что в каждом дурдоме есть новаторы и интеллектуалы из докторов, которые пытаются ввести в медицинскую практику что-нибудь диковинное. И вот если тебя определили к ним, к этим «новаторам и интеллектуалам из психиатрии», то тогда тебе крупно не повезло. Как с Олегом этим.

У него это страсть и хобби – собирать у себя на отделении все связанное с электричеством. Электрозамки, видеокамеры для наблюдения за пациентами, а чтобы лечить ненормальных – электросудорожная терапия организована. Везде, по всей больнице, куда ни кинь – дурдом как дурдом: вяжут, бьют и колят, а Олег у нас идет в ногу со временем – он электроцех организовал.

Он даже персонал к себе на отделение старается подобрать из тех, кто в прошлом как-то по работе с электроприборами был связан. Все зэки-санитары у него – либо бывшие телемастера, либо электрики пятого разряда, и не ниже: это он специально так подбирает, чтобы они ему все оборудование бесплатно чинили.

Наверху, над дверью, шипит динамик, и голос Электроника говорит скрипуче:

– Что вы встали-то? Входите! Я уже три раза замок открываю!

В дверях начинает нервно щелкать электроразомкатель.

Я, наверное, больной, потому что всего этого не понимаю: вот на фига ему электроразомкатель и видекамера в дурдоме?! Просто так, что ли, дверь не открыть, как все ненормальные люди?!

Говорят же – каждый психиатр по-своему с ума сходит!

Санитар тянет на себя дверь, и мы входим в святая святых отделения – главный пульт управления электроцеха!

Но мне сейчас не до шуток и стеба, мне интересно и страшно одновременно: чего это вдруг они меня сюда притащили?! Я ж не электрик, у меня к электричеству отношение с детства отрицательное: куда, бывало, не полезешь – обязательно шандарахнет. Один раз даже молния шаровая рядом со мной бабахнула. Электричество я не люблю и с детства боюсь. Но здороваюсь со всеми приветливо.

Все сразу подняли головы и уставились на меня оценивающими взглядами. Так мне, во всяком случае, кажется. Потому что они пялятся на меня словно три кота, из разных углов наблюдающих за испуганно бегающей по комнате мышью. За несколько лет дурдома у меня развилось это чувство опасности, когда ты ее видишь каким-то внутренним зрением, чувствуешь ее присутствие. Она здесь для меня сделалась почти материальной. Пусть это ненормально и даже начало сумасшествия, но я точно знаю, что опасность сейчас витает в воздухе надо мной где-то рядом. От этого предчувствия внутри у меня все шевелится от ужаса и на спине выступает холодный пот, сердце начинает учащенно стучать и пытается выскочить через рот – я слышу его в ушах, но виду не подаю и улыбаюсь всем присутствующим глупой улыбкой: они это любят.

По правую руку от меня – Ангелина, так сказать, мой лечащий врач. Прямо, по центру кабинета, как и положено, – Электробог. Я расстегнуто кручу головой и не знаю, к какому столу мне пристроится, кто пригласит: смотрят-то на меня все трое! Олег, видимо, мое состояние понимает и машет рукой отрицательно из стороны в сторону:

– Нет-нет, тебя терапевт вызывает, не мы!

Я поворачиваю голову и смотрю в угол, где сидит терапевт Иветта Павловна, боковым зрением наблюдая за действиями «котов»: они продолжают на меня пялиться, переглядываясь и словно облизываясь.

Я здороваюсь с Иветтой Павловной, молча устраиваясь на стуле напротив нее. И вдруг на меня словно с неба спускается прозрение и шепчет кто-то в уши: «Да тебя готовят на активное, друг ты мой!» И мысль эта звучит в голове как реальный голос.

Кому ж это тут неизвестно, что просто так терапевта в дурке никогда не вызывают, тем более что жалоб и просьб с моей стороны не было, да и наплевать им на чье-то здоровье. Терапевт вызывается только в двух случаях: когда тебе уже кранты и помогать поздно, но нужно осмотреть и направление к патологоанатому выписать и когда тебя готовят «на активное лечение».

Тут от обычного «лечения» плакать хочется и три раза в день пытаешься выплюнуть эти «колеса», а уж если речь заходит об активном – значит, тушите свет.

Конечно, терапевт без вызова – примета очень нехорошая, но зато полезная: туда, на активное, не пускают без его подписи, а значит, и осмотра: если кони пациент двинет, кто виноват? Терапевт, конечно, он же подписывал, не психиатр! Одному вон из третьей палаты пытались делать ЭСТ, так он после второго сеанса дышать перестал – едва откачали.

Поэтому визит терапевта без жалоб на здоровье – это как предупреждающий звонок в дверь: мы за тобой придем! Жди!

Я вздыхаю и задерживаю дыхание, стараясь себя успокоить: мне от терапевта помощи ждать не приходится, я здоров как бык и должен выдержать не один удар тока в бошку.

Вообще-то на «спеце» три вида «активного лечения»: ЭСТ, атропин и инсулин. Но инсулин – это уже прошлое психиатрии по сравнению с двумя первыми, и «лечит» он совсем «не активно»: так, помучают до комы несколько месяцев и отстанут...

Я незаметно верчусь на стуле и пытаюсь правильно оценить интерес к себе: кому из них я больше «симпатичен» и кто на меня пялится чаще – Олег или Ангелина? У них же разная специализация: Электро Михалыч – он, понятно, по электричеству больше, Ангелина ему только помогает в этом, а сама она предпочитает «лечить» атропином.

Я кошусь исподлобья и смотрю: если Олег на меня устремил свой взор и мне улыбается, значит, на электричество определяют, а если Ангелина – будут убивать атропином. Что лучше, я не знаю, но все равно ж интересно. А они словно понимают мое любопытство, и оба уже уперлись взглядом в свои бумаги.

Вспоминаю, как пару месяцев назад в газете кто-то из больных прочитал, что душманы в Афганистане колодцы атропином травят, и Ангелине, дур-рак, показал, а его за это на уколы, голубчика, на уколы, да на вязки и в надзорку, словно это он те колодцы травил, а не душманы! А газету тогда по всей больнице изъяли. Только что от этого изменилось? Атропин же не стал целебней: все стремятся как-то увернуться от него, пусть даже с ущербом для здоровья.

Как-то один гражданин под атропином не выдержал этой пытки и выколол себе оба глаза. Один-то ничего, успели спасти, а второй так и потерял. С тех пор для атропиновых организована специальная палата, она по режиму такая же, как надзорка, и там так же круглосуточный пост санитаров – чтобы лечение не саботировали!

А ЭСТ – чего-то, честно говоря, не помню, чтоб на него определили и вдруг – о чудо! – соображать человек начал лучше, вылечился! Что-то похожее, правда, в разговорах среди соседей я слышал, но это, скорее всего, был стеб. Если на мясокомбинатах скот электричеством убивают, как можно этим же электричеством лечить?! Просто у Олега большая фантазия. Обычно, после такого «курса» люди маму родную на свидании не узнают. Хотя это уже в прошлом и сейчас таких курьезов не бывает: всем, кто на «активном», свидания запрещены.

Ивета нудно расспрашивает меня о здоровье. Меня эти вопросы начинают злить: конечно, она знать и просчитать должна – сдохну я своей смертью через месяц после электричества или же сразу и «от». Если сразу, то это уже непорядок и «брак» в работе.

Я глубоко и с сожалением вздыхаю: да если б я к ее вопросам-то готов был, хотя бы за день или даже за пару часов мне бы об этом сказали! А так, без репетиции, на события влиять может лишь она.

Хотя, приходит в голову отрезвляющая мысль, разрешение или отказ терапевта – все это туфта и пустая формальность: в документах должна быть ее точка зрения «на эти вещи». Она ее так и изобразит, обтекаемо и двусмысленно, как все делается в дурдомах: Иветта хоть и терапевт, а работает в одном коллективе с психиатрами.

Но сразу я все равно не сдаюсь, стараясь вспомнить о своих болезнях, мнимых и реальных, пытаюсь изобразить все как можно серьезнее.

Ивета слушает мой пульс, меряет давление и заглядывает в рот, делая вид, что ищет у меня какие-то терапевтические проблемы, однако она уже ничего решить не может: если что-то психиатр задумал, так и будет! Но все равно я благодарен Иветте за ее визит-предупреждение.

Сейчас меня может спасти лишь случай и время: чего они там придумали-то?! Инсулиновой-то комы я не боюсь, а вот как бы чего другого не случилось...

Если это атропин, то времени, чтобы разрушить их планы, у меня еще достаточно, не день и не два, – крыша от него сползает начинает не сразу, а постепенно, в течение недели: там доза идет по нарастающей, и будет еще не одна возможность пихнуть им палку в колеса.

Но если Электро Михайлович положил на меня глаз, решив забрать к себе от Ангелины и быть моим «лечащим», то его, времени, у меня вообще нет: все может начаться через пятнадцать минут!

И одного удара тока в бошку хватит, чтобы съехать с рельс сразу.

Я застегиваю на пуговицы пиджак и пытаюсь изобразить глупую рожу, что тоже в таких ситуациях важно: я ничего не понял, а им от моей глупости делается спокойней.

– Ну все, – говорит Иветта. – Ты свободен.

Санитар тут же цепко хватает меня за рукав и тянет к двери, вопросительно-молча глядя на Олега: куда его? У них тут всё на жестах и на пантомимах – чтобы пациент ничего не понял. А для меня сейчас понять все очень важно: куда меня – в атропиновую, в надзорку или в свою палату?

Словно услышав этот вопрос, Олег встает со своего места и, подойдя, берет меня под руку, пытаюсь поймать мой взгляд, спрашивает вежливым и участливым голосом:

– Как у тебя дела на работе?

Я что-то отвечаю и даже улыбаюсь, пытаюсь спрятать от него глаза, в которых он прочтет все, но душа у меня в пятках – есть же на отделении такая примета: Олег подходит, берет под руку и здоровьем интересуется – будут лечить методами Олега.

Бляха муха, а может, я потому электричества с детства не люблю, что у меня карма такая и на роду это написано – сгореть в электричестве или погибнуть от шаровой молнии?! А я чувствую свою судьбу?

Спросить бы об этом у Олега напрямую, так ведь за вопрос такой в надзорку загонит и заколет, а током потом добьет. Поэтому я улыбаюсь, как идиот, и молчу.

Видимо, это успокаивает его, и он машет санитару рукой:

– В палату его.

Санитар смотрит вопрошающе: в какую?

– В свою, – уточняет Олег.

Мы идем по коридору, а у меня внутри все сжалось в ожидании: может, я чего-то не понял и ведут в надзорку?! Но санитар поворачивает в нужном мне направлении и, повозившись с замком, молча впускает внутрь.

Я захожу и ложусь на свою кровать, закинув руки за голову.

Все отделение на работе, поэтому стоит непривычная и даже жуткая тишина.

Лишь иногда доносятся звонки трамваев, они гремят где-то там, у Финляндского вокзала, – даже трамваи обходят стороной Арсеналку,

не только люди. Говорят, коренные ленинградцы тут не работают, не смотря на большую зарплату и льготы.

Я закуриваю и вздыхаю, стараясь себя успокоить: мне нужно быть сейчас спокойным и хладнокровным. Я уже все в кабинете для себя решил.

Но у меня только два-три часа на все про все: «чтобы подготовить инструмент и сделать операцию». Если за это время я не успею и придут с работы соседи по палате, нужно будет отложить акцию до отбоя, и делать все ночью, в темноте...

К тому же для успешной операции необходимо иметь хорошее освещение – это вам любой хирург скажет! А самое главное, что меня подстегивает и торопит, – до отбоя все может измениться тысячу раз: сейчас вызовут в сопровождении санитаров в процедурку: «Укольчик!»

А там такой «укольчик», что слон упадет! И все, после «укольчика» возможностей уже не представится: пока ты без сознания, положат на свою знаменитую лавку, пристегнут ремнями, подсоединят к бошке провода – и привет родителям: очнешься уже дураком!

Я тушу окурок и, притворяясь, что вожусь с тапочкой, выковыриваю из половой щели замаскированный пластилином здоровенный заточенный гвоздь на сотку или сто двадцать – мою единственную сейчас надежду. Я его месяца три тому назад на работе случайно нашел, в перерыве на улице, очистил от ржавчины и заточил на своей швейной машине. Делов-то: к барабану шкурку приклеил и включил на пять минут!

Беру на колени книгу и, делая вид, что читаю, кладу на нее «инструмент», ощупываю и рассматриваю его со всех сторон внимательно.

Туповат, вздыхаю я с сожалением, и угол заточки не тот, «не по инструкции»: этот гвоздь будет входить в тело тяжело и с болью, но я ж не знал, что все так срочно понадобится! Я б его направил на швейной машине так, как это нужно, а сейчас паровоз уже ушел! Если начну точить у входа на бетонном полу – сразу услышат: на отделении стоит тишина. Санитар войдет и обязательно следы заметит.

Да и маловат, конечно, продолжаю размышлять я, оглаживая свою «штуковину». Сто двадцать миллиметров – это на первый взгляд много, но нужна же еще и рукоятка или что-то, ее напоминающее. Я смотрю на окно в двери и отрываю от своей простыни кусок ткани – тот, что со швом, он поплотнее. Наматываю его на шляпку гвоздя и закрепляю, насколько это возможно. Потом оцениваю еще разглядываю со всех сторон и меряю по кулаку – почти насквозь!

Сейчас я должен этот «инструмент» точно под сердце загнать, как Анисим тогда, когда с атропина сорвался. Выше-то нельзя – жить-то

хочется. Очень низко – это еще опасней: лечить за это будут электричеством и атропином. Вперемежку. А выкалывать глаза себе я не хочу: что я совсем ненормальный, что ли?!

Я этот гвоздик аккуратненько так помещу, на самой границе сердца – не выше и не ниже! Как ювелир. Меня сам Анисим консультировал.

Снимаю с себя нателную рубашку и, надев пижамную куртку на голое тело, сажусь спиной к двери – так чтобы они с коридора меня сидящим сзади видели. И начинаю прощупывать у себя между ребрами слева. В последний момент я хихикаю от мысли, что вся операция проводится в «таких антисанитарных условиях и без анестезии». Но успокаиваю себя тем, что инфекция для меня сегодня – это не самый большой враг.

«А вообще где оно, сердце-то? – бормочу я себе под нос. – Это, скажете, любой двоечник знает: с левой стороны, конечно, между пятым и шестым ребром... Хотя это уже не из школьной программы».

Так, сюда, под сосок, под сосок, чуть ниже, так тогда Анисим советовал...

Набрав полную грудь воздуха и задержав дыхание, бью по шляпке гвоздя правой рукой, которая почему-то в последний момент отказывается делать это!

Я с шумом выпускаю из себя воздух. Фу-у! И снова глубоко вздыхаю и, закрыв глаза и сжав губы, бью по гвоздю.

Все-таки, наверное, поставил Бог в человека какой-то предохранитель: не так это просто – самому себе вогнать гвоздь под сердце, да еще не зная точно – туда ли? И наверное, не каждый это может...

Ну, резче, резче! Пошел! Пош...ш...ш...

Сознание уплывало куда-то, проваливаясь и унося в какую-то бездну, из которой кто-то кричал навстречу испуганно:

– Подушку!!! Кислородную подушку!!! – и бил по щекам.

Он хотел встать и бежать прочь от этого страшного крика, но почему-то не смог даже пошевелиться.

Но вот носилки поднялись сами и, покачиваясь, понесли его из палаты, и в такт этим покачиваниям, словно танцуя, в душе все ликовало и пело: «Ушёл! Ушёл!! Уш-ё-ё-ёл!!!»

Александр Хныков

После зоны

Холодные зори

Никто, видимо, не знает, как хороши холодные зори, когда дышится свободно, как это знает человек, который после зоны снова оказался в родных краях. Опьяняющий воздух ранней осени, в которой очарование еще не угасло, конечно, будоражит воображение. Хочется какой-то романтики. Но останавливает горький опыт, и сиделый человек старается свое поведение соблюдать, чтобы, не дай бог, не влипнуть в непонятку.

А непонятка – она ведь всегда рядом. Это и молодежь, которую спяну тянет на подвиги. И конечно, пристальное внимание местных ментов всегда настораживает. Мол, знай свое место. Поэтому вел себя в кинотеатре Андрюха тихо-тихо. Сидел, почти вжавшись в кресло, и замечал с удивлением, что вокруг молодежь, будто из другого города. А вернее, будто он сам в другом городе – не в родном.

Вышел Андрюха просто развеяться. И хотелось ему с кем-то познакомиться. Почувствовать на себе взгляд женщины, улыбку ее увидеть, услышать смех. Ведь то, что для человека вольного обычно, для того, кто только вчера вышел на волю, весьма удивительно и трогательно.

Андрей был аккуратно подстрижен и одет чисто, хотя, видимо, и не по последнему крику моды здешней. Но даже не это его останавливало, а останавливало нечто иное – робость. Ведь отвык он за четыре года колонии от всего этого вольного блаженства.

На экране текла жизнь. И как не может зритель войти в действие картины, так и Андрей не мог почувствовать себя раскованно в кинозале. Сидел тихо-тихо весь сеанс, а когда закончился этот фильм про любовь, то вышел он на улицу и пошел к своему дому.

Оказалось, не так и много надо для вчерашнего зэка, чтобы почувствовать зов жизни. Вот этот воздух... прохладный с ветерком... вот эта улица тенистая и уже полусонная. Шагал Андрей, будто торопился куда-то, хотя и понимал, что спешить-то не надо. А надо наслаждаться этой жизнью.

Клоун

Непонятность этой жизни всегда озадачивала Валерку. Вот и сейчас он, идя по знакомой улице, на которой не был несколько лет – сидел на зоне за кражу, пытался как-то настроиться на добродушный лад, а не получалось. Какие-то обидки из прошлого, даже негодование, когда эти обидки как-то подтверждались его представлениями-понятиями, не давали покоя. Хотя сегодня-то он должен был бы радоваться. Ведь договорился вчера с бывшей женой Ленкой, что разрешит она ему прийти-посмотреть на Кольку – его сына – пообщаться.

В памяти Валерки Колька был всегда радостным пятном. И на зоне с гордостью говорил он сидельцам, что у него есть Колька, и Валерку терпигорцы понимали. Один из них – скуластый Миха, обычно хмурый, строгий мужик, вырезавший искусно из дерева чертят, даже улыбнулся и предложил что-нибудь вырезать для Кольки – в подарок. И когда Валерка нахмурился, думая, что Миха хитро шутит, тот объяснил, что он вырежет веселого клоуна.

Этого-то клоуна, небольшого, с улыбкой деревянной, и нес за пазухой Валерка, идя к сыну. Дом, где проживала Ленка с его сыном Колькой и пожилой своей матерью, стоял на окраине их небольшого городка. К нему вела неширокая улица с побитым асфальтом, по которой иногда неторопливо проезжали старенькие автомобили. Была осень. Не та, дождливая, а тихая. Листья уже лежали на земле ковром. Приятно было вдыхать свежий воздух.

Валерка толкнул податливо скрипнувшую калитку и вошел во двор. Где-то в глубине груди что-то предательски защемило...

Колька подросток. Был щуплый и настороженный. Приняв подарок от отца, с восхищением рассматривал искусную поделку. Радость мальчика подсказала Валерке какие-то добрые слова, и он как-то впопыхах их еле слышно произнес.

Говорили о чем-то с Ленкой. Но Валерка все время смотрел на сына. Будто что-то нехорошее подсказывало ему: смотри, Валерка, запоминай...

В тот вечер у местной пивнушки произошла драка, и Валерка за оскорбление, возмущенный и в разуме, затуманенном спиртным, но-

жиком порезал крупного мужика. И тут вроде бы разом ушедший хмель подсказал ему, что надо как-то сглаживать ситуацию. Да не успел. Приехала дежурная машина полиции. Видимо, из пивнушки позвонили. И Валерку задержали.

Трава-мурава

За это лето русло реки заметно изменилось. Берега, заросшие диким кустарником, оставались, впрочем, по-прежнему тенистыми. Только сама река обмелела. В этих местах он не был несколько лет. Но в этом городке, на берегу русской речушки, прошло его детство. Найдя укромное место возле самой воды, он быстро разделся, вошел в студеную воду. Удивительно, но, несмотря на жаркое лето, вода напоминала воду родниковую. Течение на мелководье было очень быстрым. Ноги приятно холодило. То и дело всплескивала рыбка, радуясь солнцу. Жар быстро отошел – дорожный жар. Накупавшись вдоволь, он, радостный, вышел на берег. Лег на зеленую, даже неестественно зеленую, траву. Ни единого камушка! Трава была прогретая, мягкая, душистая. Так пахла трава здесь, когда он был мальчишкой. Как-то незаметно он задремал, заботы отходили прочь. Трава-мурава убаюкивала, заставляла наслаждаться жизнью, как в детстве. Будут ли еще такие счастливые минуты? Он лежал на спине и улыбался. И улыбку эту видел только одинокий ястреб, паривший над заливными лугами, выискивая добычу возле реки. Река собирала всю природную живность возле себя. Здесь была жизнь. Здесь природа еще чувствовала себя победительницей. Так и лежал он, наслаждаясь жизнью. Но уже тянуло от покоя к каким-то делам, не таким уж и важным, как казалось на первый взгляд. Все-таки отвыкает человек от беспечного покоя.

Митяй

Автобус катил и катил по утренней дороге. Митяй был пожилым человеком. Но приятели по-прежнему называли его вот так – Митяй. Как-то парадоксально течет время для тех, кто сидит. Они будто бы и выходят такими же в мыслях своих и представлениях о жизни вообще – после зоны.

Митяй был именно таким человеком. Оказываясь вне колючки, он вновь удивлялся и радовался жизни, как подросток. Вот и к автобусам уже привык. Радостно, когда бесконечная воля пробегает перед глазами. Это тебе не через дверку автозака кусочки воли видеть...

Митяй мог себе позволить ездить и на хорошей машине. В своей среде он был известен и уважаем.

Автобус был полупуст. На соседнем сиденье сидела заспанная молодуха с совсем маленьким спящим ребенком. Чуть впереди – пара бабок, рассуждающих о ценах на базаре. Кто-то еще... А сзади гужевали едва похмелившиеся мужики, охая от собственных вчерашних подвигов в громком пересказе...

Где-то в середине пути они совсем отдурачились и стали было приставать к молодухе. Митяй изумился: привык он в разуме своем, что женщина с ребенком – это святое, и заерзал на сиденье, чувствуя, что гнев клокочущей массой подбирается к груди.

Мужчины отошли. Но затем один из них, невысокий, прыщавый, с какой-то неестественной бледностью на лице, попытался присесть на сиденье к женщине.

Митяй тихо сказал:

– Обормот.

Мужчина насторожился. Косо взглянул на худенького старичка в аккуратном костюме. И продолжал что-то бубнить попутчице.

Митяй ехал на важную встречу, и в его планы не входило опаздывать. Но злоба все росла и росла в нем, как снежный ком, когда детишки лепят снеговика по первому снежку.

Сотовый телефон лежал у него в кармане. И по необходимости он отвечал на звонки, но, честно сказать, так и не привык к нему: в глубине сознания сидела мысль о прослушке.

– Отошел бы ты, паренек, от нее. Видишь – с ребенком, – глухо, как пономарь, пробормотал Митяй.

Внутренне он напрягся – понимал, что дальнейшие события не сулят ничего хорошего.

Интуиция всегда выручала его, и сейчас она говорила ему: замись, пустяк ведь. Но тоже подсознательное чувство говорило ему, что это вряд ли удастся. Зазвонил мелодично телефон. Митяй не ответил – не было возможности. Негодяй схватил его за ворот пиджака и шептал что-то обидное.

– Едем навстречу, – сказал крепкого сложения парень. – Митяй мне обязательно ответил бы.

– Может, заснул старик... – увлеченно думая о чем-то своем, произнес его напарник.

– Нет. Он ответил бы.

Когда два джипа выехали на встречу, чтобы автобус не проскочил мимо, Митяй уже ловко отбивался от пьяных мужиков. Водитель, на-

блюдавший за происходящим, притормаживал резко, когда хулиганы бросались на старика, и этим давал ему фору.

...Вломившиеся с салон автобуса здоровенные парни буквально снесли со своего пути всех дерущихся. Досталось ненароком и Митяю. Завалившись на сиденье, он в сердцах вымолвил:

– Ну и здоров ты, Кирюха. Всю ногу отдалвил.

Через пару минут автобус поехал дальше по своему маршруту. Сгрудившиеся у обочины мужчины, недавно нападавшие на Митяю, оглушенные неожиданным поворотом событий, затихли.

– Пусть пешком идут, – сказал Митяй.

Машины тоже уехали.

В одной из них шел неторопливый разговор.

– Говорили же тебе, Митяй, езжай на машине, – скороговоркой пробурчал Кирилл, высокий мужчина со светлыми волосами и шрамом у самой шеи.

– Так кто ж знал, – отвечал Митяй. – Опасные люди...

Картошка

Заспанный гаишник, вышедший из помещения поста, лениво поглядывал на проскочившие по дороге две темно-синие бээвэшки, как будто сошедшие с обложки журнала про автомобили.

В одной из них мурлыкала какая-то приבלатненная мелодия. Рядом с водителем сидел коротко стриженный худой мужчина в джинсовом костюме. Лихорадочно жевал жвачку. Наконец аккуратно вытащил ее изо рта и, обернувшись назад, негромко спросил:

– Что на ночь глядя-то вызвали, отец?

– Не знаю, не знаю, – тоже негромко, ответил седой старик. Поправил на носу вызолоченную оправу очков. – Ты лучше слушай музыку, Борис.

Он явно не хотел продолжения беседы. И закрыл глаза. Но если удалось уйти от тьмы внутри машины, то тьма, окружавшая его мысли, только сгущалась. Ощущение тревоги, такое привычное в последнее время, накатило, как морская волна на пустынный берег. Неумолимая волна. Вопрос сына только подстегнул воображение...

Трасса шла и шла среди равнинных пространств. Но вот вдали замельтешили редкие огоньки. Они точно звали к себе своим молчаливым светом.

– Сергей, ты бы скорость сбавил. Не на пожар, – тихо пробормотал старик.

Но водитель услышал и согласно сказал:

– Эти селяне к вечеру уже того. Гляди, и на дорогу побредут...

Но не найдя поддержки, как ему казалось, остроумному замечанию, умолк. И молчал, будто воды в рот набрал.

...Передняя машина, в которой сидел старик, едва не сбила выходящего к дороге мужчину. Он был уже на обочине, когда завизжали тормоза...

Незнакомец не выглядел испуганным. Не слушая ругань, стоял себе и стоял, будто ни в чем не бывало. На прежнем месте.

Старик тоже вышел из машины и, подслеповато щурясь, вдруг громко сказал:

– Никита, бродяга!

Подошел к мужчине, сутулившемуся будто от какой-то своей невидимой ноши. Они поздоровались.

– Что же ты тут по ночам-то бродишь, братан? – спросил дружелюбно старик.

– Да собачка убежала. Ищу, – виновато улыбнулся вышедший к дороге оборванец.

– Собачку, – умилился почти искренне старик. – И что, нашел?

Они молча рассматривали друг друга на глазах изумленной молодежи.

Отошли в сторонку. О чем-то говорили.

– Ну и нашел ты тут покой, Никита? – пылливо спрашивал старик.

– Я тут волю нашел. Красота... – негромко говорил Никита.

Старик его слушал.

– Я часто вспоминаю наши споры на зоне, – сказал вдруг жестко старик. – Умный ведь ты! Почему же в этой глуши...

– Не умнее, видимо, других, – мягко пытался отговориться Никита.

– Может, к нам? Приоденем, то-се, – вдруг радостно позвал старик.

– Да не привык я подчиняться, – стал оправдываться Никита – Одному-то веселее...

Осталась позади деревня. Остался позади и одинокий человек у обочины, проводивший взглядом исчезающие, точно мираж, машины.

О чем он думал в эти минуты? Жалел ли, что отказался от неожиданного заманчивого предложения? Невозможно было понять в надвигающихся душевных сумерках. Скрывали они лицо человека с упрямо сжатыми губами.

– Кто это был, отец? – не выдержав, поинтересовался сын.

– Да Никита, – неожиданно дружелюбно откликнулся старик. – Были мы в одном отряде, на строгом режиме. Философ! А вот я так и не спросил, счастлив ли он?

Замолчали. Только гул мотора, как назойливое жужжание пчелы, пел и пел свою песню, тоскливую и долгую.

– А знаешь, Борис, говорил Никита, что все надо делать с душой! Может, поэтому у него такая жареная картошка всегда классная получалась! – сказал отец, глядя на сына.

Тот его то ли не расслышал, то ли были заняты чем-то другим его мысли. Не отозвался. А водитель молчал. Оставляя старика наедине с его невеселыми, рвущимися на свободу мыслями.

Дипломат

Отель блестел начищенным полом, ярким подвесным потолком. И от этого утреннего блеска еще сильнее болела голова, но Яков Аркадьевич не желал похмеляться, поскольку привычка эта у него сохранилась еще со службы в КГБ. Тем самым он как бы убеждал себя, что он не пьяница и всегда сам может завязать. Но завязать все же не удалось. Развалилась семья. И только помощь друзей по бывшей службе позволяла как-то держаться на плаву и даже один разок в год выбираться вот в такой уютный мир в приморском городе.

Вчерашний вечер припоминался ясно, но до определенного момента. Потом обрывки... Какое-то веселье в баре, какие-то женщины. Ссора и почти избиение... Откуда взялись несколько парней в костюмах, что отогнали от него этих негодяев?... Голова отказывалась давать ответы. И кофе не помогал.

Яков Аркадьевич, ссутулившись в кресле, попил кофе. Бар был небольшим и уютным.

Потом Яков Аркадьевич увидел в холле нескольких человек. И сразу узнал. Это были его вчерашние неожиданные помощники. Чувство благодарности колыхнулось в груди у Якова Аркадьевича. Он торопливо поднялся из кресла и, подслеповато шурясь и сутулясь, направился к парням. Но один из них, заметив его движение, резко сам подошел к нему и остановил:

– Минуточку!

Яков Аркадьевич понял, что это охрана. Он подумал, что увидит сейчас какого-нибудь заводчика с девкой, и уже злоба подступила к его груди.

Но в холл вышел невысокого роста опрятный мужчина. И очень так спокойно поглядел на Якова Аркадьевича, даже улыбнулся, показывая безупречно белые зубы.

И Яков Аркадьевич, пытливо его оглядывая, не мог понять, кто это, но явно ведь видел его где-то... Может, из бывших коллег – из комитета, или из бизнеса...

Но что-то подсказывало: не то, все не то...

И только когда мужчина вместе с охраной скрылся, точно растворившись за дверями отеля, Яков Аркадьевич вдруг вспомнил...

Он по-прежнему сидел за столиком и молча, глоток за глотком, пил кофе.

...Не часто в колонию строгого режима вызывали сотрудники колонии коллег из КГБ. Но тут – вызвали. Яков Аркадьевич приехал. Ему отдали какую-то помятую тетрадь.

– Антисоветчина, – дыша перегаром, сказал опер из зоны. Сидя в уютном кабинете, Яков Аркадьевич, тогда молодежавый щеголь, сначала пренебрежительно, а потом все внимательнее и внимательнее читал эту фантастическую историю о падении режима на какой-то планете, причем ясно было, что описан социалистический строй.

...Привели невысокого зэка. Убеждая, Яков Аркадьевич стал говорить о великой русской классической литературе... Зэк внимательно слушал, а потом спокойным голосом целый час объяснял Якову Аркадьевичу, как будет распадаться этот строй.

Логика зэка была безукоризненной. Яков Аркадьевич зачем-то подошел к своему дипломату и, вытащив пачку чая, почти машинально подал зэку.

– Не-е, – протянул тот. – Сами понимаете, из штаба с чаем... не, лучше заварите.

И Яков Аркадьевич заварил в чайнике эту пачку пахучего индийского чая.

Зэк налил из чайника в стакан ядреного чаю и не спеша весь его выпил.

...Когда его увели, Яков Аркадьевич, свернув в трубочку тетрадь зэка, спросил у опера из колонии, пришедшего в кабинет:

– Что за зэк?

– Кличка – Дипломат, – буркнул опер. – На зоне к нему прислушиваются. Не знаем, что делать. За два года уже три зоны он поменял.

– А если...

Яков Аркадьевич многозначительно помолчал.

– В буре он имеет связь с зоной, – пояснил опер. – А прессовать – так зона молчать не будет.

...Яков Аркадьевич допил кофе. Вот, оказывается, кто его вчера выручил. Пути человеческие часто неисповедимы.

Дом на окраине

Ощущение бренности мира настагает особенно тогда, когда приезжаешь в маленький городок, где когда-то жил, и где знакомы тебе улочки, изменившиеся очень сильно, и где люди, пусть и незнакомые, но в лицо-то ты их помнишь, а когда видишь теперь, то едва узнаешь. Избегать своих следов время никому не дает шанса. Карпов шел по длинной тихой улочке и подмечал, что некоторые дома совсем скособочились, а на иных местах выросли высокие заборы, а за ними однообразные каменные громадины с блестящими крышами. Это однообразие, даже ухоженное, только утомляло зрение и подчеркивало окружающий распад.

Когда-то с этим местом в судьбе Александра – сорокалетнего человека, одетого по-походному, но аккуратно, – были связаны многие переживания и страсти. Но все это теперь вряд ли сильно его тревожило. Только отдавалось едва в груди назойливо, как маленькая заноза в пальце, которую трудно вытащить.

Странно как-то выглядели покосившиеся дома, знавшие его совсем молодым. Вот и его домик, забор, заросший репейником. Крыша уже провалилась. Не хотелось даже стоять здесь. Но остановился человек, постоял немного, точно передыхая, и пошел прочь.

Эдуард Михайлов

Метаморфозы

Это было в лихие 90-е, когда я с двумя приятелями колесил в стареньком, но шустром BMW по дорогам средней полосы обновленной России, решая какие-то актуальные тогда для нас проблемы. Небольшой городок, в который мы заехали на ночь глядя, должен был стать для нас временным пристанищем, таким караван-сараем, где мы могли бы отдохнуть, привести себя, потрепанных трассой, в порядок и, пополнив запасы провианта, двинуться дальше. Вдоль пригородного шоссе, чуть поодаль, горел цепочкой огней периметр запретной зоны, и, глядя в окно, я вспоминал, как лет десять назад меня завозили сюда на короткое время. Тогда, после дикой по своей дерзости массовой голодовки в одном из сибирских лагерей, нас, человек тридцать, развезли по разным областям, и на мою долю выпала вот эта самая зона, которая сейчас горела своими огнями в ночи, словно дантово пекло.

Бывалый поймет те чувства, которые переживаются на свободе при виде любого лагеря, но именно та зона, где самому когда-то приходилось бывать, действует на человека по-особенному. Зона была специфической, для наркоманов, и, поскольку я отбывал срок совсем по иным делам, туда меня привезли лишь на время и в порядке исключения. Это был не обычный лагерь, коих, несмотря на молодой возраст, я уже повидал немало, это было НЕЧТО. Станный, собранный со всех уголков страны народ жил здесь по каким-то немислимым правилам: ни лидеров, ни понятий, ни теплоты отношений... Почти тысячеголовое стадо одиночек варилось в котле всеобщего отчуждения, полнейшего взаимного недоверия и какого-то циничного сарказма по отношению друг к другу. За короткое время моего там нахождения я ни разу не увидел элементарных дружеских отношений между этими инопланетянами, и даже обычные задушевные беседы воспринимались как нечто дикое и чуждое. Все разговоры этих людей сводились к жратве и

наркотикам. Местные не сидели здесь и весь контингент был издалека, что очевидно сказывалось на отсутствии всеобщей сытости. Здесь я узнал, что такое лишенный наркотиков, свободы, да к тому же еще и вечно голодающий наркоман. Отношение администрации к этим людям было не то чтобы особенно жестким. Оно было откровенно ненавистным, я бы даже сказал – с оттенком такой устоявшейся и возведенной в крайнюю степень брезгливости. Самое страшное, что больше всего поразило меня, – это полное отсутствие воли контингента к возмущению и протесту.

Тяжело дались мне два проведенных там месяца. Единственного оставшегося в памяти человека из той зоны звали Сергей. По возрасту он годился мне в отцы и был по происхождению бакинским армянином, цеховиком-сапожником, попавшим сюда либо по недоразумению, либо по чьим-то «туманным соображениям». Он был хорошего воспитания, и, несмотря на огромное расстояние, его регулярно навещали бесчисленные родственники, что давало Сергею возможность жить обособленно и независимо. Мы быстро познакомились и подружились с этим человеком, у которого было большое (как у большинства армян) сердце. От него я узнал много интересного об истории армянского народа, о его духовности, грамоте и пережитом геноциде, и это были на редкость замечательные по своей атмосфере моменты. Администрация относилась к нему сдержанно, как, собственно, и ко всем тем немногим зэкам, включая меня, которые не были наркоманами по приговору суда. Это особенно было заметно по контрасту, и я не раз ловил себя на мысли, что общее безволие и инертность этой странной массы и породили подобное к ней отношение.

Один из ДПНК, средних лет майор, с крепкой, как у быка, статью, искренне считал понятия «наркоман» и «пидор» синонимами. Прозвище Ганс он получил за сходство с экранном персонажем фашиста, и поведение его соответствовало этому образу на все сто процентов. Наркоманов он ненавидел всем нутром и считал их чуть ли не личными врагами, называя не иначе как «наркопидоры». Подобное поведение можно было назвать типичным для всех сотрудников зоны, однако Ганс в своей «классовой» ненависти был на шаг впереди.

Однажды мы с Сергеем проходили мимо столовой и оказались невольными свидетелями такой сцены: пообедавшие зэки выходили из столовой, а на улице их встречал Ганс, заставлял распахивать телогрейки (стояли зимние морозы) и каждого неспешно обыскивал. Мальчишка, ростом в полтора метра, очевидно навсегда остановившийся в развитии еще в школе, расстегнул бушлат перед Гансом, и тот, тщательно

ощупывая его, вынул из-за пояса пацана спрятанную пайку. Молодой наркоман стоял как в ступоре, боясь даже взглянуть на майора.

– Как дать бы тебе по тычке, чтобы все маковые головки из жопы разом высыпались! – Ганс замахнулся на пацана зажатой в огромном кулачище горбушкой, отчего последний инстинктивно сократился и отпрянул в сторону.

– Марш назад, наркопедрила, пока я тебя не накормил здесь до поноса! – с этими словами Ганс бросил пайку в пацана. Тот поймал ее на лету, но как-то неловко, и хлеб выпал из дрожащих рук в снег. Быстро подняв его, молодой наркоман испуганно нырнул обратно в столовую, а Ганс уже принялся за другого.

– Не слишком ли ты строг, начальник? – легким, полуироничным тоном сказал Сергей, обращаясь к Гансу. И по-человечески, просто и с долей укоризны, добавил:

– Он молодой ведь еще, тебе в сыновья годится, а ты так с ним...

Седая голова Сергея внушала почтение, опрятность вкупе с интеллигентной речью тоже заставляли прислушиваться к нему даже Ганса. Майор повернулся в нашу сторону и сказал:

– Если у меня такой сын будет, я на собственном шланге удавлюсь! – При этом Ганс ухватил ладонью галифе в области мошонки и демонстративно потряс ею. – Тебе это надо, армян? Иди куда шел, – добавил майор и продолжил обыск выходящих из столовой вражин.

Я молча слушал этот короткий диалог, и мне было очевидно, что разговаривать с этим вертухом в принципе не о чем.

– Пойдем, – потянул я Сергея за рукав, и мы удалились.

Как же довели себя и свой быт эти люди до такой степени?.. Какие критерии объединили их в общем безволии?.. Эти вопросы мучили меня постоянно, и как рад был я моменту, когда меня вновь заказали на этап. И вот десять лет спустя я по воле случая оказался в этом месте, но уже по другую сторону забора.

В поселке одинокие прохожие показали нам, как проехать к единственной в округе гостинице, которая оказалась вполне приличным местом для ночлега. Двухэтажное здание было окружено высоким железным забором, с настееж открытыми воротами, а во дворе стояли несколько иномарок. Из горящего светом окна второго этажа нас разглядывало несколько человек с бильярдными киями в руках. Двери в коридор первого этажа оказались заперты, и мы поднялись наверх, очень скоро поняв, что это здание служит еще и офисом для местных авторитетов. В большом зале с бильярдным столом, баром и мягкой мебелью нас встретили человек пять крепких парней. Сдержанно по-

здоровавшись, мы объяснили, что путь наш лежит далеко на север и мы ищем место для ночлега и отдыха. Один из ребят, сказал нам, что гостиница расположена этажом ниже, но девушка-администратор по имени Леночка будет только утром, поскольку номера пусты. Нечасты клиенты в этой глуши. Мы уже собрались было уходить, когда самый взрослый, до этого внимательно присматривающийся к нам, сказал молодому:

– Открой номера, пусть люди отдыхают, а утром Леночка разберется с формальностями.

Весьма довольные таким оборотом, мы последовали за молодым парнем вниз по лестнице и уже вскоре разместились в приличном люксе. Мои спутники, утомленные многодневной дорогой, уснули едва коснувшись головой подушки, а я, выспавшись накануне в машине, принял душ, походил по пустынному коридору и, не найдя чем себя занять, поднялся наверх.

Один парень, оставшийся к тому времени в зале, гонял шары, маясь от безделья, и я составил ему компанию, сыграв с ним несколько партий в «американку». Разговорившись с ним, я узнал, что Виталик (так звали парня) является другом и близко связан с местным «смотрящим» в городке, который был тогда в отъезде. Сам Виталик никогда не привлекался к уголовной ответственности, был спортсменом и недавно поступил на вечернее отделение какого-то вуза, дабы откосить от армии. Рациональный ум, скромные манеры, ненавязчивая точка зрения и сильная внутренняя самодисциплина – таков краткий портрет Виталика. Сидя в беседке под раскидистым деревом, мы неспешно общались, вдыхая прохладный воздух летней ночи, и Виталику интересны были новости происходящих в Москве событий, откуда мы и начали свое движение на север. Завязался ничего не значащий разговор двух людей, которые завтра расстанутся и уже никогда не встретятся в жизни. Мне стало интересно, чем живет сейчас лагерь, где я был когда-то, и я рассказал Виталику о происходившем там десять лет назад. Оказалось, Виталик хорошо осведомлен был о текущих событиях в зоне и сам занимался вопросами доставки туда материальной помощи в рамках общаковского движения. От него я узнал, что положение в зоне с тех пор изменилось в лучшую сторону и сейчас там даже есть смотрящий, некий молодой грузин.

– Наркота только занимает много места в их жизни... А так вроде нормально живут, – говорил Виталик, и чувствовалось, что у него было свое, ненавязчивое, но явно отрицательное отношение к «отраве». Я был с ним полностью солидарен в этом вопросе, потому как вместе с

демократией в страну прошло такое огромное количество наркоты, что любой здравый человек понимал это не иначе, как угрозу нации. Тем временем к офису подъехала «восьмерка», вышедший из нее парень в спортивном костюме поздоровался со мной и отозвал Виталика в сторону. Со стороны я наблюдал, как Виталик с кислым выражением лица вертел в руках небольшой сверток, потом отдал его назад приехавшему парню, сказал пару слов и вернулся ко мне. «Восьмерка» уехала.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, грустно улыбаясь, – помяни лихо, и оно появится. От грузина-смотряги мак сухой привезли. Отправил к нарикам нашим, чтобы сварили раствор.

Виталик погрузился в свои размышления.

– Пойдем еще пару партий сыграем, – предложил я, увлекая Виталика наверх.

Минут сорок погоняли шары, и, поглядев на часы, он сказал:

– Домой пора, да и нарики, наверное, сварили уже раствор для зоны, заберу по дороге. Проколят ведь, лупи их потом, как сраных котов.

Он улыбался как ребенок, что свойственно только спортсменам. Усталость не приходила ко мне, и перспектива остаться наедине с пожилым сторожем становилась очевидной. Желая продлить время общения с Виталиком, я вызвался проводить его, и, пройдя пару кварталов, мы подошли к пятиэтажке, где жили упомянутые им наркоманы. На звонок в квартиру пятого этажа дверь открыл молодой парень лет 18–19, предварительно осмотрев нас в глазок.

– Заканчиваю уже. Минут пятнадцать осталось. Зайдешь? – спросил он Виталика. Тот, недовольно глянув на часы, кивнул мне головой, и мы вошли в темную прихожую.

– Не разувайтесь, – сказал, запирая замок, парень, по всей видимости, хозяин квартиры, и последовал на кухню. В нос ударил кислый запах уксусного ангидрида вперемешку с растворителем. На кухонном столе лежали шприцы, ватные тампоны и пузырьки всевозможной величины. Под раковиной виднелась мясорубка со следами маковой пыли, стояли бутылки с зеленой жидкостью, тазики, марлевые лохмотья и прочая наркоманская утварь. Мы с Виталиком разместились на табуретах по краям стола и молча смотрели, как хозяин квартиры колдует с эмалированным ковшиком, стоя у газовой конфорки. Он был сосредоточен и не обращал на нас никакого внимания, постоянно шмыгая носом. Его ломало как собаку, это было видно даже неспециалисту. Дверь кухни была закрыта изнутри на щеколду, и от этого дышать было еще труднее. Казалось, будто стены были насквозь пропитаны этим кислым духом. Из глубины квартиры раздался какой-то шум и ворчливые кри-

ки. Парень отложил в сторону ковшик и вышел из кухни, прикрыв за собой дверь. Резкие голоса усилились и стихли. Парень вернулся, взялся за ковш, но не прошло и минуты, как шум из комнат опять возобновился с новой силой. На этот раз хозяин никак на это не реагировал, продолжая выпаривать раствор, шмыгая носом. Шум нарастал.

– Тебя как звать-то? – спросил я парня.

– Вадик, – ответил он вяло, даже не обернувшись.

– А кто там шумит у тебя, Вадик? – продолжил я.

– Да старый там... – неопределенно сказал Вадик, явно не желая придавать этой теме какого-либо значения.

– Что за «старый»? – не унимался я.

– Батя его, бухой... – ответил за Вадика Виталик, видимо хорошо знакомый с этой обстановкой.

– А чего стучит-то? – недоумевал я.

– В туалет хочет, – сказал Вадик.

– Так ты его запер, что ли?

Мое удивление росло с каждой секундой.

– Ну да. Потерпит, – лениво отозвался Вадик, не сводя слезящихся, воспаленных глаз с ковшика.

– Выпусти его. Пусть идет в туалет, – сказал я как можно мягче, чувствуя между тем, как поднимается во мне волна возмущения.

– Да успеет! Щас выпусти его, начнет шарабиться по всей хате... – Вадик явно был убежден в пустяковости диалога.

Давление мое, как всегда, мгновенно превысило пределы нормы:

– Ты че, дебилоид?! Я тебе сказал: ИДИ, ВЫПУСТИ ЕГО!!!

Я уставился на Вадика, как волк на дичь, и, быстро оценив тон моего настроения, он беспрекословно отложил ковшик и вышел из кухни.

– У них вся семейка такая, – сказал Виталик, покрутив пальцем у виска. Ему было немного неловко от ситуации.

Шум прекратился вновь, и Вадик, вернувшись, принялся молча заниматься тем делом, ради которого мы здесь томились. Я смотрел на него, и это был тот момент, когда хочется сказать нечто важное, понимая, однако, что все сказанное будет впустую поглощено кислой атмосферой уксусного ангидрида. Передо мной стоял типичный представитель инопланетян, инертность которых я наблюдал когда-то в местном лагере. Все оставшееся время мы просидели молча, и, когда Вадик наконец отдал Виталику запечатанный пузырек с раствором, мы, как по команде, поднялись и спешно направились к выходу. В коридоре мы миновали мужика в трусах, он держался за косяк комнатной двери и что-то бормотал. Идущий за нами следом Вадик бросил ему:

– Ну и че ты выполз? Поссал – давай падай в люлю и дрыхни!

Мы уже открывали входную дверь, когда пьяный мужик вступил в пререкания с сыном:

– А ты мне не указывай! Я сам знаю, что мне делать! Я хозяин этой квартиры!

Дверь за нами захлопнулась, но я успел услышать последнюю фразу:

– Ты НАРКОПИДОРАМ своим указывай, что делать, а не мне!!!

Мысль острой иглой пронзила мой мозг. Ганс!.. Спускаясь по лестнице, я поинтересовался у Виталика, кто такой отец Вадима.

– Пенсионер он. Раньше в зоне работал, – сказал Виталик.

Адрес редакции:
119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.12.2011 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно